РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ХРОНОДИСКРЕТНОГО МОНОГЕОГРАФИЧЕСКОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Сборник научных трудов по материалам
Второй всероссийской научной конференции

Нижний Новгород 2019

УДК 340.5
ББК 67.3
А 43

Р е ц е н з е н т ы :

В.В. Оксамытный, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ, руководитель Научного центра сравнительного правоведения, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова;

Н.С. Нижник, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, начальник кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

А43 Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Второй всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019. – 280 с.

ISBN 978-5-00036-246-4

В сборнике научных трудов представлены статьи, подготовленные по результатам Второй всероссийской научной конфренции «Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения», состоявшейся в Нижегородском институте управления – филиале РАНХиГС 25 сентября 2019 года.

Книга адресована научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических и исторических факультетов высших учебных заведений, государственным служащим и практикующим юристам, а также читателям, интересующимся соответствующей проблематикой.

УДК 340.5
ББК 67.3

© Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, 2019
© Авторы сборника, 2019

ISBN 978-5-00036-246-4

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ХМСП-ИССЛЕДОВАНИЙ 7

Демичев А.А. О понятийном аппарате хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения 9

Тимощук А.С. ХМСП: метафизика, философия, системогенетика 19

Демичев К.А. Категории временной длительности и темпоральности в контексте теории хроноразрыва – ХМСП-подход 26

Лонская С.В. Хронодискретный подход в историко-правовой науке и принцип дополнительности 35

Илюхина В.А. Принципы права как предмет хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения 39

Хужин А.М. Теория юридических фактов в гражданском праве: ХМСП-исследование 48

Черепанов С.И. Возможности метода хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения в правовом и патриотическом воспитании 56

СУДЕБНЫЕ ИНСТИТУТЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ХМСП 63

Волосатых Е.А. Требования к мировым судьям как элемент их правового статуса: история и современность 65

Ромадина Н.Э. Требования к присяжным заседателям в Российской империи и Российской Федерации: хронодискретный анализ 77

Гольцман Е.В. Механизм формирования корпуса судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) 85

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИИ ХМСП 93

Большакова В.М Сравнительно-правовой анализ института прокуратуры в Российской империи и Российской Федерации 95

Леонов А.П. Основания и условия утраты правового статуса

депутата Государственной Думы в Российской империи и Российской Федерации: история и современность 102

Асанов Р.Ф. Хронодискретное моногеографическое сравнительное исследование тенденции развития вопросов местного значения второй половины XIX и XXI веков 116

Зайцева А.А. Взаимодействие главы местного самоуправления с другими органами местного самоуправления в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование)..... 132

Полшкова О.А. Частный нотариат как хронодискретный институт: постановка проблемы..... 143

Аверьянова М.И. Вопросы становления правового института наемных домов социального использования с позиций ХМСП-подхода 149

Воробьев А.В. Хроноразрыв в исследовании рабочего протеста..... 161

Гуляева Т.Б., Фабричная Л.И. Особенности правовой регламентации медицинского права в дореволюционной России, в СССР и после распада советского государства. 172

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ТЕОРИИ И ИНСТИТУТЫ КАК ОБЪЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ХМСП..... 187

Власов М.В. Хронодискретность принципа свободы договора в российском гражданском праве 189

Пчелкин А.В. Взгляд на систему обязательной маркировки товаров и мониторинга прослеживаемости сквозь призму исследования хроноразрыва в идее полного контроля за обращением товаров..... 195

Озманов Н.А. Переговоры о заключении договора в дореволюционной и современной России 205

Соболева М.В. Особенности развития платных медицинских услуг в Российской империи и Российской Федерации: хронодискретный анализ..... 211

Дорош И.Н. Динамика развития института права собственности на землю в России в контексте хронодискретного анализа 224

Балалаева Ю.С. Институт несостоятельности (банкротства) в период хронодискретной паузы 233

Золотова О.И. Развитие института представителя в граждан-

ском процессе (вторая половина XIX – конец XX вв.) 241

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ И ИНСТИТУТЫ В ОТРАЖЕНИИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ХМСП 251

Илюхин А.В. Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России через призму научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения. 253

Балалаева М.В. Административная преюдиция в уголовном праве: ХМСП-исследование 264

Руденок К.В. Сравнительно-правовой анализ типологии терроризма в Российской империи и Российской Федерации..... 271

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ..... 277

ПРЕДИСЛОВИЕ

25 сентября 2019 г. в Нижегородском институте управления – филиале РАНХиГС состоялась Вторая всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения».

Научная площадка конференции на базе Нижегородского института управления объединила более тридцати исследователей, разделяющих методологические принципы школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения, из ведущих научно-образовательных центров Нижнего Новгорода, Москвы, Владимира, Рязани, Калининграда, Перми и Уфы.

С началом работы участников поздравил заместитель директора института Владимир Владимирович Аврамцев. В своем приветственном слове он отметил стабильную и продуктивную работу научной школы ХМСП, перспективность и актуальность научных разработок, а также указал, что в соответствии с глобальными трендами развития Академии, выделенными ректором Владимиром Александровичем Мау, важнейшей задачей, стоящей перед все сетью РАНХиГС, является развитие международного сотрудничества. В свете этого, Владимир Владимирович пожелал представителям научной школы вывести конференцию на новый международный уровень и всячески способствовать интеграции российской и зарубежной науки.

С приветственным словом к собравшимся также обратился основатель научной школы ХМСП и ее бессменный лидер доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, ведущий научный сотрудник сектора научных исследований и разработок НИУ – филиала РАНХиГС, профессор Нижегородской академии МВД России Алексей Андреевич Демичев. В своем выступлении он отметил серьезное расширение проблемного поля научной школы, появление большого количества молодых ученых, работающих в рамках ее методологии, расширение тематики выступлений и глубину проводимого анализа.

Доклады участников были сформированы в тематические проблемные блоки, посвященные теоретико-методологическим вопросам, перспективам изучения государственно-правовых и судебных институтов, институтов частного права и, впервые в истории конференции, уголовно-правовым принципам и институтам в отражении методологических подходов научной школы ХМСП.

Выступления докладчиков сопровождались активным обсуждением, а по окончании была проведена итоговая дискуссия.

Опыт проведения второй конференции был признан участниками успешным, в результате чего было принято решение о проведении Третьей научной конференции «Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения» в октябре 2020 г. с изменением ее статуса с всероссийского на международный.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ХМСП-ИССЛЕДОВАНИЙ

Демичев Алексей Андреевич
Demichev Alexey Andreevich

доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ,
ведущий научный сотрудник сектора научных исследований и разработок,
Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС;
профессор кафедры гражданского права и процесса,
Нижегородская академия МВД России

Doctor of Sciences (law), Candidate of Sciences (history), Professor, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation,
Leading researcher of the research and development sector,
Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPA;
Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

О понятийном аппарате хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения

On the conceptual apparatus of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence

Аннотация. В статье предлагаются дефиниции основных понятий хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения. Определяются различные значения, в которых употребляется понятие «хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение», определяется предмет хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения.

Ключевые слова: хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение, методология, научная школа, хронодискертные институты, хронодискретные идеи и концепции; хронодискретные явления.

Annotation. The article proposes definitions of the basic concepts of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence. Various meanings are defined in which the concept of «chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence» is used, the subject of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence is defined.

Keywords: chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence, methodology, scientific school, chrono-discrete institutes, chrono-discrete ideas and concepts; chrono-discrete phenomena.

По мере развития научного направления «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» и роста числа его представителей постепенно назрела необходимость в унификации используемой терминологии, в уточнении категориально-понятийного аппарата. Естественно, в рамках ХМСП разные точки зрения, научные дискуссии и прочие моменты без которых невозможно развитие науки, только приветствуются. Однако полагаем, что при этом представители одного научного направления должны оперировать понятиями, имеющими вполне определенное значение и единообразное толкование.

В данной статье мы предлагаем свое видение основных понятий научного направления ХМСП. Естественно мы открыты для дискуссии. Но пока в результате коллективного обсуждения не пришли к иным выводам, предлагаем использовать предложенное нами в научно-исследовательской деятельности представителей научной школы ХМСП.

Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

Данное понятие используется в нескольких значениях: 1) методология; 2) научное направление; 3) научная школа.

Методология ХМСП (ХМСП-методология) – это совокупность научных походов, принципов и методов исследования институтов, идей, концепций, явлений и т.д., существовавших в разное время в одной стране и в истории которых имело место прерывание правовой традиции.

Мы в различных работах неоднократно рассматривали проблемы ХМСП-методологии, по этой причине здесь данный вопрос не рассматриваем. Отметим лишь, что ХМСП-методология базируется на сравнительно-правовом и историческом подходах.

Иногда в научных работах встречается такое понятие «метод ХМСП». Мы считаем употребление данного термина некорректным. Полагаем, что нет метода ХМСП, а существует именно ХМСП-методология как совокупность исследовательских подходов, принципов и конкретных методов. При этом в различных работах в зависимости от их предмета, цели, специфики источниковой основы и других факторов дополнительно могут применяться специальные методы – статистические, математические, социологические, метод периодизации и другие.

Научное направление ХМСП – это направление современной юридической науки, в рамках которого на основе ХМСП-методологии изучаются хронодискретные институты, идеи, концепции, явления и иные компоненты правовой реальности, входящие в предмет ХМСП.

ХМСП как научное направление существует на стыке истории государства и права и сравнительного правоведения. Учитывая, что исследо-

ванию подвергается не только историческое прошлое, но и современность, в ряде случаев ученые работают в проблемном поле отраслевых юридических наук.

Научная школа ХМСП – это совокупность исследователей, работающих в рамках ХМСП-методологии и самоидентифицирующих себя в качестве сторонников ХМСП как научного направления.

Момент самоидентификации, на наш взгляд, является определяющим при отнесении того или иного ученого к научной школе ХМСП. Мы категорически против «приписывания» различных ученых к данной научной школе только на основании того, что область их научных интересов, подходы к изучению проблемных полей и т.д. близки к ХМСП как научному направлению, к ХМСП-методологии.

Свидетельством самоидентификации ученого в качестве представителя научной школы ХМСП могут являться:

1) прямое отнесение себя к данной научной школе, высказанное в публикациях, выступлениях на конференциях, в СМИ и иными способами;

2) участие в работе специальных научных конференций по ХМСП;

3) публикации статей в соответствующих сборниках статей, рубриках журналов;

4) использование в работах специфической терминологии, присущей научному направлению ХМСП.

Научную школу ХМСП мы рассматривает как неформальное объединение, а не какую-либо формализованную организацию с установленным членством и внешними атрибутами. Научная школа ХМСП – это союз единомышленников, объединенных общим научным интересом и общими методологическими подходами.

Естественно научная школа ХМСП – не какое-то виртуальное объединение. Ее реальность выражается в проведении научных конференций и методологических семинаров, посвященных актуальным проблемам ХМСП, издании сборников трудов, коллективных монографий, выделении в журналах и непериодических изданиях рубрики «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение». Могут создаваться научные центры, исследовательские лаборатории, постоянные и временные творческие группы и коллективы для проведения соответствующих исследований.

Если говорить не об организационном, а о научном аспекте, то специфика научной школы ХМСП заключается в том, что ее представители объединены не предметом исследования, а методологией.

Предмет хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения.

Предмет ХМСП – это явления исторической и современной правовой реальности, изучаемые с помощью ХМСП-методологии.

Предмет ХМСП является достаточно широким и имеет тенденцию расширению в сущностном, территориальном и иных планах. В настоящее время в предмет ХМСП входят государственные и правовые институты, идеи и концепции, явления.

В территориальном плане предмет ХМСП, естественно, не ограничивается только Россией – хронодискретные институты, идеи, концепции, явления и т.д. имеют место и в других странах [13; 14; 15].

Предмет ХМСП может расширяться в зависимости от изменений в современном законодательстве и правоприменительной практике. Мы имеем в виду ситуацию, когда после длительного перерыва и разрыва в правовой традиции возрождается определенный институт и пр.

Приведем пример. Судебные уставы 1864 г. создали в Российской империи институт судебных следователей, просуществовавший до 1917 г. После этого данный институт не существовал и не существует. Однако уже достаточно продолжительное время идут дискуссии о его введении в Российской Федерации. В том случае, если судебные следователи появятся в современной России, то данный институт приобретет хронодискретный характер и, соответственно, войдет в предмет ХМСП.

Хронодискретные институты.

Хронодискретные институты – это государственные, правовые и иные институты, существовавшие в одной и той же стране в различные исторические периоды и в существовании которых имел место временной разрыв (хронодискретная пауза), приведший к прерыванию правовой традиции.

Хронодискретные институты могут иметь организационное выражение в виде каких-либо органов, носить материальные характер (Государственная Дума [26; 27], мировой суд [6; 20; 21; 22], суд присяжных [17; 18; 19], судебные приставы [2; 7] и т.д. [11]).

В тоже время некоторые хронодискретные институты не имеют организационного выражения, представляют собой совокупность норм, регулирующих определенную сферу общественных отношений, и носящих процессуальный характер (апелляция [1; 25], представительство в торговых отношениях [24], возвращение искового заявления [23] и др.).

В зависимости от характера хроноразрыва хронодискретные институты делятся на классические и неклассические. Для классических хронодискретных институтов характерно совпадение формально-юридической и

фактической хронодискртеной паузы. Примерами таких институтов являются мировой суд, суд присяжных, апелляция, институт судебных приставов, Государственная Дума и др.

Для неклассических хронодискретных институтов характерно несовпадение формально-юридической и фактической хронодискретной паузы. Как правило, первая носит непродолжительный характер, вторая – более длинная. Примерами неклассических хронодискретных институтов являются прокуратура [3; 28] и адвокатура [16; 30; 31].

Тем не менее, в обоих случаях в результате хронодискретной паузы имеет место прерывание правовой традиции того или иного института.

Хронодискретные идеи и концепции – это идеи (концепции), существовавшие в одной и той же стране в различные исторические периоды и в существовании которых имел место временной разрыв (хронодискретная пауза), приведший к прерыванию правовой традиции.

Между хронодискретными идеями и концепциями имеется определенное различие, которое уже рассматривалось в научной литературе К.А. Демичевым [9, 10, 12]. По этой причине данный вопрос мы не затрагиваем.

Хронодискретное явление – это совокупность фрагментов исторической и современной объективной реальности, обладающих определенность автономностью и целостностью, а также схожими характеристиками, свойствами, чертами, элементами, между которыми имела место хронодискретная пауза.

Примерами хронодискретных явлений могут служить гражданское общество в России [5; 8], судебные преобразования в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. и в Российской Федерации конца XX – начала XXI в., [4] терроризм в России [29] и др.

Хронодискретные явления как особый предмет ХМСП-исследования требует специального теоретического осмысления.

Хронодискретная пауза.

Понятия «хронодискретная пауза», «хроноразрыв», «хронопауза», «временная пауза», «временной разрыв» являются, на наш взгляд синонимичными.

Хронодискретная пауза – это время небытия, прерывания исторической традиции хронодискретного института, идеи, концепции, явления между его упразднением и возрождением в одной и той же стране в различные исторические периоды.

Хронодискретная пауза может носить формально-юридический и фактический характер. Для классических хронодискретных институтов формально-юридическая и фактическая хронодискретная паузы совпадают.

Для неклассических институтов формально-юридическая пауза может быть непродолжительной, а вот фактическая пауза – более длительной. Именно в ходе последней и происходит прерывание исторической традиции.

Интересным представляется вопрос о смертной казни в России с позиции ХМСП-методологии. Не будем брать в расчет несколько кратковременных период упразднения смертной казни в послереволюционный период становления советской власти. Ни о каком прерывании исторической традиции смертной казни, на наш взгляд, речи здесь не идет. А вот в Российской Федерации ситуация сложилась весьма интересная. Юридически, в том числе на конституционном уровне, смертная казнь в Российской Федерации продолжает существовать, фактически же она не применяется. Если в нашей стране вновь начнут применять данную меру наказания, то можно будет с уверенностью говорить, что о наличии фактической хронодискретной паузы в истории института смертной казни в Российской Федерации.

Мы полагаем, что проблемы, связанные с хронодискретными паузами, требуют дальнейшего изучения. Интересным представляется вопрос об их видах, характере их границ, специфике хронодискретных пауз для разных объектов, входящих в предмет ХМСП (институтов, концепций и идей, явлений). Кстати, вопросы хроноразрыва в отношении идей и концепций ранее уже рассматривались в научной литературе [12].

Завершая статью, остановимся на одном формальном моменте. Публикация научных трудов, как правило, предполагает наличие аннотации и ключевых слов, в том числе переведенных на английский язык. Мы полагаем, что в этом случае тоже должно соблюдаться единообразия, которого к настоящему моменту не имеется.

Мы предлагаем использовать следующие варианты перевода терминов ХМСП на английский язык:

Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение – chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence.

Хронодискретный институт – chrono-discrete institute.

Хронодискретная пауза – chrono-discrete pause.

Хроноразрыв (временной разрыв) – time gap.

Библиографический список

1. Большакова, В.М. Апелляция как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 7А. – С. 5-12.

2. Большакова, В.М. Институт судебных приставов как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Том 9. – № 3А. – С. 7-15.

3. Большакова, В.М. Прокуратура как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. – 2018. –Т. 8. – № 6А. – С.12-18.

4. Большакова, В.М. Судебные преобразования в России второй половины XIX – начала XX в. и конца XX – начала XXI в. как хронодискретное явление // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 10А. – С. 127-134.

5. Борисова, И.Д., Ошмарин, А.А. Метод хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения в проблеме становления и развития гражданского общества в России // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 191-203.

6. Волосатых, Е.А. Хронодискретное историко-теоретическое исследование правового статуса мирового судьи в Российской империи и Российской Федерации : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Волосатых Евгений Андреевич; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2016. – 217 с.

7. Гольцман, Е.В. Требования, предъявляемые к судебным приставам в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 117-127.

8. Демичев, А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 2. – С. 22-26.

9. Демичев, К.А. Идея и концепция как объект изучения хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 3. – С. 13-15.

10. Демичев, К.А. Концепция в сфере частного права как объект изучения научной школы ХМСП // Вестник Нижегородского института управления. – 2018. – № 3 (49). – С. 38-41.

11. Демичев, К.А. Нижний Новгород и нижегородские государственно-правовые институты сквозь призму научной школы ХМСП // Нижегородский край и развитие России: прошлое, настоящее, будущее сбор-

ник материалов научно-практических конференций и круглых столов. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 54-57.

12. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 22-30.

13. Демичев, К.А. Сикхская государственность как идейный конструкт в условиях хроноразрыва // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 25-29.

14. Захаров, В.В., Ильина, Т.Н. Модель подготовки юридических кадров во Франции: история и современность // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 6. – Н. Новгород: ООО «Стимул–СТ», 2014. – С. 20-45.

15. Захаров, В.В., Ильина, Т.Н. Юридическое образование в Германии: конкуренция традиций и новаций в контексте эволюции правовой системы // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 5. – Н. Новгород: ООО «Стимул–СТ», 2013. – С. 18-31.

16. Ильина, Т.Н. Роль адвокатуры в оказании бесплатной юридической помощи населению в России в начале XX и XXI века: хронодискретный анализ // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 215-222.

17. Илюхин, А.В. Ограничение компетенции присяжных заседателей по государственным преступлениям в Российской империи и Российской федерации: сравнительно-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 32-36.

18. Илюхин, А.В., Илюхина, В.А., Везенова, П.Р. Военный суд присяжных в России как объект хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 427. – С. 201-207.

19. Илюхин, А.В. Процесс становления суда присяжных в России с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития науч-

ной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 95-107.

20. Илюхина, В.А. Вопросы организации мирового суда в России по Судебным уставам 1864 г. и современному законодательству: опыт хронодискретного моногеографического сравнительно-правового анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 61-77.

21. Илюхина, В.А. Требования к мировым судьям в России: хронодискретный анализ // Реформирование судебной системы в России: история и современность: сборник научных трудов, посвященный 80-летию Нижегородского областного суда. В двух частях. Часть II / под ред. Бондара А.В., Ершова В.В., Журавлѐвой Ю.В., Ярцева Р.В. – Н. Новгород: ПФ ФГБОУВО «РГУП», Издательство «Автор», 2018. – С. 51-57.

22. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Гарантии реализации прав и обязанностей мировых судей в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 7. – С. 16-21.

23. Исаенкова, О.В. Возвращение искового заявления в гражданском процессе как хронодискретный правовой институт // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 2. – Н. Новгород: Изд-во «КиТиздат»; НФ МГЭИ, 2010. – С. 41-47.

24. Карпычев, М.В. Представительство в коммерческих (торговых) отношениях по законодательству Российской империи и Российской Федерации // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 4. – М.: ООО «Ваш полиграфический партнер», 2012.. – С. 92-122.

25. Крайнова, Е.Р. Хронодискретное общеправовое исследование института апелляции в Российской империи и Российской Федерации : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Крайнова Екатерина Романовна; Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – Владимир, 2016. – 197 с.

26. Леонов, А.П. Материальное обеспечение депутатов Государственной Думы: история и современность // Актуальные проблемы и пер-

спективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 145-159.

27. Леонов, А.П. Сравнительно-правовое исследование условий приобретения правового статуса депутата Государственной думы Российской империи и Российской Федерации // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2017. – № 18. – С. 135-152.

28. Никонов, В.А. Российская прокуратура во второй половине XIX-начале XX века и конце XX-начале XXI века (сравнительно-правовой анализ): монография / под ред. А.А. Демичева. – Н. Новгород: Нижегородский филиал Московского гуманитарно-экономического института, 2006. – 156 с.

29. Руденок, К.В. Терроризм в России: ХМСП исследование // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 160-173.

30. Черепанов, С. И. Сравнительно-правовое исследование института присяжных поверенных в Российской империи по судебной реформе 1864 года и института адвокатуры в Российской Федерации : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Черепанов Сергей Иванович; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2018. – 192 с.

31. Черепанов, С.И. Корпоративное устройство органов адвокатуры в дореволюционной и современной России в контексте хронодискретного анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 128-142.

Тимощук Алексей Станиславович
Timoschuk Alexey Stanislavovich

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
ВЮИ ФСИН России, г. Владимир

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines
VUI FSIN of Russia, Vladimir

ХМСП: метафизика, философия, системогенетика
HMSP: metaphysics, philosophy, systemogenetics

Аннотация. В статье анализируются возможности методологии школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения с позиции метафизики, философии истории и нового подхода к советскому периоду развития России.

Ключевые слова: временной разрыв, искажения течения времени, нелинейная клиодинамика, квантовая модель права, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение,

Annotation. The paper analyzes the possibilities of the methodology of the school of chrono-discrete monogeographic comparative law from the perspective of metaphysics, philosophy of history and a new approach to the Soviet period of the development of Russia.

Keywords: time gap, distortion of the flow of time, nonlinear cliodynamics, quantum model of law.chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence.

Научная школа хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения (ХМСП) – динамичное интегративное направление, вовлекающее в научное поле сразу несколько продуктивных идей, концепций, систем. ХМСП – это новый взгляд на социальную философию и клиодинамику; это мультиформатная парадигма, методы и результаты которой можно конвертировать в самые разные области.

Метафизическим обозначающим ХМСП выступает антиномия континуального-дискретного. Корпускулярная картина мира (Демокрит, Эпикур, Галилей, Ньютон) исходила из дискретной (прерывистой) модели мира, где материя – это вещественная субстанция, состоящая из атомов или корпус-

кул, абсолютно прочных, неделимых, непроницаемых частиц, обладающих массой. Полевая картина мира (Фарадей, Максвелл, Лоренц, Эйнштейн) – это континуальная модель, где материя – это единое непрерывное поле с точечными силовыми центрами и волновыми движениями в нем [11].

И, наконец, квантово-полевая картина мира (Планк, Шредингер, Гейзенберг, Бор) примиряет дискретный и континуальный подход в паранепротиворечивой модели с такими феноменами как запутанность, телепортация, сверхплотное кодирование, когеренция, суперпозиция. Квантовая модель является основой неклассического мировоззрения с его синергетикой, комплементарностью, индетерминизмом, антропностью, интесубъективностью, нарративностью, нелинейностью, модальностью [8, 9].

Конвергенция и дивергенция в праве, симулякр, синергетика в праве – эти и другие неклассические темы есть показатель влияния постмодернистской философии на юридические науки [1, 5, 12]. Мы можем стоять как консервативные юристы на позиции методологической чистоты права и требовать свободы юриспруденции от контаминации философией, историей, социологией, психологией. Однако существование чистого догматического права вне связи с обществом, историей и сознанием – это еще одна утопия. Urisprudentia возникла как толкование воли божества юристами, жрецами Фемиды (Дике). И если купировать у права его гуманитарные основания, то тогда нужно быть последовательными и отказать от таких логически пустых понятий, как справедливость, равенство, ответственность, единство и т.п.

Право, будучи главным широко признанным регулятором, поднявшимся над мифом, религией, моралью, не должно забывать поколений предюридической информации и системообразующих связей с иными институтами. В этом контексте применима концепция системогенетики и ноосферизма А.И. Субетто, к которой я бы сделал поправки в отношении дополнительности рыночных негоциаций к социальному дарению и обмену [4].

Оппозиция дискретность / континуальность – это геометрическая асимметрия, ее изоморфной формой во времени выступает контингентность / рекуррентность, которая напрямую касается проблемы квалиметрии историко-правовой системогенетики. С точки зрения юридической техники существуют два правовых подхода, которые мы условно называем по их историческим этимонам как англо-саксонский и романо-германский. Разница между ними фиксирует глубокую философскую проблему, считаем ли мы мир контингентным и невозможным для систематизации (все события уникальны, ситуации неповторимы, казусы – разные). Либо же мы исходим из того, что, несмотря на внешнюю непохожесть, события цикличны и могут быть описаны как типичные. Второй подход связан с историчностью права,

с тем, что оно вписано в социокультурный контекст и фундировано ценностно-смысловыми детерминантами социума. С этой точки зрения, совершенно оправдано знать прошлое для настоящего и будущего.

Хридаянанда Госвами предостерегает как от религиозного, так от научного фундаментализма. Рациональный баланс между физикой и метафизикой – вот идеальное состояние мира. Современные естественные науки, включая позитивную юриспруденцию, не могут быть единственным хранителем рациональности, отрицающим валидность религиозных, метафизических, моральных утверждений. Они сами привлекают много допущений и условностей. Такие же самоочевидные установки могут быть и у гуманитарных наук. Мораль и право опираются на метафизические установки равенства, добра и зла, справедливости. Релятивизм, отказывающийся от истины, сам не должен провозглашать это новой истиной. К сожалению, в современных образовательных и научных организациях ученый может делать метафизические и религиозные заявления, но только до тех пор, пока они негативные. В то время как, если мораль объективна, то ее единственными основаниями могут быть сверхъестественные начала.

Естествознание дает объективное знание в определенной области, но оно не может быть единственным хранителем объективности, т.к. помимо физической Вселенной, есть еще одно измерение смыслов и ценностей. Поэтому как рациональный религиозный фанатизм, так и рациональный воинственный материализм – это оксюмороны. Обе эти крайности иррациональны и нелогичны. В социальной практике нужно уходить от этих противоположностей [7].

Второй кластер проблем, который непосредственно затрагивает тематика ХМСП, и об этом напрямую говорит основатель школы, это философия истории. Профессор А.А. Демичев пишет о том, что согласно модели цивилизационного подхода к истории, каждая устойчивая общность встречается рано или поздно с вызовом, на который она должна сформировать адекватный ответ, иначе она может прийти в упадок [2: 24]. Концепция британского культуролога Арнольда Тойнби здесь служит нескольким целям. Во-первых, история фиксирует разные кризисы и общественную реакцию на них, а это означает, что история государства и права – это необходимая часть юридической науки. Отрезая социальную память и вставая на позиции формальной догматики, мы теряем связь со смыслом развития общества. Поэтому технократические призывы к очищению права от истории означают отсечение себя от колоссального культурного информационного источника. Конечно, мы не можем стоять на позиции историцизма и считать, что, зная историю, мы можем предсказывать будущее в деталях, однако знание истории болезни помогает врачу сделать прогноз, а ведение кар-

тотеки преступлений (Antecedentes Penales) – это создание базы данных по потенциальным рецидивам.

И, наконец, ХМСП – это новый взгляд на советское общество, которое предстает в контексте временных разрывов особым модернизационным проектом XX века, который выступил локомотивом российской монархическо-буржуазной истории, отстававшей от мировых индустриальных трендов.

Модернизация проходила по нескольким направлениям развития – экономическом, индустриальном, политическом, юридическом, социокультурном, эстетическом, этическом. Ускоренный характер обновления общественных отношений не мог не вызвать напряженности между классами, партиями и элитами. XX век – наиболее драматичный для России, как по людским потерям, так и по кардинальным мировоззренческим трансформациям. В этот период происходит выработка новых ценностно-смысловых установок экстремального времени: преданность революции как аксиологическая доминанта, низкая оценка индивидуальной человеческой жизни и личности, социальный утопизм. Имеет место нарушение сословных мемориальных эстафет, закладываются новые коммеморативные ритуалы. В этой связи особенно важным следует признать всестороннее и полноценное осмысление истории революций и Гражданской войны, их место в современной России. Возможно, история никого ничему не может научить в силу неоднородности и аномичности исторического процесса, вместе с тем она имеет собственную ценность как коммеморативная практика, история болезни и, как говорят испанцы – Antecedentes Penales, картотека преступлений [10].

Столетний юбилей революционных событий в России дает нам возможность рассмотреть феномен революции масштабно и в диалектике развития науки, техники, культуры, общества, массового сознания. В условиях инновационного ландшафта современной России анализ типов развития – революция / эволюция / синергия, – сохраняет свою актуальность в условиях социального расслоения, демографической диспропорции Востока и Запада, Севера и Юга Росси.

В XX в. Россия пережила четыре революции: три буржуазные и одну большевистскую. Последняя, перестройка М.С. Горбачева, самая глубокая по своим социальным последствиям. Это лиминальный возврат от коллективистского общества к индивидуалистическому, последствия которого означают, что Россия больше никогда не будет прежней, ее нельзя реанимировать, как невозможно воскресить умершего [6].

В криминалистике, чем ближе к преступлению, тем больше вероятность его раскрытия по горячим следам. В истории же действует другой

принцип. Чем дальше мы отдаляемся от масштабных событий, тем более отчетливо мы понимаем их исторический смысл. Так, сейчас мы можем с уверенностью сказать, что коммунизм возможен как военный мобилизационный проект Ленина-Сталина. «Малейшая “оттепель”, умаление жестокости и крайнего аскетизма сталинского режима, т.е. реального и единственного устойчивого коммунизма, приводит к такому же размягчению социализма, которое потом уже не удается остановить» [6: 284]. Распад СССР начался не с М.С. Горбачева, а с Н.С. Хрущева, который отказался от проекта военного коммунизма Ленина-Сталина и начал реализовывать социальное государство умеренного потребления. В этом смысле в холодное лето 1953-го оставалось еще немного до европейских свобод, но которые должны были вернуться для всего общества, а не для высшего сословия. Коммунизм отработал как радикальная социальная утопия, породив временной разрыв в очень многих областях социальной жизни: свобода вероисповедания, суд присяжных, общественные наблюдательные советы, духовное окормление заключенных, военное духовенство.

Вся предыстория современной гуманизации современной уголовно-исполнительной системы была подготовлена комиссиями XIX в. К.И. Палена, А.Б. Лобанова-Ростовского, В.А. Соллогуба, К.К. Грота, ходатайствовавших об улучшении качественного состояния мест заключения и условий содержания в них. В это время реализуются такие хронодискретные проекты как участие в международных пенитенциарных форумах и выпуск профессионального печатного органа «Тюремный вестник». Все это вернулось только после сворачивания советской системы социальной эгалитаризации. Именно в XIX в. разработка проектов тюремных преобразований предварялась серьезной подготовкой в рамках теоретических исследований в области пенитенциарной науки (работы С.П. Мокринского, С.В. Познышева, Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого). И только сейчас возвращается реалистичное толкование тюремной тематики, без идеологических императивов.

Уголовное уложение 1903 г. – еще один временной разрыв, свидетельствующий о неготовности общества к европейской модернизации права. И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов, В.К. Случевский, Н.С. Таганцев и другие юристы, работавшие над уложением, несли свет европейского просвещения этим кодексом, однако он долго не мог быть принят и даже после утверждения в 1903 г. действовало не в полном объеме и не на всей территории Российской империи. Слишком большое внимание на наказание, игнорирование социальных причин преступности, устарелость русского материального права – прогрессивные юристы правили устаревшие положения, которые не соответствовали времени, а монархия стремилась к самосохранению и тормозила принятие уложения [3].

Выводы. ХМСП – это перспективная методология по нескольким причинам: 1) как конкретизация общефилософской антиномии континуальное / дискретное (контингентное / рекуррентное); 2) как обоснование историчности права; 3) как ракурс переосмысления советского периода развития России.

Библиографический список

1. Головкин, Р.Б. Иллюзии и симулякры в теории государства и права // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. – 2015. – № 3 (5). – С. 11-21.

2. Демичев, А.А. Принципы и перспективы развития научного направления «хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 23-28.

3. Дудырев, Ф.Ф. Разработка и принятие уголовного уложения 1903 г. // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 4 (12). – С.193-198.

4. Зеленов, Л.А. Ноосферизм как методология исследовательской универсальной деятельности А.И. Субетто // Ноосферизм – новый путь развития посвящается 80-летию Александра Ивановича Субетто: коллективная научная монография. В 2-х кн. Кн. 1. – СПб: Астерион, 2017. – С. 76-79.

5. Иванцова, Д.С. Конвергенция и дивергенция – новые транстермины в российском праве // Вестник Владимирского юридического института. – 2013. – № 3 (28). – С. 149-152.

6. Ивин, А.А. Три русских революции в XX веке // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сборник научных статей / Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2017. – С. 282-285.

7. Тимощук, А.С. Диалектический персонализм Хридаянанда Госвами // Академическое исследование и концептуализация религии в XXI веке: традиции и новые вызовы : сб. материалов Третьего конгр. рос. исследователей религии (7-9.10.2016, Владимир, ВлГУ). В 6 т. Т. 6 / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Аркаим, 2016. – С. 266-276.

8. Тимощук, А.С. Мод(а)ульность неклассического познания // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Выпуск XLI. М.: Экон-Информ, 2009. С. 259-261.

9. Тимощук, А.С. Философия неклассической науки. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2010. – 88 с.

10. Тимощук, А.С. Русская революция как вынужденная модернизация // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года: матер. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г. / под ред. В.М. Доброштана, С.И. Бугашева, А.С. Минина, Т.В. Рабуш. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2017. – С. 380-383.

11. Тимощук, А.С. Эволюция представлений о времени // Всероссийская научная конференция «Человек во времени: философский и естественнонаучный аспекты» (18-19 мая 2017 г.). Самара: СГТУ, 2017. // Вояджер: мир и человек. – 2017. –№ 9. – С. 173-181.

12. Шишкин, В.В. Синергетический подход в теории права // автореферат дис. ... кандидата юридических наук / Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2007. – 35 с.

Демичев Кирилл Андреевич
Demichev Kirill Andreevich

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий сектором аспирантуры Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС
Candidate of Sciences (history), Associate Professor, Head of the Sector of a Postgraduate Study of the Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPA

Категории временной длительности и темпоральности в контексте теории хроноразрыва: ХМСП-подход

Categories: temporary duration and temporality in the context of the theory of time gap: CMCJ-approach

Аннотация. В статье анализируется категория временной длительности и темпоральности в контексте теории хроноразрыва. Обосновывается что использование этих категорий будет способствовать выявлению устойчивой связи между хронодискретным предметом исследования и особенностью его восприятия, как в период хроноразрыва, так и в период его непосредственного восстановления.

Ключевые слова: хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение, хроноразрыв, временная длительность, темпоральность.

Annotation. The article analyzes the category of time duration and temporality in the context of the theory of time gap. Proves that using these categories will help to identify stable relations between granodiorite the subject of the study and the particularity of his perceptions, as in the period of time gap, and during his immediate recovery.

Keywords: chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence, time gap, time duration, temporality.

Одним из фундаментальных понятий и одновременно методологическим принципом научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения (далее ХМСП – *К.Д.*) является временной разрыв [9: 164], хроноразрыв или хронодискретная пауза [6: 15, 16]. В самом общем виде понятие хроноразрыва можно сформулировать, как разрыв, прерывание традиции существования того или иного государственно-

правового института, идеи, концепции, явления или процесса в пределах одного государственного образования.

Длительность хроноразрыва может быть совершенно разной, от нескольких лет, до нескольких столетий. При этом мы не можем не согласиться с позицией А.А. Демичева, который справедливо утверждает, что «разрыв в существовании института не должен быть настолько длительным, что можно было бы говорить о его абсолютном забвении. С другой стороны, разрыв в традиции должен обязательно иметь место и не быть настолько коротким, чтобы можно было вести речь просто об эволюции института» [7: 10]. Несомненно, что такой подход применим к другим предметам ХМСП, будь то идеи, концепции, явления или процессы, чье бытие прерывалось в силу каких-либо факторов внутриполитического или же внешнеполитического характера.

А.А. Демичев указывает, что наибольшую перспективу в изучении государственно-правовых институтов имеет анализ временных разрывов, чья длительность составляет не менее 30-40 и не более 90-100 лет, поскольку в этом случае хроноразрыв, прерывая бытие института, не вымывает его образ из исторической памяти последующих поколений [7: 11]. Представляется, что такой подход вполне работает применительно к таким предметам ХМСП, как государственно-правовые институты, однако в отношении идей, концепций, явлений и процессов, он нуждается в определенной корректировке, обусловленной не только спецификой природы этих предметов, но и их комплексными временными показателями и характеристиками.

Такая категория как временная длительность имеет важнейшее значение, как при характеристике института, идеи и пр., прежде всего в период их существования до и после временного разрыва, так и при характеристике, собственно хроноразрыва.

Не вызываете сомнения, что длительное существование института, идеи и пр. до хроноразрыва, в итоге, может оказывать существенное воздействие на специфику восприятия соответствующего предмета. Длительность традиции бытования, относительная эффективность, степень положительного восприятия, все это становится основой для успешного воспроизводства института, идеи и пр. и, следовательно, прекращения хроноразрыва. Данное воспроизводство базируется на том, что государственно-правовые институты и пр. могут характеризоваться такими временными показателями, которые Фернан Бродель соотносил с выведенными им категориями временной длительности, существующих в различных хроно-ритмах. Французский ученый указывал, что «время можно расчленить на базе разнообразных временных характеристик и таким образом приручить его, сделав в

общем поддающимся изучению: существуют временные характеристики длительной и очень длительной протяженности, изменения конъюнктуры замедленные и менее замедленные, сдвиги быстрые, а иные – и мгновенные, причем зачастую самые кратковременные обнаруживаются легче всего» [2: 8].

Для уяснения природы устойчивости хронодискретного института и пр. представляется эффективным использовать броделевский концепт времени большой длительности («la longue durée»). С этой разновидностью времени мыслитель связывал медленно изменяющиеся институты, явления и процессы, включающие в себя, как материальные, так и ментальные проявления, которые отличаются наибольшей устойчивостью и наименьшей сущностной изменчивостью.

Применяя концепцию большой временной длительности к хронодискретным институтам и пр. можно заметить их нередкую удивительную устойчивость, которая способствует быстрому воспроизводству соответствующего института по завершении хроноразрыва. Примеров такого рода более чем достаточно.

Например, английская монархия, существовавшая в течение многих столетий, пала в ходе Буржуазной революции 1640-1660 гг. Причем в период с 1649 по 1660 гг. в Англии существовала такая форма правления, как республика, известная под наименованием Английское содружество («Commonwealth of England»). Однако, в 1660 г. Парламент при поддержке генерала Джорджа Монка выступил за восстановление монархии и осуществил реставрацию династии Стюартов, пригласив на английский престол сына казненного Карла I – Карла II. Таким образом, несмотря на всю свою радикальность, революционные события, выступившие в качестве хроноразрыва в истории монархической традиции Англии, не сумели предать забвению этот институт, а английский народ, не вышел за границы своих ментальных установок, сохранив, как оказалось, приверженность многовековому архетипу власти, выражением которого была монархия. Существования Британской монархии до сегодняшнего дня, пусть и существенно ограниченной, только подтверждает ее соотносимость со структурами большой временной длительности.

Другим примером, уже из отечественной истории может стать рыночная экономика и институт частной собственности, чье линейное развитие было прервано двумя хроноразрывами – с осени 1917 по март 1921 г. и с 1931 по 1985 г. [8: 63]. Несмотря на то, что вся государственная социально-экономическая политика в советский период была направлена, в том числе, на формирования человека нового типа, в вопросах касающихся собственности и рынка эта политика успехом не увенчалась. Существование разной

степени открытости и охвата «черного рынка», «фарцовки» и пр., одновременно с идеями и образами рынка и собственности, все это вело к их немедленному воспроизводству сразу же, как такая возможность появлялась, будь то период НЭПа, оккупация части территории Советского Союза в годы Великой Отечественной войны или начало реализации политики «Перестройки» уже на излете советского периода истории. Все политические и социально-экономические процессы, все серьезнейшие перемены в жизни и хозяйственном укладе, все социальные трансформации, как оказалось, не привели к изменениям ментальных поведенческих стереотипов, которые на протяжении веков складывались в дореволюционный период. Консервативная модель восприятия института, память о нем, оказались устойчивой ко всем политическим и социально-экономическим колебаниям, ко всему тому, что Фернан Бродель называл «событийной историей» (histoire événementielle), историей «кратковременных, резких, пульсирующих колебаний» [3: 20].

Категория временной длительности неразрывно связано с категорией темпоральности. Согласно существующим определениям «темпоральность (от англ. tempora – временные особенности) – временная сущность явлений, порожденная динамикой их особенного движения, в отличие от тех временных характеристик, которые определяются отношением движения данного явления к историческим, астрономическим, биологическим, физическим и другим временным координатам, взаимосвязь моментов времени» [17: 298]. Другое определение темпоральности – «характеристика скорости протекания (течения) времени» [16: 279]. Последнее определение представляется, несмотря на всю его кажущуюся простату, наиболее точным, применительно к предмету настоящей работы.

Действительно, осуществляя исследование хроноразрыва в работах основанных на ХМСП-методологии, мы можем оперировать категорией временной длительности, которая в ряде случаев позволяет установить соотносимость хронодискретного института с определенной временной длительностью, однако, без введения категории темпоральности, представляется недостаточным просто констатировать наличие такой связи. Констатация этого факта не позволяет ответить на вопрос, почему восприятие одного и того же, казалось бы, фундаментального института осуществляется по-разному с точки зрения временных характеристик такого восприятия в различных странах. Почему в рамках одного и того же государства одни институты вымываются из памяти в считанные десятилетия и любая ментальная связь с ними, в целом, обрывается, в то время как другие институты в тех же географических рамках могут успешно

воспроизводиться после хроноразрыва, спустя гораздо больший промежуток времени.

Известно, что время историческое, социальное и психологическое далеко не всегда течет в одном темпе. Скорость временных процессов в контексте событийной истории, истории институтов и идей, протекает по-разному, что находит отражение в ментальных установках и исторической памяти. При этом несомненно, что бытование идей и концепций имеет совершенно иную временную длительность, нежели чем бытование соответствующих им институтов.

Показательно, что восприятие многих дореволюционных институтов в современной России может быть по-разному описано исходя из их темпоральности, а следовательно, хроноразрыв, который с точки зрения, объективного линейного временного измерения, был совершенно равный, также воспринимается по-разному. Например, Февральская революция 1917 г. ликвидировала монархию и стала своеобразным прологом к установлению в будущем советской государственности. В условиях формирования новой советской государственности были ликвидированы и многие государственно-правовые [13; 14], судебные [5; 12], общественные [4; 10] и социально-экономические институты [1; 8]. Однако, несмотря на многие столетия монархической традиции, монархия забылась в России очень быстро и после окончания советского хроноразрыва какая-либо ментальная связь и идеологическая коммуникация с ней была практически полностью разрушена, хотя, казалось бы, что русская монархия должна относится к институтам большой временной длительности. В современном обществе монархия воспринимается как нечто такое, что существовало в столь стародавние времена, что с ними прервана какая-либо ментальная, психологическая и институциональная связь. Таким образом, несмотря на то, что с момента падения монархии прошло немногим более ста лет, в современном общественном восприятии этот институт представляется совершенно чуждым.

В тоже самое время, как уже отмечалось выше, рыночная экономика и частная собственность, чье линейное развитие было прервано советским хроноразрывом, были институтами, которые никогда не уходили из коллективной памяти. О свободном рынке и частной собственности хорошо помнили и эти дореволюционные институты воспринимались, как нечто недавнее не только в течении всей советской истории и на этапе демонтажа советского социально-экономического уклада.

А.А. Демичев указывал, что исследования государственно-правовых институтов имеет наибольшую перспективу, если хроноразрыв прервавший традицию его бытования длился не более 90-100 лет [7: 11]. В целом такой

подход представляется абсолютно верным, особенно для европейской истории. Однако, применительно к странам Востока, он будет иметь определенные исключения [11].

Характерным примером здесь может явиться султанат Бруней-Даруссалам, чье самостоятельное развитие было прервано еще в 1888 г., когда это исламское государственное образование попало под протекторат Великобритании и только 1 января 1984 г. Бруней вновь обрел независимость. Хроноразрыв в истории государственности Брунея был и периодом прерывание традиции существования многих государственных и судебных институтов государства. Одним из них стали шариатские уголовные суды, которые фактически прекратили свое существование в период британского протектората. Восстановление шариатских судов стало следствием реализации концепции Малайской исламской монархии (Melayu Islam Beraja), которая была провозглашена в 1990 г. по случаю 44-й годовщины рождения султана Хассаналы Болкиаха [15: 246]. Воплощение данной концепции сопровождалось и возвращением шариатским судам полномочий в области уголовного судопроизводства.

С 03 апреля 2019 г. в Брунее вступили в силу изменения в уголовный кодекс, которые, спустя полтора столетия, восстановили смертную казнь (побивание камнями) за однополую сексуальную связь, прелюбодеяние и изнасилование, ампутацию рук и ног за воровство, а также наказание плетьми за секс вне брака. В целом несмотря на то, что такое изменение законодательства вызвало бурную реакцию мирового сообщества, которая привела к введению моратория на казнь лиц, уличенных в однополых сексуальных связях, остальные нововведения стали действовать. При этом, в самом Брунее эти новшества не вызвали такой реакции, какая имела место в странах Запада. На наш взгляд, такая ситуация была обусловлена тем, что хроноразрыв в бытовании этих институтов не воспринимался и не воспринимается населением Брунея, как длительный. Система религиозных представлений, особенности образовательной политики никогда не прерывали духовной связи с шариатскими институтами, приостановка реализации которых, воспринималась, как исключительно временное явление.

В целом, завершая настоящее исследование, необходимо отметить значительные перспективы в исследовании природы хроноразрыва и специфики хронодискретного института, идеи и пр. в контексте применения категорий временной длительности и темпоральности. Представляется, что использование этих категорий будет способствовать выявлению устойчивой связи между хронодискретным предметом исследования и особенностью его восприятия, как в период хроноразрыва, так и в период его непосредственного восстановления. Категория темпоральности, базирующаяся на

анализе субъективного течения времени, может способствовать выяснению причин того, почему в условиях одного и того же хроноразрыва, одни хронодискретные институты, идеи и пр. воспринимаются, как не прекращающие свое существование в коллективном сознании, а другие, при тех же равных условиях, воспринимаются, как нечто очень далекое и с чем любая коммуникация давно прервана.

Библиографический список

1. Аверьянова М.И. Применение методологии хронодискретного моно-географического сравнительного правоведения (ХМСП) в трудовом праве // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 179-188.
2. Бродель, Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 3. Время мира. пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1992. – 679 с.
3. Бродель, Фернан. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды / Пер. с фр. М.А. Юсима. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
4. Воробьев А.В. Применение методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения в исследовании социально-политических протестных явлений // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 204-214.
5. Гольцман, Е.В. Требования, предъявляемые к судебным приставам в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 117-127.
6. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материа-

лам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

7. Демичев, А.А. О перспективах развития хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 2. – Н. Новгород: Изд-во «КиТиздат»; НФ МГЭИ, 2010. – С. 6-12.

8. Демичев, А.А. Период НЭПа в российской истории через призму хронодискретного подхода // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. - № 3 (43). – С. 62-64.

9. Демичев, А.А. Проблемы изучения правовой преемственности в хронодискретных моногеографических исследованиях // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 160-165.

10. Демичев, А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 2. – С. 22-26.

11. Демичев, К.А. Хронодискретность в развитии государственности: восточный вариант // Актуальные вопросы современного развития России. Основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2016 г. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 332-335.

12. Илюхина, В.А. Вопросы организации мирового суда в России по Судебным уставам 1864 г. и современному законодательству: опыт хронодискретного моногеографического сравнительно-правового анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 61-77.

13. Клочухина Ю.А. Обязанности губернатора в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / Под ред. д.ю.н., проф. А.А. Демичева. – Вып. 3. – М.: ООО «Ваш полиграфический партнер», 2011. С. 107-116.

14. Леонов, А.П. Сравнительно-правовое исследование условий приобретения правового статуса депутата Государственной думы Российской империи и Российской Федерации // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2017. – № 18. – С. 135-152.

15. Милославская, Т.П. Бруней-Даруссалам «Малайская исламская монархия» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2010. – № 15. – С. 246-266.

16. Начала современного естествознания: тезаурус / В.Н. Савченко, В.П. Смагин. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 336 с.

17. Словарь. Современная западная философия / Под ред. В.Н. Садовского. – М.: Политиздат. 1991. 550 с.

Лонская Светлана Владимировна
Lonskaya Svetlana Vladimirovna

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Doctor of Science (law), Associate Professor, Professor of the Department of the Theory and History of Law
Immanuel Kant Baltic Federal University

Хронодискретный подход в историко-правовой науке и принцип дополнительности

Chrono-discrete approach in legal history and the principle of complementarity

Аннотация: Рассмотрены вопросы содержания и применимости принципа дополнительности в историко-правовой науке на примере хронодискретного подхода.

Ключевые слова: хронодискретный подход, принцип дополнительности, историческое время, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

Annotation: The issues of the content and applicability of the principle of complementarity in historical and legal science are examined using the chrono-discrete approach as an example.

Keywords: chrono-discrete approach, principle of complementarity, historical time, chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence.

Оригинальность и плодовитость исследований научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения принесла ей уверенную известность и репутацию в историко-правовом научном сообществе. Как ответ на методологический кризис, это научное направление заняло вполне заметное и достойное место в научных исследованиях. Способность развиваться и двигаться вперед – преимущество, которое позволяет оставаться лидером в любой конкурирующей среде, к коей относится и среда научная. Дискуссия о методологии ХМСП – важная составляющая научного дискурса.

Помещенные в историческое время, государственные и правовые институты существуют в его рамках. Однако рамки эти далеко неоднозначны, как и онтологический статус самого исторического времени, имеющего одновременно и дискретную (прерывную), и континуальную (непрерывную) природу [11]. Хронодискретный подход, запущенный в историко-правовой научный оборот проф. А.А. Демичевым, напрямую отсылает к пониманию исторического времени как прерывного явления: «в истории изучаемого института должен быть временной разрыв, в течение которого он [институт] не существовал» [4: 24]. Важным уточнением, характеризующим разрыв, является указание на то, что это не просто перерыв, а разрыв традиции, происходит сравнение аналогичных объектов, между которыми отсутствует прямая преемственность (непрямая – в ряде случаев признается) [4: 24, 25; 5].

Между тем, отрицание преемственности между изучаемыми институтами, как представляется, ставит барьер для адекватного сравнительно-правового анализа, который лежит в основе методологии ХМСП. Сравнение предполагает наличие *tertium comparationis* («третьего элемента») [8: 149], который можно обнаружить, на наш взгляд, только в ситуации преемственности, т.е. определенной связи между объектами [12]. Кроме того, отсутствие преемственности как заранее заданная методологическая установка предопределяет и получаемые результаты. Но можно ли *a priori* в историческом (и историко-правовом) исследовании установить наличие или отсутствие преемственности?

Дискретно-континуальная, двоякая природа исторического времени и применяемый к исследованию существующих в нем объектов хронодискретный подход дают основания выдвинуть гипотезу о применимости к научным исследованиям историко-правовых явлений в рамках этого подхода принципа дополнительности.

Сформулированная в начале XX в. Нильсом Бором идея дополнительности, как известно, объясняла, прежде всего, явления квантовой физики [2, 3]. Однако вскоре взять ее на вооружение попытались философы, а потом и гуманитарии (сам Н. Бор предполагал, что принцип способен помочь устранять противоречия и в других областях знания [3: 204]). Хотя надо признать, что до сих пор методологическая ценность принципа дополнительности в гуманитарных науках и философии воспринимается неоднозначно [9]. Отчасти это вызывается различными интерпретациями принципа, которые даже противоречат первоначальной авторской идее. Так, распространенной трактовкой принципа дополнительности стало его рассмотрение в объектном смысле, т.е. когда исследователь сталкивается с объектом, обладающим противоречивыми свойствами (как в нашем случае – с дискретно-континуальной природой исторического времени), одновремен-

ное проявление которых невозможно или маловероятно [7, 10]. Такая интерпретация, по мнению ряда исследователей, противоречит позиции Н. Бора, поскольку происходит подмена поставленной им проблемы субъектности познания [7: 33]. В одной из работ, где излагается идея дополнительности, Бор пишет, что этот термин удобно употребить, чтобы подчеркнуть то обстоятельство, что в противоречащих друг другу явлениях мы имеем дело с различными, но одинаково существенными аспектами единого четко определенного комплекса сведений об объектах [3]. При этом явления здесь – это результаты экспериментов, полученные разными способами, не свойства объекта, а способы его описания [1: 129, 130]. Для классической, сосредоточенной на объекте, науки, характерно единое причинное пространственно-временное описание. Н. Бор разделяет его на два самостоятельных, формулируя так называемый «квантовый постулат»: «В соответствии с самой природой квантовой теории мы должны считать пространственно-временное представление и требование причинности, соединение которых характеризует классические теории, как дополнительные, но исключающие одна другую черты описания содержания опыта» [2: 31]. Если распространить этот подход на гуманитарную науку, то мы получим вывод, что даже взаимоисключающие взгляды на объект дают нам его понимание как целостного.

Хронодискретный подход вполне справляется с ролью одного из дополнительных способов описания историко-правовой реальности, сосредотачиваясь на прерывности исторического времени как одной из сторон природы последнего, а также используя историческое время в таком понимании как форму познания истории (по И. Канту – «форму чувственного созерцания» [6: 135], причем Кант, заметим, рассматривал время как некую непрерывность). Представляется, однако, что отношение хронодискретного подхода к проблеме исторической преемственности должно быть уточнено и получить новую методологическую трактовку. Сравнительные и моногеографические компоненты в хронодискретном подходе, по нашему мнению, факультативны, зависят от конкретной исследовательской ситуации и исследовательских задач. Моногеографическое и исключающее его, допустим, кросскультурное хронодискретное исследование могут сами дополнять друг друга и таким образом имплементировать принцип дополнительности в изучении исторического времени как дискретного по своей природе явления.

Библиографический список

1. Алексеев И.С. Концепция дополнительности: историко-методологический анализ. – М.: Наука, 1978. – 276 с.

2. Бор Н. Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории // Избранные научные труды. – Т. 2. – М.: Наука, 1971. – С. 30-53.

3. Бор Н. О понятиях причинности и дополнительности // Избранные научные труды. – Т. 2. – М.: Наука, 1971. – С. 204-212.

4. Демичев А.А. Принципы и перспективы научного направления «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 23-28.

5. Демичев А.А. Проблемы изучения правовой преемственности в хронодискретных монографических исследованиях // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 160-165.

6. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения. – Т. 3. – М.: Мысль, 1964. – С. 68-756.

7. Константинов Д.В. Субъект, объект и дополнительность // Вестник Омского университета. – 2010. – № 3. – С. 31-33.

8. Кром М.М. Введение в историческую компаративистику. – СПб.: Издательство европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. – 248 с.

9. Макаров А.В. Принцип дополнительности Н. Бора и проблема его статуса // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2012. – Вып. 12. – С. 98-109.

10. Мушич-Громыко В.Г. Концепция дополнительности и гуманитаристика // Вестник СамГУ. – 2008. – № 5/2 (64). – С. 5-11.

11. Пилипенко Е.А. Историческое время: нетривиальная онтология // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2016. – № 3. – С. 5-8.

12. Рубанов В.Г. Понятие «преемственность» и его социальное измерение // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 323. – № 6. – С. 103-110.

Илюхина Вера Алексановна
Iliukhina Vera Aleksanovna

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права,
Академия ФСИН России,
Candidate of Science (law), Assistant Professor, Assistant Professor of Chair of Theory of State and Law, International and European Law,
Academy of the Federal Service Execution of Punishment of Russia

Принципы права как предмет хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения

Principles of law as a subject of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence

Аннотация. В статье обосновывается положение, что принципы права могут входить в предмет исследования с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения. При этом автор придерживается позитивистского понимания принципов права.

Ключевые слова: хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение, методология, принципы права, позитивизм.

Annotation. The article substantiates the position that the principles of law can be included in the subject of research from the perspective of the methodology of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence. Moreover, the author adheres to a positivist understanding of the principles of law.

Keywords: chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence, methodology, principles of law, positivism

Развитие научной школы предполагает, на наш взгляд, не только количественное увеличение ее приверженцев, не только рост числа публикаций ее представителей, но и расширение предмета исследования. Полагаем, что в полной мере это касается и предмета научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения.

Как известно, предметом ХМСП как научного направления изначально являлись хронодискретные институты. Сначала это были судебные институты: суд присяжных [12; 16; 17], позже прокуратура [27], мировой

суд [10], апелляция [24], адвокатура [32]. Несмотря на то, что некоторые из названных институтов уже исследованы на монографическом уровне, интерес к их изучению не уменьшается [3; 6; 7; 22; 23; 33]. Также в последние годы наметился интерес исследователей к институту судебных приставов [4; 11].

Затем внимание исследователей стали привлекать и несудебные хронодискретные институты [20]. В первую очередь, следует назвать институт Государственной Думы [25; 26]. Кроме институтов-органов изучаются и институты другого плана, не являющиеся государственным или иным органом, – банкротство [2; 28], институт гражданско-правовой ответственности [31], некоторые институты трудового права [1].

Представителями научной школы ХМСП был поставлен вопрос о том, что идеи и концепции также могут быть предметом хронодискретного исследования [13; 18; 19; 21].

Наконец, относительно недавно в предмет ХМСП вошли и хронодискретные явления. Так, А.А. Демичев и некоторые другие исследователи рассматривают гражданское общество в качестве хронодискретного явления [15; 9]. В.М. Большакова полагает, что судебные преобразования в Российской империи в период правления Александра II и судебные преобразования в Российской Федерации в совокупности представляют собой хронодискретное явление [8]. Мы считаем, что к российским хронодискретным явлениям также могут быть отнесены, например, терроризм, социально-политические протестные движения.

В тоже время считаем необходимым предостеречь исследователей от излишнего расширения предмета ХМСП. Мы полагаем, что не нужно выдумывать то, чего нет, искусственно притягивать изучаемый предмет под категорию «хронодискретный». Иногда у исследователей есть желание включить тот или иной институт в число хронодискретных, найти в его истории хронодискретную паузу. Здесь нужно быть крайне осторожными. Например, стоит внимательно в этом контексте отнестись к институту нотариата. Его история в нашей стране не прерывалась в советский период истории, однако, частных нотариусов, в отличие от дореволюционной и современной России в этот период не было.

Нельзя произвольно без серьезного обоснования выбирать период хроноразрыва. Деление хронодискретных институтов на классические и неклассические имеет потенциальную опасность неоправданного расширения круга неклассических хронодискертных институтов. Если хронодискретный характер институтов адвокатуры и прокуратуры был достаточно убедительно обоснован в научной литературе, то еще специального обоснования требуют такие институты как, например, губернаторство, институт главы местного самоуправления, усыновление и некоторые другие.

Тем не менее, мы полагаем, что предмет ХМСП должен быть расширен за счет изучения принципов права. Принципы права мы рассматриваем исключительно в рамках позитивистского правопонимания [14]. Принципами права является, на наш взгляд, только то, что соответствует совокупности следующих условий:

1) это некие исходные, базовые, основополагающие идеи, лежащие в основе правового института, отрасли права, ряда отраслей права или правового регулирования общественных отношений в целом;

2) эти положения прямо закреплены в тексте нормативных правовых актов;

3) они идентифицируются законодателем именно в качестве принципов, что выражается в соответствующих формулировках и расположении в тексте документа.

Таким образом, принципами права являются только нормативно закрепленные руководящие начала, основополагающие базовые идеи, лежащие в основе правового института, отдельной отрасли права или правового регулирования в целом, которые законодатель прямо называет «принципами» или рассматривает их в качестве таковых в текстах нормативных правовых актов. Обратим внимание, что законодательство является формой выражения принципов права. Принципы права не могут существовать вне законодательства. Соответственно в рамках позитивистского правопонимания принципы права и принципы законодательства – суть одно и то же.

Все остальное, что называется учеными принципами права, но не соответствует вышеназванным условиям, – это уже не принципы, а определенные идеи, прямо не сформулированные законодателем в тексте нормативных правовых актов и лежащие исключительно в сфере правосознания, существующие на уровне доктрины, но не законодательства и правоприменения.

Как мы знаем, идеи тоже могут быть исследованы с позиции ХМСП-методологии. Следовательно, нужно разграничивать, что является предметом конкретного исследования: принцип как основополагающая идея, закрепленная в тексте нормативного акта или «принцип» как идея, не имеющая четкого выражения в законе или как интерпретация учеными отдельных положений закона.

Если говорить о хронодискретных принципах российского права, то при их выделении возникают определенные трудности. Это обуславливается тем, что в Российской империи уровень законодательной техники был значительно ниже, чем в Российской Федерации. Структурирование нормативного материала в текстах документов, скорее, носило интуитивный и ситуативный характер, внимание разработке теоретических моментов уде-

лялось мало. В дореволюционных нормативных правовых актах не было глав и статей, которые бы непосредственно посвящались принципам права, однако в них, несомненно, нормативно закреплялся ряд основополагающих идей правового регулирования той или иной сферы общественных отношений. В силу названных обстоятельств в дореволюционном законодательстве не всегда можно четко выделить принципы права, аналогичные современным.

Данная статья носит проблемно-постановочный характер. В перспективе еще предстоит проанализировать дореволюционные и современные принципы российского права в целях выяснения, которые из них могут считаться хронодискретными. Пока к их числу мы можем отнести принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве, принцип независимости судей, принцип публичности в гражданском судопроизводстве, принцип гуманизма в уголовно-исполнительном праве.

Попытки сравнительно-правового анализа принципа состязательности в уголовном судопроизводстве Российской империи и Российской Федерации уже предпринимался в научной литературе. В силу указанного обстоятельства остановимся только на ключевых моментах.

1. Обратим внимание на несколько различающуюся терминологию в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) и Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 г. (далее – УПК РФ). Если в действующем законодательстве используется термин «состязательность сторон» (ст. 15 УПК РФ), то в дореволюционном законодательстве использовался термин «состязание сторон» (ст. 632 УУС).

2. В УПК РФ принцип состязательности закреплен в главе 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства». Причем принципу состязательности сторон посвящена отдельная статья (ст. 15), которая называется «Состязательность сторон». В УУС статьи не имели названий. Считается, что принцип состязательности сторон в данном документе закреплен в ст. 630-632 [5: 66-67; 29: 325]. Анализ норм статей 630-632 УУС и ст. 15 УПК РФ приводит к мысли, что в обоих случаях законодатели имели ввиду примерно одно и то же – равенство сторон, реализуемое в состязательном уголовном судопроизводстве.

3. Одной из наиболее эффективных форм реализации принципа состязательности сторон является судопроизводство с участием присяжных заседателей. В советский период такой формы судопроизводства, как известно не существовало. Суд присяжных был введен в Российской империи в 1864 г., а в 1917 г. был упразднен. Возрождение его произошло в 1993 г. И, как известно, данный институт продолжает действовать в Российской Федерации.

В заключение статьи еще раз отметим, что принципы права (естественно, если в их истории имело место прерывание правовой традиции), наряду с институтами, идеями, концепциями и явлениями могут выступать объектом хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения.

Библиографический список

1. Аверьянова, М.И. Применение методологии хронодискретного моно-географического сравнительного правоведения (ХМСП) в трудовом праве // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 179-188.
2. Балалаева, Ю.С. Институт несостоятельности (банкротства) в контексте ХМСП-методологии // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 245-252.
3. Большакова, В.М. Апелляция как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 7А. – С. 5-12.
4. Большакова, В.М. Институт судебных приставов как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Том 9. – № 3А. – С. 7-15.
5. Большакова, В.М. Принцип состязательности в уголовном судопроизводстве Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Проблемы применения уголовно-процессуального законодательства: пути их решения: материалы Международной онлайн-конференции (Нижний Новгород, 31 мая 2018 года) / под ред. С.В. Власовой. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. – С. 65-69.
6. Большакова, В.М. Прокуратура как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. – 2018. –Т. 8. – № 6А. – С.12-18.
7. Большакова, В.М. Суд присяжных: хронодискретный российский институт // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 3. – С. 11-14.
8. Большакова В.М. Судебные преобразования в России второй половины XIX – начала XX в. и конца XX – начала XXI в. как хронодис-

кретное явление // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 10А. – С. 127-134.

9. Борисова, И.Д., Ошмарин, А.А. Метод хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения в проблеме становления и развития гражданского общества в России // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 191-203.

10. Волосатых, Е.А. Хронодискретное историко-теоретическое исследование правового статуса мирового судьи в Российской империи и Российской Федерации : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Волосатых Евгений Андреевич; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2016. – 217 с.

11. Гольцман, Е.В. Требования, предъявляемые к судебным приставам в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 117-127.

12. Демичев, А.А. Институт присяжных заседателей в России: проблемы становления и развития: Монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. – 320 с.

13. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

14. Демичев, А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. – 2014. – № 5. – С. 5-13.

15. Демичев, А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 2. – С. 22-26.

16. Демичев, А.А. Российский суд присяжных: история и современность: Учебное пособие. – Н. Новгород: НГПУ, 2000. – 104 с.

17. Демичев, А.А. Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Демичев Алексей Андреевич; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2003. – 55 с.

18. Демичев, К.А. Идея и концепция как объект изучения хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 3. – С. 13-15.

19. Демичев, К.А. Концепция в сфере частного права как объект изучения научной школы ХМСП // Вестник Нижегородского института управления. – 2018. – № 3 (49). – С. 38-41.

20. Демичев, К.А. Методологические основы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения и перспективы ее развития в Нижегородском институте управления // Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России. Основные итоги научной работы в нижегородском институте управления в 2017 г. – Н. Новгород: НИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2018. – С. 48-52.

21. Демичев, К.А. Сикхская государственность как идейный конструкт в условиях хроноразрыва // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 25-29.

22. Ильина, Т.Н. Роль адвокатуры в оказании бесплатной юридической помощи населению в России в начале XX и XXI века: хронодискретный анализ // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 215-222.

23. Илюхин, А.В. Процесс становления суда присяжных в России с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 95-107.

24. Крайнова, Е.Р. Хронодискретное общеправовое исследование института апелляции в Российской империи и Российской Федерации : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кан-

дидата юридических наук / Крайнова Екатерина Романовна; Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – Владимир, 2016. – 197 с.

25. Леонов, А.П. Материальное обеспечение депутатов Государственной Думы: история и современность // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 145-159.

26. Леонов, А.П. Сравнительно-правовое исследование условий приобретения правового статуса депутата Государственной думы Российской империи и Российской Федерации // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2017. – № 18. – С. 135-152.

27. Никонов, В.А. Российская прокуратура во второй половине XIX-начале XX века и конце XX-начале XXI века (сравнительно-правовой анализ): монография / под ред. А.А. Демичева. – Н. Новгород: Нижегородский филиал Московского гуманитарно-экономического института, 2006. – 156 с.

28. Пчелкин, А.В. Динамика развития института банкротства физических лиц в России // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 237-244.

29. Российское законодательство X – XX веков: В 9-ти томах. – Т. 8 Судебная реформа / отв. ред. Б.В.; Виленский; под общ. ред.: О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1991. – 496 с.

30. Хужин, А.М. Гражданско-правовая ответственность: ХМСП–исследование // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 225-236.

31. Хужин, А.М. Поведенческая концепция вины в частном праве: исторические предпосылки и современное понимание // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 4. – М.: ООО «Ваш полиграфический партнер», 2012. – С. 180-189.

32. Черепанов, С. И. Сравнительно-правовое исследование института присяжных поверенных в Российской империи по судебной реформе

1864 года и института адвокатуры в Российской Федерации : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Черепанов Сергей Иванович; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2018. – 192 с.

33. Черепанов, С.И. Корпоративное устройство органов адвокатуры в дореволюционной и современной России в контексте хронодискретного анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 128-142.

Хужин Альфир Мисхатович
Khuzhin Alfir Miskhatovich

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса,
Нижегородская академия МВД России,
профессор кафедры гражданского процессуального права,
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия

Doctor of Sciences (law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Professor of the Department of Civil Procedural Law Volga branch of the Russian State University of Justice

Теория юридических фактов в цивилистике: ХМСП-исследование

Theory of legal facts in civilistics: HMSP research

Аннотация. В статье анализируется теория юридических фактов с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения (ХМСП). Анализу подвергнуты подходы к концепции юридических фактов на различных этапах их эволюционного развития. Изучаются доктринальные идеи и взгляды на проблему понятия, классификации, установлению юридических фактов в гражданском праве с позиции ХМСП методологии.

Ключевые слова: юридические факты, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение, научное направление, цивилистика.

Annotation. The article analyzes the theory of legal facts from the perspective of methodology of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence (HMSP). The approaches to the concept of legal facts at various stages of their evolutionary development are analyzed. We study doctrinal ideas and views on the problem of the concept, classification, establishment of legal facts in civil law from the perspective of the HMC methodology.

Keywords: legal facts, chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence, scientific direction, civil law.

В рамках актуальных проблем научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения (далее – ХМСП) мы продолжаем серию юридических исследований, где предметом изучения становятся идеи и концепции в сфере общей теории цивилистики. Убедительно обосновано, что идеи и концепции, наряду с правовыми институтами являются объектом изучения ХМСП [2, 3]. Вместе с этим следует иметь в виду, что «в контексте ХМСП-исследования идеи и концепции существенно отличаются от институтов. Если границы существования института могут быть достаточно четко привязаны к нормативным актам, создавшим и упразднившим или существенно реорганизовавшим институт, то с идеями и концепциями все обстоит намного сложнее» [1: 13]. Не исключением, в силу своей сложности зарождения, формирования и развития, явилась концепция (теория) юридических фактов в российской цивилистике.

Само появление сложившегося полноценного цивилистического учения о юридических фактах в России относится только к концу XIX – началу XX в, несмотря на то, что в Европе, а особенно в Германии уже в начале XIX, в процессе интенсивного развития капитализма, теория юридических фактов приобрела свою актуальность. Не случайно в современной юриспруденции принято считать основателем учения о юридических фактах и автором самого понятия «юридический факт» известного немецкого правоведа первой половины XIX в. Фридриха Карла фон Савиньи. В первой книге своего фундаментального исследования «Система современного римского права», анализируя взгляды авторов на источники права, Ф. Савиньи отмечал, что «у каждого правоотношения есть двоякое основание: общее и особое. Первым является правовая норма, второе состоит из фактов, способствующих применению нормы к отдельному случаю. Судья может и должен знать правовую норму (jus novit curia), а о фактах он может ничего не знать до тех пор, пока одна из сторон не приведет их ему и не убедит его в них» [1: 376-377] .Позже, Ф. Савиньи четко определяет эти факты: «Я называю события, которые вызывают возникновение или прекращение правоотношений, юридическими фактами. Однако, в рамках общей природы юридических фактов Ф. Савиньи выявлял большие различия, проявляющиеся в том, что отчасти они являются позитивными, а отчасти негативными, в зависимости от того должно ли случиться либо не случиться нечто, чтобы возникло или прекратилось какое-либо право. При этом, как отмечал автор, «из этих двух классов первый является гораздо более важным и чаще встречающимся». Имен-

но учение о юридических фактах Ф. Савиньи явилось теоретической основой для дальнейшего последовательного развития в трудах других германских цивилистов, в частности, Б. Виндшейда, Г. Дернбурга, А. Манигка, Л. Эннекцеруса, а также во многом было воспринято и российскими правоведами.

Вопросы, связанные с юридическими фактами, вошли в сферу научных исследований известных русских правоведов, таких как К.Н. Анненков, Е.В. Васьковский, Д.Д. Гримм, Г.Ф. Дормидонтов, Н.М. Коркунов, Д.И. Мейер, Л.И. Петражицкий, В.И. Синайский, Ф.В. Тарановский, Е.Н. Трубецкой, Г.Ф. Шершеневич [10: 6].

Наиболее полно понятие юридических фактов, в котором были обобщены и вытекающие из них юридические последствия, сформулированы Г.Ф. Шершеневичем. В частности, известный цивилист подчеркивал, что юридические факты представляют собой такие обстоятельства, с которыми нормы объективного права соединяют определенные правовые последствия, т.е. возникновение, изменение и прекращение юридических отношений. При этом обосновывалось разделение фактов *на простые*, как, например, рождение, или *сложные*, как, например, давностное владение, в отношении последних автор использовал наименование юридического состава. Особо подчеркивалось, что юридический факт влечет только те последствия, которые с ним связывает закон.

Анализируя многообразие юридических фактов, Г.Ф. Шершеневич значительное место отводил волевому признаку, выделяя на этой основе *юридические действия,* представляющие собой обстоятельства, возникающие по воле лиц или являющиеся выражением их воли, и *юридические события,* влекущие юридические последствия помимо их воли. Юридические действия, в свою очередь, подразделялись *на сделки и правонарушения.* Наряду с юридическими действиями, юридические события рассматривались как особый род юридических фактов, под которыми понимались происшествия, влекущие юридические последствия в силу закона, отличающиеся тем, что они независимы от воли лиц, на которых эти последствия распространяются [15: 624]. В.И. Синайский в своем учебнике по русскому гражданскому праву наряду с уже сформировавшимся представлении о юридических фактах, предлагает выделять совокупность юридических фактов, образующих фактические (юридические) составы [12: 80].

Таким образом, в дореволюционной юридической науке были сформулированы положения, во многом определившие современный подход к пониманию, правовым последствиям, классификации юридических фактов, а также и к понятию фактического (юридического) состава. Была сформулирована цельная концепция юридических фактов, ставшая фундаменталь-

ной основой для теоретических и прикладных научных разработок. При этом само учение о юридических фактах в гражданском праве формируется не как результат рецепции научных идей континентальной Европы и не как результат развития схоластических философско-правовых воззрений, а как практическая потребность охвата всего разнообразия предпосылок развития и движения конкретных гражданских правоотношений.

После революции 1917 года и вплоть до середины XX в. появляется «доктринальный хроноразрыв» в исследовании концепции юридических фактов. Только в 1949 году выходит знаменитая монография О.С. Иоффе «Правоотношение по советскому гражданскому праву» [4], где автор посвящает юридическим фактам целую главу исследования. Более того, ученый обращает внимание на то, что и само правоотношение в силу наличия субъективных прав и обязанностей может выступать в качестве юридического факта. Как верно отмечал О.С. Иоффе, «Всякое правовое отношение лишь в том случае может быть познано в полном объеме, если оно будет изучено не только с точки зрения заключенных в нем прав и обязанностей и не только с точки зрения оснований, из которых оно возникает, но и с точки зрения того значения, которое оно приобретает как юридический факт, служащий основанием возникновения новых прав, причиной наступления новых правовых последствий» [5: 652].

В советской цивилистике дальнейшее наиболее системное и обоснованное изучение проблематики юридических фактов было предпринято О. А. Красавчиковым, который под юридическим фактом понимал «факты реальной действительности, с наличием или отсутствием которых нормы гражданского права связывают юридические последствия, то есть возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (гражданских правоотношений) у правосубъектных лиц. Их значение, определяет автор, в том, что они составляют фактическую основу движения гражданских правоотношений [9: 5]. Автор системно объединил все имеющиеся подходы, как определению понятия и признаков юридических фактов и их классификации, так и развил учение о сложных юридических фактах и фактических (юридических) составов. В продолжение идей О.С. Иоффе о взаимодействии правоотношений было высказано предположение о качественно новом их типе – *организационных правоотношениях*, как предпосылке движения иных правоотношений.

Последующие исследования, хотя и касались отдельных важных аспектов проблемы, но базировались на основных положениях теории юридических фактов в гражданском праве, разработанной О.А. Красавчиковым.

Ю.К. Толстой, выявляя отличие юридических фактов от нормы права и правоспособности, считал, что они выступают в качестве необходимой

частной предпосылки образования правоотношений. Признавая сложившееся в правовой науке понятие юридических фактов как обстоятельств, влекущих возникновение, изменение или прекращение правоотношений в силу нормы права, он полагал, что ни одно правоотношение не может возникнуть непосредственно из закона [13: 13].

Дальнейшее развитие учения о юридических фактах в отечественной советской правовой науке связано с трудами теоретиков права: С.С. Алексеева, Р.О. Халфиной, В.Б. Исакова, Ю.И. Гревцова. В сфере цивилистической мысли мы опять наблюдем существенный хроноразрыв, вплоть до последнего времени. Для самой доктрины о юридических фактах отметим следующие выводы ученых-теоретиков.

Так, Р.О. Халфина, анализируя динамику правоотношения, обращала внимание на невозможность в реальной действительности отделить реальное поведение от правовой формы по причине существования между ними неразрывной связи. Юридический факт, по мнению автора, *то обстоятельство, с которого начинается жизнь правовой нормы, которая применяется в правоотношении, являющееся также и средством определения ее реальности и действенности.*

Представляется весьма обоснованным и вывод, определяющий, что «юридический факт – это в подавляющем большинстве случаев тот акт поведения, который по воле лица либо помимо его воли приводит в действие механизм правового регулирования. В дальнейшем поведение лица соотносится с моделью, установленной на основании нормы права». Тем не менее, определяющее значение в решении вопроса о том, представляет ли собой конкретное действие юридический факт и какие правовые последствия в виде прав и обязанностей оно влечет, зависит, полагает Р.О. Халфина, от воли государства, осуществляющего правовое регулирование данного вида общественных отношений. Но при этом, следует отметить, что автор придает существенное значение и воле участников, поскольку именно от их реального поведения зависит возникновение правоотношения и его дальнейшее развитие [14: 286].

В.Б. Исаков, характеризуя состояние и перспективы изучения юридических фактов, констатировал, что «теория юридических фактов не принадлежит к новым разделам юридической науки … Однако работа в этой области далека от завершения» [6: 2]. Так, В.Б. Исаков, подчеркивая своеобразие юридической природы и роль юридических фактов отмечал, что они являются особым элементом в разрешении ситуации, главная задача которых «включить» механизм решения социальной ситуации, привести в действие правовую программу. Таким образом, по мнению автора, юридические факты являются сквозным элементом правового регулирования, присутствую-

щим как в целостном, так и ситуационном разрезах. Однако, для правоприменения особое значение имеет вывод о том, что юридические факты реализуют свою функцию лишь при наличии у них достаточной «различительной способности». Именно они, полагал автор, позволяют выделить конкретную ситуацию из массива иных социальных обстоятельств, а также отграничить от сходных, но юридически не однопорядковых ситуаций [6: 35].

Позже В. Б. Исаков очень точно характеризует место и значение юридических фактов, определяя их как «нервные окончания правовой системы, одно из звеньев, опосредующих ее связь с жизнью, с практикой. Закрепление разнообразных юридических фактов позволяет законодательству тонко чувствовать процессы и явления, происходящие в жизни общества, и оперативно влиять на них. Чем точнее, богаче фактические основания правового регулирования, тем точнее оно отражает действительность, тем шире возможности правового воздействия на эту действительность» [8: 8].

Среди особенностей теории юридических фактов, получившей свое развитие в советском правоведении, следует констатировать достаточно единообразный подход к определению юридических фактов как конкретных жизненных обстоятельств, элементов реальной, объективной действительности. При этом исследователи едины также в мнении о том, что правовые последствия порождаются ими только при условии нормативного закрепления. Определяющая роль в конкретизации обстоятельств, приобретающих юридическое значение, как и их правовых последствий, признавалась за государством. Хотя следует справедливо отметить, что правоведы отводили и достаточное место волевому фактору в поведении субъектов конкретного правоотношения.

В современной юридической науке развитие теории юридических фактов производится по двум основным направлениям: во-первых - это исследования общетеоретического характера, посвященные анализу понятия, общей юридической природы, классификации, а также определению их места в системе правоотношений; во-вторых - это работы отраслевого характера, направленные на выявление особенностей конкретных юридических фактов и юридических составов, в сфере динамики определенных правоотношений.

Значительный вклад в изучение специфики юридических фактов в цивилистике в последние годы внесен М.А. Рожковой. Автору удалось интегрировать идеи о юридических фактах, разрабатываемых дореволюционными и советскими учеными, в современную доктринальную плоскость [10]. По сути, разработки М.А. Рожковой представляют собой интегральный взгляд на теорию юридических фактов с позиции ХМСП методологии.

Подводя итог анализу концепции юридических фактов в цивилистике

посредством методологии ХМСП, отметим, что данная теория относится к классическим предметным областям данного научного направления. С момента зарождения и формирования доктрины юридических фактов в отечественной цивилистики с конца XIX начала XX вв., наличествуют два хронологических доктринальных разрыва, тесно связанных с государственными, экономическими и политико-правовыми кризисами 1917-40 гг. и 90-х годов XX вв. Наоборот, в благоприятный период расцвета всей отечественной юриспруденции, отмечается явный подъем интереса к проблемам юридических фактов, а также развитие идей в рамках данной концепции.

Библиографический список

1. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.
2. Демичев, К.А. Идея и концепция как объект изучения хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 3. – С.13-15.
3. Демичев, К.А. Концепция в сфере частного права как объект изучения научной школы ХМСП // Вестник Нижегородского института управления. – 2018. – № 3. – С. 38-41.
4. Иоффе, О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2003. – 782 с.
5. Иоффе, О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та. – 1949. –144 с.
6. Исаков, В.Б. Правовое регулирование и юридические факты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 5. – С. 34-37.
7. Исаков, В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1980. – 128 с.
8. Исаков В.Б. Юридические факты в российском праве. Учебное пособие. – М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 1998. – 48 с.
9. Красавчиков, О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М.: Госюриздат, 1958. – 183 с.
10. Рожкова, М. А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия :

специальность 12.00.03, 12.00.15 : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Рожкова Марина Александровна, Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2010. – 55 с.

11. Савиньи, Ф. Система современного римского права. Книга первая. Источники современного римского права. – М.: Издательство «Статут». 2011. – 510 с.

12. Синайский, В.И. Русское гражданское право. Изд. 1917. – М., Статут, 2002. – 638 с.

13. Толстой, Ю.К. К теории правоотношения. – Л.: Из-во Ленинградского ун-та, 1959. – 88 с.

14. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: «Юридическая литература», 1974. – 352 с.

15. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права. Выпуск первый. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. – 839 с.

Черепанов Сергей Иванович
Cherepanov Sergey Ivanovich

старший преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка,
Нижегородская академия МВД России

Senior Lecturer of the Department of Professional Activity of Employees of Public Order Maintenance Subdivisions,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia

Возможности методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения в правовом и патриотическом воспитании

Possibilities of the methodology chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence in the legal and patriotic education

Аннотация. В данной статье автор анализирует возможности использования методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения в совершенствовании воспитания нового поколения российских юристов и политиков.

Ключевые слова: либерализм, патриотизм, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение, правовое воспитание.

Annotation. In this article the author analyzes the possibility of using the methodology of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence in improving the education of a new generation of Russian lawyers and politicians.

Keywords: liberalism, patriotism, chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence, legal education.

Рядом современных исследователей российского государства и права, использующих методологию хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [7, 8, 12], осуществлялось и осуществляется проведение разноплановых исследований государственно-правовых институтов различных стран мира, прежде всего современной и дореволюционной России. Большаковой В.М. в статье «Судебной хронодискретные российские институты (историографический аспект)» проведены анализ и обобщение

опыта исследований, предпринятых современными авторами в данной области с применением методологии ХМСП [2].

Так, в настоящее время Гольцман Е.В. осуществляется хронодискретное исследование института судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации [4, 5]. В.А. Илюхина и Е.А. Волосатых изучают мировой суд [15, 16, 17, 18], А.А. Демичев, А.В. Илюхин, В.М. Большакова – суд присяжных [1, 6, 13. 14], А.П. Леонов – Государственную Думу [19, 20] и т.д.

Тем не менее, государственно-правовые институты не являются единственным объектом исследований с применением методологии ХМСП. С применением хронодискретного подхода были исследованы отдельные явления общественной жизни, как позитивного характера, например, гражданское общество [3, 9], так и негативного характера, например терроризм [21]. В своей статье «К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения» А.А. Демичев в качестве объекта исследования указывает также идеи и концепции [7], соглашаясь с выводами К.А Демичева [10, 11, 12].

Таким образом, методология ХМСП позволяет провести анализ хроноразрыва правовых идей и концепций, определявших и определяющих правовую систему государства. В данной статье речь пойдет об общественно-политической концепции, оказывающей ключевое значение на развитие правовых и государственных институтов в современном, в том числе российском обществе.

Ни для кого не является секретом, что в настоящее время в большинстве стран, определяющих мировые политические тенденции, являющихся наиболее передовыми по экономическим показателям, качеству жизни населения, основной идеологией, обществе-политической концепцией является либерализм. Как известно, либерализм в чистом, ортодоксальном варианте, ставит во главу угла личные права и свободы человека, индивидуума, включая право собственности. Государство же, как общественный договор, согласно данной концепции призвано лишь способствовать и никоим образом не противодействовать осуществлению этих прав, не должно вмешиваться в экономические процессы, вопросы нравственности населения, многие другие. Таким образом, в таком, ортодоксальном понимании, либерализм является противоположностью патриотизма, ставящего на первое место не личные, а национальные интересы, гордость за свою страну, ее историю. Ортодоксальный либерал придерживается приписываемого Самуэлю Джонсону афоризма «Патриотизм – последнее прибежище негодяя», так как патриотизм ограничивает человека в его личных желаниях и устремлениях.

Интересно, что не только идеи либерализма, но и патриотизма претерпели в России XX века определенный хроноразрыв, связанный с кардинальными изменениями, произошедшими после Октябрьской революции 1917 года. Разумеется, никто не мог запретить человеку любить свою Родину или исповедовать либеральные идеи, не выражая это публично, но на определенные периоды времени обе концепции фактически были лишены возможности влиять на общественно-политическую жизнь общества и государства. В период царствования Александра II, с началом реформ, российский либерализм переживает свой подъем, и в дальнейшем достигает своего пика в начале XX века, когда создаются политические партии либерального толка, имевшие ключевое значение в Государственной Думе до 1917 года. После Октябрьской революции и последовавшей за ней гражданской войны либеральные партии переходят на положение нелегальной оппозиции и фактически прекращают свое существование на территории России. Возрождение российского либерализма происходит в конце XX века, вместе с разрушением советской системы. Несмотря на имеющийся хроноразрыв, тем не менее, современные либеральные идеи и либеральные идеи дореволюционной России имеют ряд общих черт, одной из которых является противопоставление либеральных идей патриотическим.

В первые годы советской власти понятие патриотизма уступает идеям пролетарского интернационализма. Гражданин советского государства не должен был быть патриотом, но должен был стремиться к созданию единого пролетарского государства в пределах всего мира. В годы гражданской войны с позиций российского патриотизма выступают скорее представители белого движения, и то далеко не все. И только к середине 30-х годов идеология мировой революции уступает место идеологии единения советского народа. В разрезе хронодискретного моногеографического подхода в данной статье рассматривается развитие концепции патриотизма только на территории России. Вообще возникновение концепции патриотизма обычно относят к истории Древней Греции, где первоначально возникает «полисный патриотизм», как преданность гражданина своему городу-государству. В дальнейшем концепция патриотизма также переживает ряд хроноразрывов.

Если концепция либерализма, будучи «руководящей и направляющей» силой формирования институтов государства и права в странах западной Европы и северной Америки дает несомненные результаты и пользуется поддержкой большинства населения, то почему же данная концепция является скомпрометированной на территории современной России, а партии, исповедующие фактически, а не по названию, либеральную идеологию, не набирают больше 1-2 % на выборах в представительные органы власти?

Здоровая оппозиция, предлагающая альтернативные проекты законов, нужна любой демократической стране. На мой взгляд, причина непопулярности либеральных идей в современной России кроется в крайней ортодоксальности предложений либеральной оппозиции, граничащей с предательством национальных интересов. Высказываемые лидерами либеральной, в особенности несистемной, оппозиции предложения о необходимости «самооккупации» России, введения внешнего управления, передачи функций Верховного и Конституционного судов Суду в Гааге, вряд ли способны получить поддержку существенной части российского электората. В то же время если мы посмотрим на идеологию либеральных кругов США и Великобритании, то увидим разумное сочетание идей либерализма и патриотизма. Национальные интересы в этих странах имеют приоритетное значение для государственной политики. Таким образом, для формирования здоровых либеральных сил, не стоящих на грани позиций экстремизма, не считающих, что новое можно построить только окончательно разрушив старое, необходимо целенаправленное правовое воспитание нового поколения юристов и политиков, готовых стать у руля российского государства, осознающих себя частью своей, а не «этой» страны. Здесь нам и может помочь изучение государства и права России с позиции хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения.

Изучение истории государства и права России с использованием сопоставления схожих периодов развития нашей страны в различные эпохи, может помочь недопущению ошибок прошлого. Вряд ли либералы конца 19 – начала 20 веков представляли, на краю какой пропасти они находятся, раскачивая лодку российской государственности, полагая, что с крушением царизма именно они смогут встать у руля государства. Слова Н.А. Некрасова ярко выражают взгляд российского либерала на состояние России пореформенного периода, в данном фрагменте мы можем увидеть четкие исторические параллели с постперестроечной Россией: «Новое время – свободы, движенья, земства, железных путей. Что ж я не вижу следов обновленья в бедной отчизне моей?».

Сравнение различных правовых и государственных институтов пореформенного периода Российской империи и современной России, в частности института адвокатуры, дает нам возможность обратить внимание нового поколения юристов на вопросы профессиональной этики, общения с населением, привести примеры служения профессии и Отечеству, к каким можно отнести жизненный и профессиональный путь причисленного к лику святых Русской Православной церковью присяжного поверенного И.М. Ковшарова.

Библиографический список

1. Большакова, В.М. Суд присяжных: хронодискретный российский институт // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 3. – С. 11-14.

2. Большакова, В.М. Судебные хронодискретные российские институты (историографический аспект) // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 33-49.

3. Борисова, И.Д., Ошмарин, А.А. Метод хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения в проблеме становления и развития гражданского общества в России // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 191-203.

4. Гольцман, Е.В. К вопросу о хроноразрывае в истории института судебных приставов в России // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Н. Новгород: Гладкова О.В., 2018. – С. 156-158.

5. Гольцман, Е.В. Требования, предъявляемые к судебным приставам в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 117-127.

6. Демичев, А.А. Институт присяжных заседателей в России: проблемы становления и развития: Монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. – 320 с.

7. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

8. Демичев, А.А. Проблемы изучения правовой преемственности в хронодискретных моногеографических исследованиях // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 160-165.

9. Демичев, А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 2. – С. 22-26.

10. Демичев, К.А. Идея и концепция как объект изучения хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 3. – С. 13-15.

11. Демичев, К.А. Концепция в сфере частного права как объект изучения научной школы ХМСП // Вестник Нижегородского института управления. – 2018. – № 3 (49). – С. 38-41.

12. Демичев, К.А. Сикхская государственность как идейный конструкт в условиях хроноразрыва // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 25-29.

13. Илюхин, А.В. Ограничение компетенции присяжных заседателей по государственным преступлениям в Российской империи и Российской федерации: сравнительно-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 32-36.

14. Илюхин, А.В. Процесс становления суда присяжных в России с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 95-107.

15. Илюхина, В.А. Вопросы организации мирового суда в России по Судебным уставам 1864 г. и современному законодательству: опыт хронодискретного моногеографического сравнительно-правового анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 61-77.

16. Илюхина, В.А. Требования к мировым судьям в России: хронодискретный анализ // Реформирование судебной системы в России: история и современность: сборник научных трудов, посвященный 80-летию Нижегородского областного суда. В двух частях. Часть II / под ред. Бондара А.В., Ершова В.В., Журавлѐвой Ю.В., Ярцева Р.В. – Н. Новгород: ПФ ФГБОУВО «РГУП», Издательство «Автор», 2018. – С. 51-57.

17. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Гарантии реализации прав и обязанностей мировых судей в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 7. – С. 16-21.

18. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Льготы мировым судьям в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 3. – С. 3-7.

19. Леонов, А.П. Материальное обеспечение депутатов Государственной Думы: история и современность // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 145-159.

20. Леонов, А.П. Сравнительно-правовое исследование условий приобретения правового статуса депутата Государственной думы Российской империи и Российской Федерации // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2017. – № 18. – С. 135-152.

21. Руденок, К.В. Терроризм в России: ХМСП исследование // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 160-173.

СУДЕБНЫЕ ИНСТИТУТЫ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ХМСП

Волосатых Евгений Андреевич
Volosatykh Evgeniy Andreevich

кандидат юридических наук,
заместитель председателя Второго кассационного суда общей юрисдикции, г. Москва
Candidate of Sciences (law), Deputy Chairman of the Second court of General Jurisdiction, Moscow

Требования к мировым судьям как элемент их правового статуса: история и современность
Requirements to magistrate judges as element of their legal status: history and present

Аннотация. В статье с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения анализируются требования к мировым судьям в Российской империи и Российской Федерации.

Ключевые слова: мировые судьи, правовой статус мировых судей, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

Annotation. In article from a position of methodology of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence requirements to magistrate judges in the Russian Empire and the Russian Federation are analyzed.

Keywords: magistrate judges, legal status of magistrate judges, chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence.

Институт мировых судей относится к числу российских хронодискретных судебных институтов, о чем неоднократно отмечалось в научной литературе. В наши задачи не входит анализ историографии мирового суда, однако считаем необходимым отметить ряд работ последних 10-15 лет. Их можно сгруппировать в три блока: 1) работы по истории мирового суда [4, 24, 25, 26]; 2) работы, посвященные современному мировому суду в Российской Федерации [1, 2, 3]; 3) хронодискретные исследования мирового суда [5, 18, 19, 29, 21, 22, 23].

Впервые мировая юстиция появилась в России в ходе реализации судебной реформы 1864 г. и просуществовала до принятия Декрета Совета Народных Комиссаров от 24 ноября 1917 г. «О суде». Возрождение института мировых судей произошло уже после окончания советской эпохи.

Ч. 4 ст. 4 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» отнесла мировых су-

дей к судам субъектов РФ. Реализован же замысел реформаторов был в Федеральном законе от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации». С этого времени мировые судьи вновь стали элементом отечественной правовой реальности.

Таким образом, в истории отечественного мирового суда имеется временной разрыв, что дает основания для применения к изучению этого института методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [7, 9, 11, 13, 14, 15]. Учитывая ограниченность объема данной статьи, мы не можем в ней изложить теоретико-методологические основы изучения института мировых судей, как это было сделано в более крупных работах касательно, например, суда присяжных [10, 12] или адвокатуры [29]. Также мы не будем здесь проводить комплексное сравнение института мировых судей в Российской империи и Российской Федерации – наши научные интересы концентрируются на сравнительном анализе требований, предъявляемых к мировым судьям в Российской империи и Российской Федерации как элемента их правового статуса.

Требования, предъявляемые к мировым судьям в Российской империи, устанавливались в ст. 19-22 Учреждения судебных установлений 1864 г. Что касается требований к современным мировым судьям, то ст. 5 Федерального закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» содержит отсылочную норму к Закону РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации»: «К мировым судьям и кандидатам на должность мировых судей предъявляются требования, которые в соответствии с Законом Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" предъявляются к судьям и кандидатам на должность судей, с учетом положений настоящего Федерального закона». Таким образом, требования к мировым судьям в Российской Федерации устанавливаются ст. 4 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации».

И дореволюционное, и современное законодательство содержат два вида требований, необходимых для занятия должности мирового судьи: 1) условия, без соответствия которым лицо, не может быть мировым судьей; 2) отсутствие препятствий, наличие которых не позволяет субъекту быть мировым судьей. Оба этих вида требований должны обязательно сочетаться.

Ни в Учреждении судебных установлений, ни в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации» не используется понятие «ценз», однако в научной литературе принято говорить о существовании неких цензов для мировых судей. Интересно, что в плане выделения возрастного, образовательного и имущественного цензов ученые единодушны, а вот наличие цен-

за оседлости и некоторых других вызывает споры [6, 8, 16, 19, 28]. По нашему мнению, дискуссия о цензах не совсем продуктивна – целесообразно говорить не о том, как назвать то или иное положение закона, а нужно анализировать конкретные требования к кандидатам в присяжные заседатели. По этой причине мы в своей работе не используем понятие «ценз».

Ст. 19 Учреждения судебных установлений устанавливала три четко определенных требования к лицам, избираемым в мировые судьи:

1) достижение 25-летнего возраста. Следует согласиться с А.А. Демичевым, что «данный ценз вызывался чисто практическими соображениями и не имел дискриминационного характера» [8: 36];

2) наличие высшего или среднего образования, либо нужно было пройти соответствующее испытание (нечто вроде сдачи экзамена на должность мирового судьи), либо иметь стаж практической деятельности не менее трех лет «в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел». Законом 15 июня 1912 г. в ст. 19 Учреждения судебных установлений были внесены изменения, в соответствие с которыми мировым судьей мог стать подданный, вообще не имеющий какого-либо образования, про прослуживший не менее шести лет в должностях предводителя дворянства, секретаря мирового съезда, секретаря уездного съезда или должности участкового земского начальника;

3) владеть имуществом: землей, размер которой вдвое больше необходимого для избрания гласных в уездные земские собрания (в разных местностях – от 400 до 1300 десятин земли), или другим недвижимым имуществом ценою не ниже 15-ти тыс. руб. или недвижимой собственностью в городах, оцененной для взимания налога не менее 3-х тыс. руб., а в столицах – не менее 6-ти тыс. руб. Высокие требования к имуществу кандидатов в мировые судьи вызывались тем, чтобы в их состав попадали люди финансово независимые. На практике же это привело к тому, что, как писала газета «Неделя» (1870, № 5) в некоторых уездах не могли подобрать ни одного кандидата на должность мирового судьи. Но, в свою очередь, это давало возможность Сенату в случае недостатка мировых судей доназначать по представлению министра юстиции. Вообще, следует согласиться с И.И. Дунаевым, что «имущественный ценз нужно рассматривать как антидемократичный, не допускающий ряд подданных Российской империи к отправлению правосудия» [16: 17].

В современном законодательстве никаких требований к наличию имущества у кандидатов в мировые судьи не предусматривается. Это правило обусловливается конституционным запретом на дискриминацию по различным основаниям, включая имущественное состояние.

Ст. 34 Учреждения судебных установлений содержала чрезвычайно интересную норму, касающуюся формирования корпуса мировых судей. Земское собрание единогласным решением могло избрать мировым судьей человека, не отвечающего требованиям ст. 19 Учреждения судебных установлений (возраст не менее 25-ти лет; соответствующее образование, сдача экзамена или наличие практического опыта; владение определенным имуществом), если он приобрел «общественное доверие и уважение своими заслугами и полезною деятельностью». Это исключение, по мнению Я.Б. Смирновой, было связано с тем, что авторы Судебных уставов 1864 г. «не могли не понимать, что честность и порядочность выше богатства» [27: 30].

В 1912 г. ст. 34 Учреждения судебных установлений была отменена. Зато была введена ст. 19^1, в соответствие с которой мировым судьей можно было стать, являясь местным жителем при достижении возраста 25-ти лет, наличии высшего юридического образования и обладании половинным размером требуемого имущества или вообще не соответствовавший требованиям, связанным с наличием имущества, но проработавший в соответствующей губернии не менее трех лет в должности земского участкового начальника, мирового или городского судьи, судебного следователя, товарища прокурора окружного суда, присяжного поверенного, нотариуса или состоявших старшими кандидатами на судебные должности. Тем самым исключения из общих правил значительно сократились и связывались не с усмотрением земских уездных собраний, а с вполне конкретными обстоятельствами, названными в ст. 19^1 Учреждения судебных установлений.

Современное законодательство принципиально не допускает каких-либо исключений из требований, предъявляемых к кандидатам в мировые судьи, что является, на наш взгляд, абсолютно оправданным.

Первым требованием к кандидатам в мировые судьи в действующем российском законодательстве является гражданство Российской Федерации (ч. 1 ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»). Данное положение не нуждается в особых комментариях. Так как речь идет об одной из ветвей государственной власти – судебной, то очевидно, что соответствующие государственные должности должны занимать только граждане страны.

В дореволюционной России мировыми судьями и судьями в общих судебных установлениях могли быть только подданные Российской империи. Однако в отличие от современного законодательства данная норма в Учреждении судебных установлений не прописывалась. Она была настолько очевидной, что законодатель не видел особого смысла в ее фиксации в Судебных уставах. Косвенно правило, что мировыми судьями могли стать только подданные Российской империи, содержалось в ст. 19 Учреждения

судебных установлений. Она начиналась со слов: «В мировые судьи могут быть избираемы те из местных жителей…». Обратим внимание, что понятие «местные жители» означало не только проживание в определенной местности, но и подданство, юридическую связь с государством. Иностранец, проживавший даже длительное время в определенном населенном пункте России, не приобретал статуса местного жителя, а оставался иностранным подданным или иностранным гражданином.

Как и в дореволюционный период в настоящее время законодатель предъявляет требования к образованию лиц, замещающих судейские должности, в том числе и должности мировых судей. В соответствие с п. 1 ч. 1 ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» судьей может быть только гражданин РФ, «имеющий высшее юридическое образование по специальности "Юриспруденция" или высшее образование по направлению подготовки "Юриспруденция" квалификации (степени) "магистр" при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки "Юриспруденция"».

Таким образом, сегодня требования к образованию мировых судей четко определены и более жесткие, чем это было во второй половине XIX – начале XX в. Напомним, что в Российской империи в связи с нехваткой квалифицированных кадров, способных отправлять правосудие, допускалась альтернатива: наличие любого высшего или среднего образования, прохождение испытаний для лиц, получивших домашнее образование, или стаж практической деятельности. Сейчас никакой альтернативности не предполагается – требуется исключительно наличие высшего, причем юридического образования. Более того, регламентируется специальность (или направление подготовки) – «Юриспруденция». При этом в законе делается очень правильный, по нашему мнению, акцент: гражданин, получивший диплом магистра по юриспруденции, должен иметь предварительно и аналогичный диплом бакалавра. Сделано это по причине, что сегодня в магистратуру, в том числе по юриспруденции, могут поступать люди, имеющие диплом бакалавра по другим направлениям подготовки. В этом случае получается, что человек получал высшее юридическое образование только два года. А этого явно недостаточно для квалифицированного исполнения обязанностей судьи.

Если в Российской империи пореформенного периода трехлетний стаж практической деятельности заменял высшее или среднее образование, то сегодня это отдельное требование к кандидатам в мировые судьи. Для кандидатов в мировые судьи пунктом 4 ч. 2 ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» в качестве обязательного условия предусмотрен стаж работы в области юриспруденции не менее 5 лет. Более того,

в отличие от дореволюционного законодательства, не конкретизировавшего, занятие каких именно должностей достаточно для получения практического опыта для того, чтобы быть мировым судьей, в ч. 5 ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» содержится более определенное понимание, что может быть включено в стаж работы, необходимый для назначения на должность судьи.

К сожалению, часть норм ч. 5 ст. 4 указанного нормативного акта по своей сути носит отсылочный характер. Так, в качестве стажа работы в области юриспруденции включается время работы «на требующих высшего юридического образования государственных должностях Российской Федерации, государственных должностях субъектов Российской Федерации, должностях государственной службы, муниципальных должностях, должностях в существовавших до принятия Конституции Российской Федерации государственных органах СССР, союзных республик СССР, РСФСР и Российской Федерации, должностях в юридических службах организаций, должностях в научных организациях» (сам перечень, видимо в силу его большого объема, не приводится). Однако там же содержатся и вполне конкретные должности, занятие которых в дальнейшем дает право быть судьей. В юридический стаж включается время работы: 1) в качестве преподавателя юридических дисциплин по профессиональным образовательным программам, 2) в качестве адвоката, 3) в качестве нотариуса.

Обратим внимание, что использованное в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации» понятие «преподаватель» следует толковать расширительно. Законодатель подразумевал в данном контексте весь спектр профессорско-преподавательских должностей, а именно: преподаватель (в рядах вузов – ассистент), старший преподаватель, доцент, профессор, а также ряда административных должностей в высших учебных заведениях: заведующий (начальник) кафедры, заместитель заведующего (начальника) кафедры, декан, заместитель декана, проректор, ректор.

Вряд ли в законе необходимо регламентировать, какие именно юридические дисциплины должен преподавать кандидат в мировые судьи, чтобы занять эту должность. Однако следует обратить внимание на то обстоятельство, что не все юридические дисциплины могут оказать конкретную практическую пользу в судебной деятельности. В качестве примера таких учебных дисциплин могут выступать история государства и права, история политических и правовых учений, теория государства и права и некоторые другие.

Перейдем к проблеме возраста, с которого человек может исполнять особенности мирового судьи. В современном законодательстве четко прослеживается преемственность с нормой Учреждения судебных установле-

ний, что мировым судьей может быть лицо, достигшее 25-ти лет. В настоящее время в судейском сообществе высказываются идеи по повышению этой возрастной границы. Мы полагаем, что это неправильный подход, который противоречит положительному историческому опыту. Кроме того, поднятие возрастной планки для любой категории судей автоматически приведет к нехватке квалифицированных кадров в судебной сфере.

Необходимо отметить еще одну важную особенность, отличающую статус мирового судьи в Российской империи и Российской Федерации. В.А. Илюхина верно обращает внимание, что в дореволюционной России мировыми судьями могли быть только мужчины, хотя в Судебных уставах 1864 г. нигде об этом прямо не говорилось [17: 121, 19: 98]. В современной России никаких ограничений по половому признаку в плане занятия должности мирового судьи, что вполне естественно, не существует.

В ст. 21-22 Учреждения судебных установлений перечислялись категории лиц, которые не имели права быть мировыми судьями, а именно:

1) лица, состоящие под следствием или судом за преступления или проступки, подвергавшиеся по приговору суда тюремному заключению или более строгому уголовному наказанию, а также те, «которые, быв под судом за преступления или проступки, влекущие за собою такие наказания, не оправданы судебными приговорами». Последнее положение выглядит несколько странным в рамках современного правопонимания, но в контексте XIX в. все объясняется абсолютно логично. Дело в том, что до реформы Александра II существовала практика, когда подсудимому не выносили ни оправдательный, ни обвинительный приговор, а отпускали на свободу с формулировкой «оставлен в подозрении». В течение длительного времени данная формулировка не являлась препятствием для занятия государственных должностей;

2) лица, «исключенные из службы по суду, или из духовного ведомства за пороки, или же из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат»;

3) несостоятельные должники;

4) лица, находящиеся под опекой за расточительность;

5) священно- и церковнослужители.

Установления первых четырех препятствий к избранию в мировые судьи обусловливалось тем, что в их число должны избираться только лица, не опороченные судом или обществом. Что касается запрета лицам духовного звания быть мировыми судьями, то он вполне понятен, т.к. церковь в обществе (в том числе и ее служители) выполняет несколько иную социальную функцию.

Законом 15 июня 1912 г. перечень ст. 21 Учреждений судебных установлений был расширен. Кроме ранее перечисленных лиц, мировыми судь-

ями теперь не могли быть лица, исключенные из числа присяжных поверенных, их помощников, а также частных поверенных. Это, по справедливому высказыванию И.И. Дунаева, «вполне согласовывалось с потребностями практики и мнением, что судебные должности должны занимать неопороченные люди» [16: 67].

В отличие от дореволюционного законодательства нормы, устанавливающие препятствия для занятия должности мирового судьи, хотя и закреплены в одной статье закона (ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»), но достаточно хаотично и с неунифицированными формулировками «разбросаны» по всему ее тексту. Тем не менее, эти условия прослеживаются достаточно четко.

Кандидатом на должность мирового судьи и, соответственно, мировым судьей в Российской Федерации не может быть гражданин:

1) имеющий или имевший судимость, либо в отношении которого было прекращено уголовное преследование по реабилитирующим основаниям;

2) подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления;

3) имеющий гражданство иностранного государства или вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание на территории иностранного государства;

4) признанный судом недееспособным или ограниченно дееспособным;

5) состоящий на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств;

6) имеющий иные заболевания, препятствующие осуществлению полномочий судьи.

Сравнивая комплекс перечисленных препятствий, несмотря на их внешние различия с дореволюционными, по своей сути они аналогичны – направлены на то, чтобы мировыми судьями могли быть только независимые в своих суждениях адекватные граждане, не имеющие конфликтов с законом и обществом.

Завершая статью, отметим, что требования, предъявляемые к мировым судьям, были и остаются важным элементом их правового статуса. Элементом, от которого напрямую зависит контингент мировых судей и, соответственно, деятельность этого судебного института. Сравнительный анализ требований, предъявляемых к мировым судьям в нашей стране во второй половине XIX – начале XX в. и в конце XX – начале XXI в. приводит к выводу, что они обусловливались конкретно-исторической обстановкой и были направлены на качественное обеспечение функционирования мировой юстиции.

Библиографический список

1. Азарова, Е.С., Репкин, М.Л. Мировая юстиция в России: монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 128 с.

2. Анохина, В.Ю. Формирование мировой юстиции Российской Федерации. – М.: Издательский дом фонда «СТАЛИНГРАД», 2015. – 268 с.

3. Арабова, Т.Ф. Мировая юстиция: особенности функционирования. – М.: Изд-во «Городец», 2012. – 176 с.

4. Беляев, В.П., Холодова, Е.И. Мировая юстиция в России до начала XX века (историко-правовой очерк): монография. – Белгород: Изд-во БУПК, 2011. – 216 с.

5. Большакова, В.М. Мировой суд как хронодискретный российский институт // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы II Международной научной конференции, 24–27 мая 2018 года / отв. ред. В.Ю. Стромов. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2018. – С. 29–32.

6. Гущев, В. В. Сравнительно-правовое исследование ми-рового суда в России (история и современность) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гущев Владимир Владимирович; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2005. – 165 с.

7. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

8. Демичев, А.А. Мировой суд в Российской империи по Судебным уставам 1864 г. // История государства и права. – 2012. – № 4. – С. 36-39.

9. Демичев, А.А. Проблемы изучения правовой преемственности в хронодискретных моногеографических исследованиях // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 160-165.

10. Демичев, А.А. Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Демичев Алексей Андреевич; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2003. – 55 с.

11. Демичев, А.А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки // История государства и права. – 2010. – № 16. – С. 2-7.

12. Демичев, А.А., Исаенкова, О.В. Теоретико-методологические проблемы изучения российского суда присяжных: монография. – Н. Новгород: НФ МГЭИ, 2005. – 188 с.

13. Демичев, К.А. Методологические основы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения и перспективы ее развития в Нижегородском институте управления // Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России. Основные итоги научной работы в нижегородском институте управления в 2017 г. – Н. Новгород: НИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2018. – С. 48-52.

14. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 22-30.

15. Демичев, К.А. Развитие нижегородской научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Нижегородский край и развитие России: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов научно-практических конференций и круглых столов. 09 ноября 2018 г. – Нижний Новгород, 2018. С. 27-30.

16. Дунаев, И. И. Институт мировых судей Нижегородской губернии во второй половине 19 – начале 20 века: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дунаев Игорь Иванович. Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2004. – 153 с.

17. Илюхина, В. А. Эволюция идеи мирового суда в России во второй половине XVIII – первой половине 60-х гг. XIX в. (историко-правовое исследование) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Илюхина Вера Алексановна; Академия ФСИН России. – Рязань, 2012. – 231 с.

18. Илюхина, В.А. Вопросы организации мирового суда в России по Судебным уставам 1864 г. и современному законодательству: опыт хронодискретного моногеографического сравнительно-правового анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конферен-

ции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 61-77.

19. Илюхина, В.А. Мировой суд в России по Учреждению судебных установлений 1864 г. и по современному российскому законодательству о мировых судьях: опыт сравнительного историко-правового исследования // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 3. – М.: ООО «ваш полиграфический партнер», 2011. – С. 92-106.

20. Илюхина, В.А. Сравнительный анализ требований к кандидатам в мировые судьи в Российской империи и Российской Федерации // Мировой судья. – 2016. – № 5. – С. 3-7.

21. Илюхина, В.А. Требования к мировым судьям в России: хронодискретный анализ // Реформирование судебной системы в России: история и современность: сборник научных трудов, посвященный 80-летию Нижегородского областного суда. В двух частях. Часть II / под ред. Бондара А.В., Ершова В.В., Журавлѐвой Ю.В., Ярцева Р.В. – Н. Новгород: ПФ ФГБОУВО «РГУП», Издательство «Автор», 2018. – С. 51-57.

22. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Гарантии реализации прав и обязанностей мировых судей в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 7. – С. 16-21.

23. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Льготы мировым судьям в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 3. – С. 3-7.

24. Лонская, С.В. Очерки истории мировой юстиции Российской империи (1864-1917 гг.): монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 168 с.

25. Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия: монография / под ред. А.Д. Поповой, С.В. Лонской. М.: – Проспект, 2016. – 288 с.

26. Памятники российского права: в 35 т. Т. 13: Судебная реформа 1864 г. в Российской империи: учебно-научное пособие / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова, А.А. Демичева. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 448 с.

27. Смирнова, Я. Б. Становление и развитие института мировых судей в России в свете судебной реформы 1864 года : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Смирнова, Яна Борисовна; Северо-Кавказский государственный технический университет. – Ставрополь, 2003. – 204 с.

28. Трофимова, Н. Н. Мировая юстиция Центрально-промышленного района России в 1864–1889 гг.: генезис, региональные особенности судоустройства и деятельности : специальность 12.00.01 «Теория

и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Трофимова Наталья Николаевна; Владимирский юридический институт ФСИН России. – Владимир, 2004. – 199 с.

29. Черепанов, С. И. Сравнительно-правовое исследование института присяжных поверенных в Российской империи по судебной реформе 1864 года и института адвокатуры в Российской Федерации : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Черепанов Сергей Иванович; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2018. – 192 с.

Ромадина Надежда Эдуардовна[1]
Romadina Nadezhda Eduardovna

Студентка 292 учебной группы
Институт Академии ФСИН России
292 student study groups
Academy of the Federal Service Execution of Punishment of Russia

Требования к присяжным заседателям в Российской империи и Российской Федерации: хронодискретный анализ

Requirements for the jurors in the Russian empire and Russian Federation: chrono-discrete analysis

Аннотация. В статье рассматриваются требования к присяжным заседателям в Российской империи и Российской Федерации через хронодискретный анализ.

Ключевые слова: суд присяжных, хронодискретный анализ, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

Annotation. The article focuses on the requirements of the jurors in the Russian Empire and Russia Federation chrono-discrete analysis.

Key words: jury, chrono-discrete analysis, chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence.

Изначально методология хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения разрабатывалась для сравнения аналогичных государственно-правовых институтов, существовавших и существующих в одной стране в различные исторические периоды в условиях отсутствия между ними прямой преемственности [5: 9].

В приведенном выше контексте предметом изучения ХМСП стали такие институты как суд присяжных [4, 7, 11, 12], прокуратура [1, 16], адвокатура [10, 17, 18], мировой суд [2, 13, 14, 15], судебные приставы [3] и другие [8, 9]. При этом институт суда присяжных, насмотря на больште количество исследований, вполне может быть отнесен не только к числу сравнимых, но и весьма перспективных в рамках ХМСП-исследования [6: 7].

[1] Научный руководитель: Илюхина Вера Алексановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России.

Как известно, «участие населения в отправлении правосудия является одной из составляющих, позволяющих характеризовать демократичность судебной системы и всего общества в целом в конкрено-исторический период» [6: 10]. Для Российской империи пореформенного периода и современной Российской Федерации общей формой такого участия граждан в судопроизводстве является суд присяжных. При этом необходимо отметить, что история отечественного суда присяжных носит дискретный характер – в ней имеется временной разрыв. Суд присяжных в России стал упоминаться еще со времен правления Екатерины II, но официально был принят в 1864 гг. и просуществовал по 1917 гг. и существует с 1993 г. по настоящее время.

Следовательно, суд присяжных заседателей в нашей стране является хронодискретным институтом, и к его изучению может быть применена одна из наиболее перспективных в настоящее время методологий историко-правовых исследований – методология хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения. Кроме того, хронодискретные исследования судебных преобразований в Российской империи и Российской Федерации как в целом, так и отдельных институтов, включая суд присяжных, являются одним из перспективных направлений историко-правовых исследований судебной сферы.

Несмотря на то, что суд присяжных является одним из самых демократичных судебных институтов, к кандидатам в присяжные заседатели предъявлялись и предъявляются определенные требования, устанавливаются ограничения, не позволяющие тем или иным субъектам исполнять обязанности присяжных.

Общие требования к присяжным заседателям в Российской империи устанавливались статьей 81 Учреждения судебных установлений 1864 г. Таковыми являлись российское подданство, возраст от 25 до 70 лет (возрастной ценз) и проживание не менее двух лет в том уезде, где производится избрание в присяжные заседатели (ценз оседлости).

В соответствии со статье 84 Учреждения судебных установлений в общие списки присяжных заседателей вносились: 1) почетные мировые судьи; 2) чиновники гражданской службы в должностях пятого и ниже классов (при этом имелся ряд исключений, о которых мы скажем чуть позже); 3) все состоящие на местной службе по выборам дворянских и городских обществ; 4) крестьяне, избранные в очередные судьи волостных судов или в добросовестные волостных и сельских расправ и равных с ними сельских судов, а также занимавшие беспорочно не менее трех лет должности волостных старшин, голов, сельских старост или другие соответствующие сим должности в общественном управлении сельских обывателей разных наименований, или бывшие церковными старостами; 5) все прочие лица,

владеющие землею в количестве не менее ста десятин или другим недвижимым имуществом ценою: в столицах менее двух тысяч рублей, в губернских городах и градоначальствах не менее тысячи, а в прочих местах не менее пятисот рублей, или же получающие жалованье или доход от своего капитала, занятия, ремесла или промысла: в столицах не менее пятисот, а в прочих местах не менее двухсот рублей в год».

Еще раз обратим внимание на то, что для всех категорий кандидатов в присяжные заседатели, названных в статье 84 Учреждения судебных установлений, было обязательно соответствие требованиям, указанным в статье 81 Учреждения судебных установлений. При этом в статье 84, конкретизирующей условия статьи 81, содержался ряд изъятий. Последние правомерно рассматривать в качестве ограничений. Так, не могли быть присяжными заседателями из государственных чиновников мировые судьи и судьи общих судебных установлений, секретари и оберсекретари судебных мест, судебные приставы и нотариусы, лица прокурорского надзора при судебных местах, вицегубернаторы, чиновники, занимающие должности казначеев, а также лесничих казенных лесов, чиновники полиции, а из выборных должностных лиц – городские головы.

Данные ограничения, связанные с профессиональной деятельностью, обусловливались в одном случае своеобразным конфликтом интересов с исполнением обязанностей (лица, связанные с судебной и правоохранительной деятельностью) либо важностью занимаемой государственной или общественной должности, невозможностью отрыва от нее для исполнения обязанности присяжного заседателя.

В статьях 85 и 86 Учреждения судебных установлений закреплялись ограничения возможности быть присяжным заседателям в зависимости от профессиональной деятельности.

Так, не могли быть присяжными заседателями:

1) священнослужители и монашествующие;

2) военные чины и гражданские чины, относящиеся к военному ведомству;

3) учители народных школ;

4) подданные, находящиеся в услужении у частных лиц.

Все выше перечисленные категории населения отстранялись от участия в судопроизводстве совершенно по разным причинам.

Так, например, ограничение священнослужителям быть присяжными заседателями связано, несомненно, с совершенно иной, несовместимой с судом земным, социальной функцией этого сословия.

Что касается учителей народных школ, то на них ложилась и без того большая нагрузка, чтобы можно их было отрывать от учительской деятель-

ности. Наконец, запрет быть присяжными лицам, находящимся в частном услужении, обусловливался тем, что «они не всегда могли быть объективными в судебном разбирательстве, поскольку хозяева на них легко могли оказать давление». В пункте 2 статьи 84, пункте 2 статей 85 и 86 Учреждения судебных установлений закрепляются некие объективные, общественные условия, с которыми несовместима, требующая независимого положения должность присяжного заседателя.

Нормы статьи 82 Учреждения судебных установлений нужно рассматривать в качестве ограничений, установленных для лиц, имеющих право быть присяжными заседателями на основании статьи 81. Итак, в соответствии со статьей 82 Учреждения судебных установлений присяжными заседателями не могли быть.

1) состоящие под следствием или судом за преступления или проступки, а равно и подвергшиеся по судебным приговорам за противозаконные деяния заключению в тюрьме или иному более строгому наказанию и те, которые, быв под судом за преступления или проступки, влекущие за собою такие наказания, не оправданы судебными приговорами;

2) исключенные из службы по суду, или из духовного ведомства за пороки, или же из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат;

3) объявленные несостоятельными должниками;

4) состоящие под опекою за расточительность».

Как видим, все приведенные выше ограничения связаны с тем, что кандидат в присяжные заседатели по тем или иным причинам, тем или иным образом был опорочен в глазах государства и/или общества. Ну а присяжными заседателями могли по замыслу законодателя быть только лица, пользующиеся уважением и доверием общества.

В пунктах 5 и 6 статьи 82 Учреждения судебных установлений, также устанавливались ограничения, которые А.А. Демичевым были названы физическим цензом. Эти ограничения носили исключительно практический характер — заседателями не могли быть слепые, глухие, немые и лишенные рассудка, а также не знающие русского языка [7: 21].

Необходимо отметить, что уголовное законодательство того времени было сильно устаревшим и во многом уже не соответствовало реальной жизни. Нередко санкция уголовного закона была явно несоразмерна вине подсудимого. Поэтому формальное решение дела по букве закона нередко противоречило здравому смыслу. Причины преступности вообще и каждого отдельного преступления в частности в тот период в немалой степени были обусловлены социально-экономическим положением России. Такие мотивы, как голод и нищета, нередко становились причиной снисхождения присяжных при вынесении ими вердикта.

В настоящее время суды с участием присяжных заседателей действуют на всей территории Российской Федерации. Предоставленное ст. 20 Конституции РФ и ст. 30 УПК РФ обвиняемым право на рассмотрение их дел с участием присяжных заседателей оказалось весьма востребованным.

В отличие от дореволюционного законодательства, в Федеральном законе от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ не указываются позитивные требования к кандидатам в присяжные заседатели, а закрепляются только ограничения путем использования в части 2 статьи 3 формулировки «Присяжными заседателями и кандидатами в присяжные заседатели не могут быть лица…».

Итак, в Российской Федерации, согласно ФЗ № 113 от 20 августа 2004 года не могут быть присяжными заседателями граждане: 1) не достигшие возраста 25 лет; 2) имеющие непогашенную или неснятую судимость; 3) признанные судом недееспо-собными или ограниченные судом в дееспособности и, наконец, 4) состоящие на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств.

Как видим, здесь, как и в Российской империи, имеет место возрастной ценз. Также,на сегодняшний день, также как и было в Российской империи в число присяжных заседателей попадают люди, способные по своим физическим возможностям и нравственным качествам выполнять соответствующие обязанности в уголовном процессе.

Часть 3 статьи 3 ФЗ № 113 от 20 августа 2004 г. устанавливает ограничения не к кандидатам в присяжные заседатели вообще, а к их участию в рассмотрении конкретного уголовного дела. Так, присяжными заседателями не могут быть: 1) подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений; 2) не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство; 3) имеющие физические или психические недостатки, препятствующие полноценному участию в рассмотрении судом уголовного дела.

Следует отметить, что такие ограничения не на этапе составления списков, а именно при отборе к участию в конкретном уголовном процессе, на наш взгляд, абсолютно оправданы. Дело в том, что после составления списков гражданин может оказаться подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, только при личном общении в суде может выясниться, что кандидат в присяжные не владеет языком, на котором ведется судопроизводство. То же самое касается физических и иных недостатков, препятствующих к участию в судопроизводстве. Кстати, в данном случае можно говорить о наличии некоего физического ценза, аналогичного установленному в Судебных уставах 1864 г.

На сегодняшний день, позиция присяжного неоднозначна и спорна. С одной стороны, это обязанность любого добропорядочного гражданина. С другой же, это большая ответственность за судьбы других людей. Одни мечтают стать присяжным заседателем, другие – всячески избегают такой роли.

Подводя итоги статьи, отметим, что, сравнивая требования к присяжным заседателям в Российской империи и Российской Федерации, можно сделать вывод, что их сущность является схожей. Она заключается в недопущении к отправлению правосудия лиц, не обладающих необходимыми нравственными характеристиками, опороченными перед обществом и государством, а также лиц, физически неспособных быть присяжными заседателями. Данные ограничения необходимы и направлены на оптимизацию деятельности суда присяжных, повышение его эффективности, формирование в обществе доверия к этому институту и положительного имиджа судебной власти в целом.

Библиографический список

1. Большакова, В.М. Прокуратура как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 6А. – С.12-18.

2. Волосатых, Е.А. Хронодискретное историко-теоретическое исследование правового статуса мирового судьи в Российской империи и Российской Федерации : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Волосатых Евгений Андреевич; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2016. – 217 с.

3. Гольцман, Е.В. Требования, предъявляемые к судебным приставам в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 117-127.

4. Демичев, А.А. Институт присяжных заседателей в России: проблемы становления и развития: монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. – 320 с.

5. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографиче-

ского сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

6. Демичев, А.А. К вопросу о сравнимости судебной реформы 1864 г. и судебных преобразований конца XX начала XXI в. в России // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 7-14.

7. Демичев, А.А. Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Демичев Алексей Андреевич; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2003. – 55 с.

8. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 22-30.

9. Демичев, К.А. Хронодискретность в развитии государственности: восточный вариант // Актуальные вопросы современного развития России. Основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2016 г. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 332-335.

10. Ильина, Т.Н. Роль адвокатуры в оказании бесплатной юридической помощи населению в России в начале XX и XXI века: хронодискретный анализ // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 215-222.

11. Илюхин, А.В. Процесс становления суда присяжных в России с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 95-107.

12. Илюхин, А.В., Илюхина, В.А., Везенова, П.Р. Военный суд присяжных в России как объект хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 427. – С. 201-207.

13. Илюхина, В.А. Вопросы организации мирового суда в России по Судебным уставам 1864 г. и современному законодательству: опыт хронодискретного моногеографического сравнительно-правового анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 61-77.

14. Илюхина, В.А. Требования к мировым судьям в России: хронодискретный анализ // Реформирование судебной системы в России: история и современность: сборник научных трудов, посвященный 80-летию Нижегородского областного суда. В двух частях. Часть II / под ред. Бондара А.В., Ершова В.В., Журавлѐвой Ю.В., Ярцева Р.В. – Н. Новгород: ПФ ФГБОУВО «РГУП», Издательство «Автор», 2018. – С. 51-57.

15. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Льготы мировым судьям в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 3. – С. 3-7.

16. Никонов, В.А. Российская прокуратура во второй половине XIX-начале XX века и конце XX-начале XXI века (сравнительно-правовой анализ): Монография / Под ред. А.А. Демичева. – Н. Новгород: Нижегородский филиал Московского гуманитарно-экономического института, 2006. – 156 с.

17. Черепанов, С. И. Сравнительно-правовое исследование института присяжных поверенных в Российской империи по судебной реформе 1864 года и института адвокатуры в Российской Федерации : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Черепанов Сергей Иванович; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2018. – 192 с.

18. Черепанов, С.И. Корпоративное устройство органов адвокатуры в дореволюционной и современной России в контексте хронодискретного анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 128-142.

Гольцман Елена Валериевна
Goltsman Elena Valeryevna

Преподаватель кафедры управления,
Нижегородская академия МВД России

Teacher of Management Department,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Механизм формирования корпуса судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ)

The formation mechanism of the corps of bailiffs in the Russian Empire and the Russian Federation (comparative legal analysis)

Аннотация. В статье на основе методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения проводится сравнительный анализ механизма формирования корпуса судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации.

Ключевые слова: хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение, судебные приставы, хронодискретный институт.

Annotation. Based on the methodology of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence, the article provides a comparative analysis of the formation mechanism of the corps of bailiffs in the Russian Empire and the Russian Federation.

Keywords: chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence, bailiffs, chrono-discrete institute.

Методология хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [8, 9, 13, 14] активно и успешно применяется к изучению различных институтов, явлений [4, 10, 24], идей и концепций [11, 12, 25]. Среди отечественных хронодискретных институтов наибольший интерес исследователей привлекают судебные институты. В первую очередь, как наиболее исследованные отметим суд присяжных [3, 6, 7, 17, 18], мировой суд [19, 20, 21, 22], адвокатуру[16, 26] и прокуратуру [2. 23].

Если все названные судебные институты изучались не только на уровне статей, но и на монографическом уровне, то институт судебных приставов оказался обделенным вниманием ученых. Изучению российского института судебных приставов в хронодискретном аспекте посвящено всего несколько статей [1, 15].

До настоящего времени неизученной остается проблема сравнительно-правового анализа механизма формирования корпуса судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации. Восполнению названного пробела и посвящена наша статья.

Вопросы, связанные с организацией института судебных приставов в Российской империи регламентировались Учреждением судебных установлений от 20 ноября 1864 г., а в Российской Федерации – федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах».

Обратим внимание, что нас интересует именно механизм формирования корпуса судебных приставов, а не требования, к ним предъявляемые, т.к. данная проблема была рассмотрена нами в одной из статей [5].

В соответствии со ст. 11 Учреждения судебных установлений судебные приставы находились при судебных местах. Ст. 60 и 297 того же нормативного акта конкретизировали, что судебные приставы могут находиться при мировых съездах, при окружных судах, судебных палатах и кассационных департаментах Сената.

Так как созданная Судебными уставами 1864 г. судебная система Российской империи состояла из двух ветвей – мировых судебных установлений и общих судебных установлений, – то и механизм назначения на должность судебных приставов был различным в зависимости от судебного места, при котором находился судебный пристав.

Ст. 60 Учреждения судебных установлений определяла, что при мировых съездах могут назначаться судебные приставы по распоряжению этих съездов и их председателей. Назначались приставы для исполнения решений мировых судей соответствующего судебного округа и решений съездов мировых судей, а также для совершения иных исполнительных действий.

При этом количество судебных приставов, состоящих при съездах мировых судей, определялось не мировым съездом, а земскими собраниями (в Москве и Санкт-Петербурге – городскими думами). Данное положение объясняется достаточно просто – именно земские собрания (городские думы в столицах) финансировали деятельность судебных приставов мировых съездов. Соответственно эти органы и определяли количество судебных приставов, а также размер их содержания из земских сборов или городских доходов.

Судебных приставы мировых съездов единолично назначались председателями этих съездов, состояли под их надзором и подчинялись их дисциплинарной власти.

Ст. 63 Учреждения судебных установлений допускала ситуацию, что в определенных местах может и не быть судебных приставов. Это не означало, что решения судов там не будут исполняться. По этой причине обязанности судебных приставов возлагались за особое вознаграждение на местную полицию.

В общих судебных местах ситуация с судебными приставами была иной, чем в мировых судебных установлениях. Если в отношении судебных приставов мировых съездов в ст. 60 закреплялась формулировка «могут назначаться», допускающая ситуацию, что судебные приставы могут и не назначаться в принципе, то ст. 297 содержала безальтернативное правило: судебные приставы «состоят при кассационных департаментах Правительствующего сената, при судебных палатах и при окружных судах». При этих судебных учреждениях судебные приставы состояли для исполнения действий, которые предписывалось им совершать Уставом уголовного судопроизводства и Уставом гражданского судопроизводства.

Количество судебных приставов для каждого судебного места устанавливалось его штатным расписанием. Приставы общих судебных мест финансировалось из государственного бюджета, а не земствами или городскими думами.

В соответствии со ст. 300 Учреждения судебных установлений судебные приставы при окружных судах и судебных палатах избирались председателями соответствующих судебных мест, а приставы при кассационных департамента Сената – обер-прокурорами кассационных департаментов. Термин «избирались» в данном случае употребляется в смысле «назначались», т.к. никаких процедур выбора закон не предусматривал. При назначении судебных приставов при общих судебных местах назначающие субъекты должны были принимать решение «по надлежащему удостоверению в благонадежной нравственности и способностях кандидатов к исполнению принимаемых ими на себя обязанностей».

Дореволюционное законодательство предусматривало годичный испытательный срок для судебных приставов. Ст. 308 Учреждения судебных установлений устанавливала правило, что утверждение приставов в занимаемой должности происходит лицами их назначившими по истечении одного года с момента допущения их к деятельности.

Допущение к исполнению обязанностей судебного пристава предполагало три момента:

1) представление судебному месту назначенного судебного пристава;

2) внесение залога. Залог вносился на случай, если действия судебного пристава будут «неправильными» и повлекут причинение убытков. Размер залога устанавливался для каждого судебного округа;

3) принятие присяги. Присяга приносилась по особой форме в общем собрании департаментов или отделений судебного места, где предстояло служить назначенному приставу. Приводило к присяге духовное лицо того вероисповедания, к которому относилось лицо, вступающее в должность.

Принятие присяги являлось завершающим действием, связанным с вступлением в должность судебного пристава. За этим следовали выдача свидетельства о поступлении в должность судебного пристава (в этом документе указывалось назначенное место жительства), особого знака для ношения при исполнении служебных обязанностей и особая печать.

Ст. 305-307 Учреждения судебных установлений предъявляли ряд требований, связанных с местом жительства судебного пристава. Приставы, состоящие при Сенате, судебных палатах и окружных судах должны были постоянно проживать в тех городах, где эти судебные места находятся. Остальные судебные приставы должны были проживать в других местах, но на территории, подведомственной соответствующему судебному округу. Конкретное место проживания определялось, а также могло быть изменено, председателями судов, при которых судебные приставы находились (в кассационных департаментах Сената это делалось обер-прокурорами). При этом самостоятельная смена места жительства судебным приставом являлась основанием для его увольнения.

Ст. 309 Учреждения судебных установлений содержала интересную норму, направленную на обеспечение принципа гласности в пореформенных судебных учреждениях, а именно: информация о назначении судебного пристава на должность и об утверждении судебного пристава в должности должны были публиковаться «во всеобщее сведение».

При ситуации недостаточного количества судебных приставов председатели судебных мест могли за вознаграждение, определенное специальными таксами, возложить соответствующие обязанности на чины полиции. В этом случае полицейские откомандировывались к судебным местам и переходили в их полное подчинение.

В Российской Федерации федеральным законом «О судебных приставах» предусмотрен несколько иной механизм формирования корпуса судебных приставов.

Статья 6 названного закона «Порядок назначения на должность и освобождения от должности судебных приставов» очень лаконична. В соответствии с ней Президент РФ назначает и освобождает от должности ру-

ководителя Федеральной службы судебных приставов. Также Президентом РФ определяется порядок назначения на должность судебных приставов и порядок их освобождения от должности.

Как и в дореволюционной России обязательным для судебных приставов при вступлении в должность является принятие присяги. Ее текст приведен в ч. 2 ст. 3 «О судебных приставах», а порядок приведения к ней регламентируется подзаконным актом – Приказом ФССП России от 5 декабря 2014 г. № 675 «Об утверждении Порядка приведения к присяге судебного пристава».

В плане механизма формирования корпуса судебных приставов в Российской Федерации важную роль играет Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Замещение должностей гражданской службы производится на конкурсной основе. Непосредственно порядок проведения таких конкурсов регламентируется Указом Президента РФ от 1 февраля 2005 г. № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации». Таким образом, механизм назначения судебных приставов является единым для всех должностей государственной гражданской службы. В данной статье мы рассматривать его не будем. Обратим лишь внимание на то, что в Российской империи, как мы рассмотрели ранее. Порядок назначения на должность приставов специально регламентировался Учреждением судебных установлений.

В целом порядок формирования корпуса судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации был различным. Это касается не только конкретных механизмов, но и самих подходов. В первом случае речь шла о назначении, напрямую зависящим от воли руководства, во втором – предусматриваются конкурсные процедуры. Тем не менее, имеется определенное сходство, связанное с соответствием кандидатов на должность определенным требованиям, обязательным принесением присяги и наличием испытательного срока.

Библиографический список

1. Большакова, В.М. Институт судебных приставов как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Том 9. – № 3А. – С. 7-15.

2. Большакова, В.М. Прокуратура как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. – 2018. –Т. 8. – № 6А. – С.12-18.

3. Большакова, В.М. Суд присяжных: хронодискретный российский институт // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 3. – С. 11-14.

4. Большакова, В.М. Судебные преобразования в России второй половины XIX – начала XX в. и конца XX – начала XXI в. как хронодискретное явление // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 10А. – С. 127-134.

5. Гольцман, Е.В. Требования, предъявляемые к судебным приставам в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 117-127.

6. Демичев, А.А. «Теневое право» и суд присяжных // Государство и право. – 2004. – № 7. – С. 104–107.

7. Демичев, А.А. Институт присяжных заседателей в России: проблемы становления и развития: Монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. – 320 с.

8. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

9. Демичев, А.А. Проблемы изучения правовой преемственности в хронодискретных моногеографических исследованиях // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 160-165.

10. Демичев, А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 2. – С. 22-26.

11. Демичев, К.А. Идея и концепция как объект изучения хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 3. – С. 13-15.

12. Демичев, К.А. Концепция в сфере частного права как объект изучения научной школы ХМСП // Вестник Нижегородского института управления. – 2018. – № 3 (49). – С. 38-41.

13. Демичев, К.А. Методологические основы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения и перспективы ее развития в Нижегородском институте управления // Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России. Основные итоги научной работы в нижегородском институте управления в 2017 г. – Н. Новгород: НИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2018. – С. 48-52.

14. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 22-30.

15. Захаров, В.В. Правовой статус судебного пристава в Российской империи и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 2. – Н. Новгород: Изд-во «КиТ-издат»; НФ МГЭИ, 2010. – С. 12-40.

16. Ильина, Т.Н. Роль адвокатуры в оказании бесплатной юридической помощи населению в России в начале XX и XXI века: хронодискретный анализ // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 215-222.

17. Илюхин, А.В. Ограничение компетенции присяжных заседателей по государственным преступлениям в Российской империи и Российской федерации: сравнительно-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 32-36.

18. Илюхин, А.В. Процесс становления суда присяжных в России с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 95-107.

19. Илюхина, В.А. Вопросы организации мирового суда в России по Судебным уставам 1864 г. и современному законодательству: опыт хронодискретного моногеографического сравнительно-правового анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 61-77.

20. Илюхина, В.А. Требования к мировым судьям в России: хронодискретный анализ // Реформирование судебной системы в России: история и современность: сборник научных трудов, посвященный 80-летию Нижегородского областного суда. В двух частях. Часть II / под ред. Бондара А.В., Ершова В.В., Журавлѐвой Ю.В., Ярцева Р.В. – Н. Новгород: ПФ ФГБОУВО «РГУП», Издательство «Автор», 2018. – С. 51-57.

21. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Гарантии реализации прав и обязанностей мировых судей в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 7. – С. 16-21.

22. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Льготы мировым судьям в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 3. – С. 3-7.

23. Никонов, В.А. Российская прокуратура во второй половине XIX-начале XX века и конце XX-начале XXI века (сравнительно-правовой анализ): монография / под ред. А.А. Демичева. – Н. Новгород: Нижегородский филиал Московского гуманитарно-экономического института, 2006. – 156 с.

24. Руденок, К.В. Терроризм в России: ХМСП исследование // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 160-173.

25. Хужин, А.М. Поведенческая концепция вины в частном праве: исторические предпосылки и современное понимание // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 4. – М.: ООО «Ваш полиграфический партнер», 2012. – С. 180-189.

26. Черепанов, С.И. Корпоративное устройство органов адвокатуры в дореволюционной и современной России в контексте хронодискретного анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 128-142.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИИ ХМСП

Большакова Валентина Михайловна
Bolshakova Valentina Mikhailovna

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права НИУ РАНХиГС
Candidate of sciences (law), Associate Professor, Associate Professor of Department of Constitutional and Administrative Law Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPA

Сравнительно-правовой анализ института прокуратуры в Российской империи и Российской Федерации (к вопросу о требованиях к прокурорам)

Comparative legal analysis of the institution of the prosecutor's office in the Russian Empire and the Russian Federation (on the issue of requirements for prosecutors)

Аннотация. В статье рассматриваются требования к прокурорам в Российской империи и Российской Федерации. Ключевым элементом правового анализа хронодискретного института- прокуратуры, стало рассмотрение правового статуса прокурора и требования, предъявляемые к кандидатам на эту должность.

Ключевые слова: прокуратура, хронодискертные институты, хронодискретные идеи и концепции; хронодискретные явления, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

Annotation. The article consideres the requirements for prosecutors in the Russian Empire and the Russian Federation. A key element of the legal analysis of the chrono-discrete institute-prosecutor's office was the consideration of the legal status of the prosecutor and the requirements for candidates for this position.

Keywords: prosecutor's office, chrono-discrete institutes, chrono-discrete ideas and concepts, chrono-discrete phenomena, chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence.

Институт прокуратуры начал изучаться представителями научной школы ХМСП одним из первых, причем произошло это достаточно быстро на монографическом уровне [18]. Однако в дальнейшем интерес исследователей к прокуратуре, в отличие, например, от суда присяжных [2, 11, 12, 13,

19] и мирового суда [14, 15, 16, 17] в сравнительно-правовом аспекте практически угас. Со времени выхода в свет монографии В.А. Никонова прошло более десяти лет и материал, в ней содержащийся во многом устарел. Кроме того, в момент написания этой работы еще не оформилась ХМСП-терминология, а сама научная школа ХМСП находилась в стадии становления. Полагаем, имеет смысл рассмотреть институт прокуратуры в контексте современных достижений научной школы ХМСП.

В рамках данной работы мы не будем обосновывать положение, что прокуратура является хронодискретным институтом, т.к. это было сделано нами ранее [1]. Также не станем останавливаться на ХМСП-методологии, т.к. этот вопрос уже достаточно разработан в научной литературе [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. В данной статье мы рассмотрим требования к прокурорам в Российской империи и Российской Федерации.

Прежде, чем непосредственно перейти к решению поставленной задачи, обозначим, исходя из степени изученности литературы и ХМСП-методологии, несколько перспективных направлений российской прокуратуры:

1) нормативно-правовая основа института прокуратуры;
2) структура органов прокуратуры и механизм их формирования;
3) требования, предъявляемые к прокурорам;
4) ответственность прокурора;
5) льготы и гарантии реализации прав и обязанностей прокуроров;
6) функции прокурора в уголовном судопроизводстве;
7) функции прокурора в гражданском судопроизводстве.

Также как и с другими хронодискретными судебными институтами, условно сравнимыми являются материальное содержание прокуроров в Российской империи и Российской Федерации, а несопоставимым – их половой, социальный и образовательный состав.

Одним из ключевых элементов правового статуса прокурора являются требования, предъявляемые к кандидатам на эту должность. Как ни странно, в научной литературе отсутствует их сравнительный анализ. В данном параграфе попробуем компенсировать указанный пробел.

Требования к лицам прокурорского надзора в пореформенный период регламентировались Учреждением судебных установлений 1864 г. В настоящее время они устанавливаются федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

К сожалению, в Учреждении судебных установлений не было четкости при формулировании требований к лицам прокурорского надзора. Структурно они были расположены, на наш взгляд, неудачно. Дело в том, что нормативные положения, которые можно идентифицировать в качестве

требований к лицам прокурорского надзора, расположены были не в разделе третьем «О лицах прокурорского надзора» (ст. 124–136), а всего в двух статьях (ст. 202 и 210) отделения первого «Об условиях для занятия должностей по судебному ведомству» главы первой «Об определении должностных лиц судебного ведомства» раздела шестого «Об определении, увольнении и перемещении должностных лиц судебного ведомства».

В соответствии со ст. 202 Учреждения судебных установлений чины прокурорского надзора отбирались из числа лиц, имевших высшее юридическое образование. Альтернативой выступала сдача специального экзамена по юридическим наукам. Также на прокурорские должности могли поступать лица, которые доказали «на службе свои познания по судебной части». Эти же правила полностью распространялись на председателей, их товарищей и членов судебных мест, судебных следователей, обер-секретарей, секретарей и их помощников.

Ст. 210 Учреждения судебных установлений конкретизировала требования, предъявляемые именно к чинам прокуратуры. Для занятия этих должностей требовался стаж практической деятельности. Для товарища прокурора окружного суда он составлял четыре года, для прокурора окружного суда и товарища прокурора судебной палаты – шесть лет, для прокурора судебной палаты и товарища обер-прокурора – восемь лет и для обер-прокурора – двенадцать лет.

Таким образом, к кандидатам на должности прокуратуры, по сути, предъявлялось только два требования: наличие высшего юридического образования (или установленной в законе альтернативы ему) и стаж практический деятельности. Стоит добавить также, что по общему правилу государственные должности такого рода могли занимать только подданные Российской империи мужского пола.

Возрастного, имущественного и иных цензов для работников прокуратуры закон не устанавливал.

Ст. 40.1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» непосредственно посвящается требованиям, предъявляемым к лицам, назначаемым на должности прокуроров. Собственно требования к кандидатам в прокуроры закреплены в ч. 1 указанной статьи:

1) гражданство РФ;

2) наличие высшего юридического образования;

3) наличие необходимых профессиональных и моральных качеств;

4) состояние здоровья, позволяющее исполнять служебные обязанности.

Если первое, второе и четвертое требования носят объективный документально подтверждаемый характер и их целесообразность не вызывает сомнения, то третье требование, связанное с наличием «необходимых про-

фессиональных и моральных качеств», вызывает вопросы, так как здесь нет никаких четких критериев. Установление наличия этих качеств, по сути, оказывается в компетенции руководителей и работников кадрового аппарата.

Следует отметить, что ранее действовавшая редакция ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливала возрастной ценз для руководящих работников прокуратуры. Так, в ныне утратившей силу на основании федерального закона от 22 декабря 2014 г. № 427-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» части 5 статьи 40.1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливалось, что на должность прокурора города, района и приравненных к ним прокуроров могут быть назначены лица, достигшие возраста 25 лет, а на должности прокуроров субъектов РФ и приравненных к ним прокуроров – возраста 30 лет.

Также для указанных выше должностей был установлен и минимальный стаж необходимой практической деятельности. Для первой из названных выше категорий он составлял не менее трех лет работы прокурором или следователем, для второй – не менее пяти лет. При этом генеральный прокурор РФ был правомочен в исключительных случаях назначать на все эти должности лиц, имеющих опыт работы по юридической специальности на руководящих должностях в органах государственной власти.

Как видим, произошло определенное смягчение требований к руководящим работникам прокуратуры. Мы полагаем, что при наличии высоких профессиональных качеств возраст не должен являться препятствием для занятия руководящих должностей. А вот отказ от наличия стажа практической деятельности представляется нам непродуманным. Тем более, что этот подход был успешно апробирован дореволюционной практикой. Считаем, что в органах прокуратуры должен быть проработан вопрос о возвращении требования о наличии стажа практической деятельности для занятия руководящих должностей определенного уровня в прокуратуре.

В ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» закреплены не только требования к прокурорам, но и препятствия для занятия прокурорских должностей. Как мы уже отмечали в предыдущих параграфах, аналогичные юридические конструкции имеются и в регулировании института мировых судей, присяжных заседателей, судебных приставов.

В ч. 2 ст. 40.1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» содержится перечень препятствий к службе в прокуратуре.

Во-первых, это наличие иностранного гражданства. Данное препятствие является логичным и исторически апробированным. Обратим внимание, что лица, имеющие двойное гражданство, лишены права занимать прокурорские должности.

Во-вторых, препятствия, мешающие в силу психических, физиологических, физических причин полноценно исполнять функции работника прокуратуры (недееспособность, ограниченная дееспособность, наличие определенных заболеваний).

В-третьих, препятствия репутационного характера (репутационный ценз). Сюда можно отнести наличие судимости, в том числе снятой или погашенной, а также лишение судебным решением права в течение определенного срока занимать государственные должности государственной службы.

В-четвертых, препятствия, которые могут потенциально иметь коррупционную составляющую. Данное правило распространяется только на близкое родство или свойство (в законе назван исчерпывающие перечень родства и свойства: родители, супруги, братья, сестры, дети, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) потенциального работника прокуратуры с действующим работником, если их служба связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому.

В-пятых, отказ кандидата на прокурорскую работу от оформления допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, если этого требуют служебные обязанности.

Наличие любого из перечисленных выше препятствий делает невозможным прием гражданина на службу в органы прокуратуры.

Мы осветили лишь один из элементов правового статуса прокурора в Российской империи и Российской Федерации. Нам представляется перспективным дальнейшее комплексное хронодискретное исследование правового статуса прокурора.

Библиографический список

1. Большакова, В.М. Прокуратура как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. – 2018. –Т. 8. – № 6А. – С.12-18.

2. Большакова, В.М. Суд присяжных заседателей в Российской империи и Российской Федерации как институт гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 1. – С. 10-13.

3. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

4. Демичев, А.А. О перспективах развития хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 2. – Н. Новгород: Изд-во «КиТиздат»; НФ МГЭИ, 2010. – С. 6-11.

5. Демичев, А.А. Проблемы изучения правовой преемственности в хронодискретных моногеографических исследованиях // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 160-165.

6. Демичев, А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 2. – С. 22-26.

7. Демичев, К.А. Идея и концепция как объект изучения хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 3. – С. 13-15.

8. Демичев, К.А. Методологические основы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения и перспективы ее развития в Нижегородском институте управления // Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России. Основные итоги научной работы в нижегородском институте управления в 2017 г. – Н. Новгород: НИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2018. – С. 48-52.

9. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 22-30.

10. Демичев, К.А. Сикхская государственность как идейный конструкт в условиях хроноразрыва // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 25-29.

11. Илюхин, А.В. Ограничение компетенции присяжных заседателей по государственным преступлениям в Российской империи и Российской федерации: сравнительно-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 32-36.

12. Илюхин, А.В. Процесс становления суда присяжных в России с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного право-

ведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 95-107.

13. Илюхин, А.В., Илюхина, В.А., Везенова, П.Р. Военный суд присяжных в России как объект хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 427. – С. 201-207.

14. Илюхина, В.А. Вопросы организации мирового суда в России по Судебным уставам 1864 г. и современному законодательству: опыт хронодискретного моногеографического сравнительно-правового анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 61-77.

15. Илюхина, В.А. Требования к мировым судьям в России: хронодискретный анализ // Реформирование судебной системы в России: история и современность: сборник научных трудов, посвященный 80-летию Нижегородского областного суда. В двух частях. Часть II / под ред. Бондара А.В., Ершова В.В., Журавлѐвой Ю.В., Ярцева Р.В. – Н. Новгород: ПФ ФГБОУВО «РГУП», Издательство «Автор», 2018. – С. 51-57.

16. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Гарантии реализации прав и обязанностей мировых судей в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 7. – С. 16-21.

17. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Льготы мировым судьям в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 3. – С. 3-7.

18. Никонов, В.А. Российская прокуратура во второй половине XIX-начале XX века и конце XX-начале XXI века (сравнительно-правовой анализ): монография / под ред. А.А. Демичева. – Н. Новгород: Нижегородский филиал Московского гуманитарно-экономического института, 2006. – 156 с.

19. Терешина А.Н. Проблемы финансирования суда присяжных в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 6. – Н. Новгород: Стимул-СТ, 2014. – С. 113-117.

Леонов Александр Петрович
Leonov Aleksandr Petrovich

Начальник отделения ООРИ Управления МВД России по г. Перми, адъюнкт кафедры теории и истории государства и права,
Нижегородская академия МВД России
Head of the Office of DOII of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Perm, postgraduate student of the department of theory and history of state and law
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia

Основания и условия утраты правового статуса депутата Государственной Думы в Российской империи и Российской Федерации: история и современность

The grounds and conditions for the loss of the legal status of a deputy of the State Duma in the Russian Empire and the Russian Federation: history and modernity

Аннотация. В статье на основе методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения проводится сравнение оснований и условий утраты правового статуса депутатов Государственной Думы в Российской империи и Российской Федерации.

Ключевые слова: хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение, методология, научное направление, Государственная Дума, правовой статус, депутат.

Annotation. Based on the methodology of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence, the article compares the grounds and conditions for the loss of the legal status of deputies of the State Duma in the Russian Empire and the Russian Federation.

Keywords: chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence, methodology, scientific direction, State Duma, legal status, deputy.

Наука – явление, находящееся в постоянной динамике. Результат научного поиска выливается в новые научные направления и научные школы. Не является исключением и юридическая наука. Одной из молодых, но уже завоевавших популярность как у начинающих, так и у маститых ученых-юристов является научная школа хронодискретного моногеографиче-

ского сравнительного правоведения, основанная профессором Алексеем Андреевичем Демичевым [6, 7, 8, 10].

Ключевая особенность ХМСП, отличающая эту школу от классического сравнительного правоведения, заключается в том, что ее методология предлагает исследователю проводить сравнение одинаковых государственных и правовых институтов одного и того же государства, существовавших в разное время и при условии отсутствия между ними прямой преемственности. Такой подход позволяет исследователю изучить опыт собственной страны и, выявив в нем какие-либо положительные моменты, обосновать возможность переноса этого опыта в настоящее. Методологические особенности ХМСП придают научным исследованиям, проводимым в рамках школы, ярко выраженную практическую направленность, что также выгодно отличает ХМСП от классического сравнительного правоведения. Эта особенность методологии ХМСП позволяет исследователю сформулировать и предложить необходимые поправки и изменения в действующее законодательство, регулирующее деятельность исследуемого института. К настоящему времени внимание сторонников научной школы ХМСП уделялось различным институтам [1, 2, 3, 4, 5, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 24, 26, 27], а также анализу хронодискретных явлений [9], идей и концепций [11, 14, 25].

Классическим хронодискретным институтом можно считать, по нашему мнению, Государственную Думу. История Думы в Российской империи насчитывает неполные 12 лет с момента ее создания указом императора Николая II в 1905 году и до момента упразднения в 1917 году постановлением Временного правительства. На современном этапе Дума была воссоздана уже в 1993 году указом Президента РФ Б. Н. Ельцина. Государственные органы СССР, выполнявшие функции Думы, ее полным аналогом в силу различных причин, обсуждение которых выходит за рамки нашей статьи, являться не могут, таким образом в жизни института Государственной думы явно прослеживается классическая хронодискретная пауза. Одновременно с этим между Думой царской и ее современным аналогом очевидно прослеживается разрыв исторической традиции, поскольку ни один их нормативных правовых актов, регламентирующих ее деятельность, никак не оговаривает вопросы преемственности, пусть даже частичной, между этими институтами.

Профессиональная деятельность депутатов Государственной Думы чрезвычайно важна и необходима для общества и государства. В этой связи последнее предоставляет депутатам особый правовой статус, создающий условия для качественного исполнения ими своих обязанностей и защищающий от произвола и давления со стороны граждан или органов государ-

ственной власти. Этот правовой статус является специальным, поскольку он фиксирует правовое положение строго определенной категории граждан России, а именно депутатов ее Государственной думы. Этот статус является приобретаемым и временным, поскольку лицо наделяется им только при вступлении в должность депутата Государственной думы и сохраняет его только на период исполнения депутатских обязанностей. Вопросы, связанные с приобретением правового статуса депутата Государственной думы, были нами рассмотрены в отдельной статье, с которой заинтересованный читатель может ознакомиться дополнительно [21]. Сегодня же более подробно нами будут рассмотрены основания и условия утраты этого правового статуса.

Все причины утраты лицом любого специального статуса, в том числе и статуса депутата Государственной думы, могут быть разделены на пять групп. Эти группы равно одинаковы как для современной России, так и для России дореволюционной, однако состав конкретных оснований для каждой группы может (и, очевидно должен) отличаться для различных периодов исторического развития нашей страны. К первой группе условий можно отнести причины естественного характера, ко второй – причины, связанные с личным желанием депутата, к третьей – причины, связанные с нарушением лицом ограничений и запретов, установленных статусом депутата думы, к четвертой – причины, связанные с различного рода судебными решениями в отношении депутата, к пятой – все прочие причины.

Нормативная база, устанавливающая основания для утраты депутатом соответствующего правового статуса, достаточно компактна как для царского законодательства, так и для современного. В царской России эти основания устанавливались общим законодательством, посвященным выборам в Государственную думу, в частности сюда относятся так называемые «Учреждения Государственной Думы» от 06 августа 1905 года и от 20 февраля 1906 года и, частично, «Наказ Государственной думы», являющийся, по сути, аналогом современного Регламента Государственной думы. Современное законодательство выделяет все вопросы, связанные со статусом депутата, в том числе с его утратой, в отдельный Федеральный закон «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 8 мая 1994 г. №3-ФЗ (далее – закон «О статусе депутата») и, также частично, в уже упомянутый Регламент Государственной думы.

Первая группа оснований для утраты правового статуса депутата Государственной думы, как отмечено выше, связана с естественными причинами. Очевидно, что единственной причиной естественного характера для утраты исследуемого правового статуса является смерть лица. Смерть, это

событие, с наступлением которого лицо безусловно утрачивает любые принадлежащие ему права и обязанности не зависимо от каких-либо обстоятельств. Характерным для этой группы является тот факт, что царский законодатель вообще не предусматривал нормативного закрепления такого основания для утраты правового статуса члена думы, очевидно исходя из того, что, как указано выше, факт смерти автоматически прекращает все права и обязанности человека. Современный же законодатель предусматривает в качестве основания для утраты статуса депутата Государственной думы как, собственно, биологическую смерть лица (в п. «и» ч. 1 ст. 4 Закона «О статусе депутата»), так и признания депутата Государственной Думы безвестно отсутствующими либо объявления его умершим на основании вступившего в законную силу решения суда (п. «ж» ч. 1 ст. 4 Закона «О статусе депутата»), то есть даже тогда, когда биологическая смерть лица не установлена, но есть основания предполагать ее наступление. Таким образом, в современном законодательстве факт смерти лица может быть отнесен к двум группам оснований утраты правового статуса депутата Государственной думы, в зависимости от того, зафиксирована ли биологическая смерть лица, или она только предполагается и гражданин объявлен умершим на основании вступившего в законную силу решения суда. Стоит отметить, что подобный подход выгодно отличает современное законодательство от царского. В силу очевидной важности депутатской деятельности для государства и общества факт признания депутата безвестно отсутствующим или объявления его умершим позволяет в кратчайшие сроки провести довыборы депутатов и занять вакантное место. Отсутствие подобного механизма в царской России очевидно затрудняло закрытие вакантных мест в случае длительного безвестного отсутствия члена Государственной думы.

Вторая группа оснований и условий утраты исследуемого правового статуса связана с личным желанием самого депутата. Речь здесь, в первую очередь, идет именно о добровольном и самостоятельном волеизъявлении лица. Подобное основание предусматривалось и царским законодательством (ст. 17 Учреждения Государственной думы) и современным (п. «а» ч. 1 ст. 4 Закона «О статусе депутата»). В обоих случаях для сложения с себя полномочий депутату достаточно подать письменное заявление. И царское и современное законодательство предусматривают положение, согласно которому решение о прекращении полномочий депутата думы по анализируемому основанию оформляется решением Государственной думы. При этом современное законодательство ожидаемо более детально регламентирует порядок и сроки этой процедуры, устанавливая, что такое постановление дума обязана принять не позднее чем через 30 дней со дня появления основания для досрочного прекращения полномочий депутата, а в том случае,

если это основание появилось в период между сессиями думы, – не позднее чем через 30 дней со дня начала очередной сессии. В этом постановлении определяется день с которого прекращаются полномочия депутата. Царское законодательство не содержало в себе столь детальной регламентации указанной процедуры, устанавливая лишь правило, согласно которому член Государственной думы признавался выбывшим из ее состава по постановлению думы.

Стоит отметить, что рассмотренное основание для утраты депутатом думы своего правового статуса является единственным для второй группы, совпадающим по смыслу и в царском и в современном законодательствах. При этом оба анализируемых законодательства содержат еще по одному основанию для утраты депутатом думы своего статуса на основании личного желания, однако, в отличие от рассмотренного выше, эти основания не совпадают.

Царское законодательство связывало момент вступления члена Государственной думы в должность с особой процедурой. Речь идет о широко известном символическом акте, который вплоть до настоящего времени активно используется во многих государственных органах при наделении полномочиями их должностных лиц. Этот акт имеет разные названия – присяга, торжественная клятва или торжественное обещание, но суть всегда одна и заключается она в том, что приводимое к присяге лицо торжественно клянется добросовестно выполнять свои должностные обязанности. Характерным является тот факт, что, несмотря на символичность этого акта, его нарушение, как правило, предусматривает вполне реальную ответственность, вплоть до лишения должности и увольнения со службы. Именно это и происходило в том случае, если вновь избранный член Государственной думы отказывался дать торжественное обещание при вступлении в Думу. Согласно ст. 17 Учреждения Государственной думы в этом случае он считался сложившим с себя звание члена думы.

Современное законодательство не предусматривает в качестве основания для вступления в должность депутата Государственной думы принесение последним присяги или торжественного обещания, что, по нашему мнению, является явным упущением. Принесение присяги, несмотря на то, что это формальный акт, могло бы стать еще одним основанием для добросовестного исполнения депутатами своих должностных обязанностей.

При этом современное законодательство, как указано выше, также содержит в своем составе норму, являющуюся основанием для утраты депутатом своего правового статуса, не имеющую аналогов в законодательстве царском. В данном случае речь идет о предусмотренном Законом «О статусе депутата» условии, что все депутаты, избранные в составе федеральных

списков политических партий, обязаны входить в соответствующие фракции, а также могут быть членами только тех политических партий, в составе федеральных списков которых они были избраны. Выход по личному заявлению из состава фракции, в которой депутат состоит, равно как и выход из состава политической партии или переход в другую партию (что также подразумевает личное волеизъявление депутата) в соответствии с Законом «О статусе депутата» является основанием для досрочного прекращения его полномочий. В свою очередь царское законодательство не предусматривало обязательного участия члена думы в какой-либо политической партии или вхождения его в какую-либо из думских фракций и это характеризует царское законодательство с отрицательной стороны. Подобный подход приводил не только к излишней многопартийности в думе, но и к наличию большого количества беспартийных ее членов. И если в многопартийности можно найти как значительное количество минусов, так и не меньшее количество плюсов, то беспартийные члены думы вряд ли могли внести в ее деятельность какой-то положительный момент, просто в силу того, что, во-первых, наличие большого количества внепартийных голосов однозначно создавало сложности в достижении консенсуса при решении спорных вопросов, а во-вторых распределение этих голосов напрямую зависело от сиюминутного отношения беспартийного члена думы к рассматриваемому вопросу. Сегодня этот голос мог присоединиться к одной партии, завтра – к другой, а послезавтра вообще составить собственное мнение, отличающееся от всех остальных, что также не могло способствовать качественной работе думы.

Третью группу оснований для утраты правового статуса депутата Государственной думы составляют основания, связанные с несоблюдением установленных для этого статуса ограничений и нарушения запретов. Эта группа самая объемная по количеству входящих в ее состав оснований. С начала рассмотрим основания, предусмотренные одинаково и царским и современным законодательством.

В первую очередь стоит остановиться на таком основании, как утрата депутатом российского подданства (в царской России) или российского гражданства (в Российской Федерации). В принципе это достаточно стандартная практика, поскольку сложно ожидать допуска иностранных граждан до управления важнейшими делами государства, в том числе и формирования его законодательства. Стоит также отметить, что Российская Федерация в этом плане пошла дальше царской России, установив в качестве запрета для получения (и основания для утраты уже имеющегося) статуса депутата Государственной думы получение лицом иностранного гражданства. Таким образом лица имеющие двойное гражданство также не могут быть

депутатами думы, а в случае если второе гражданство приобретает действующий депутат думы, это является основанием для безусловного лишения его указанного статуса.

Еще одним основанием для утраты статуса депутата, входящим в рассматриваемую группу, является занятие им определенных должностей, несовместимых с депутатской деятельностью. Перечень этих должностей для Российской империи и Российской Федерации, естественно, неодинаков, в силу различного государственного устройства, однако само подобное условие существовало в царской России и продолжает существовать в настоящее время. Царское законодательство среди подобных условий предусматривало запрет для члена думы поступления на действительную военную службу, а также запрет «на назначение по гражданской государственной службе на должность, соединенную с определенным окладом денежного содержания, за исключением должностей министров и главноуправляющих отдельными частями» (п. «в» и «г» ст. 18 Учреждения Государственной думы соответственно).

Современное законодательство в качестве основания для досрочного прекращения полномочий депутата устанавливает его избрание депутатом законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления, выборным должностным лицом иного органа государственной власти или органа местного самоуправления, а равно назначение на иную государственную должность Российской Федерации, государственную должность субъекта Российской Федерации, или поступление на государственную или муниципальную службу. Кроме того, депутатам запрещено участвовать в деятельности по управлению хозяйственным обществом или иной коммерческой организацией, в том числе входить в состав таких органов управления коммерческой организации, пребывание в которых невозможно без специального личного волеизъявления, а также участвовать в работе общего собрания как высшего органа управления хозяйственного общества. Им также запрещено осуществление предпринимательской или другой оплачиваемой деятельности. Исключение составляют преподавательская, научная и иная творческая деятельность, но даже и они попадают под запрет в том случае, если финансируются исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства. Ну и кроме того, современным депутатам Государственной думы запрещено входить в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений, если иное не

предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации. Все эти запреты предусмотрены Законом «О статусе депутата» и их нарушение влечет досрочное лишение депутата своих полномочий.

Современное Российской законодательство в этой части, без сомнения, гораздо более прогрессивно, чем царское. В Российской империи не знали запрета для членов думы участвовать в деятельности по управлению хозяйственными обществами и коммерческими организациями. Напротив, царское выборное законодательство всячески приветствовало крупный капитал, и факт владения лицом «заводами, газетами и пароходами» не только не являлся основанием для утраты исследуемого статуса, но и, наоборот, давал этому лицу гораздо больший по сравнению с другими классами шанс на избрание в качестве члена думы. Ровно также, как видим, царское законодательство не содержало запрета на занятие какой-либо оплачиваемой деятельностью (исключая оплачиваемые должности государственной гражданской службы) и не видело ничего предосудительного в том, чтобы в хозяйственном обществе или коммерческой организации, которой владеет или управляет член Государственной думы присутствовал иностранный капитал. Однако здесь стоит принимать во внимание разницу в государственном устройстве Российской империи и Российской Федерации, в связи с чем достаточно сложно было бы ожидать подобных запретов в капиталистическом обществе.

Еще одним аналогичным для обоих изучаемых законодательств основанием для утраты депутатом думы своего статуса является «утрата ценза, дающего право на участие в выборах» (п. «б» ст. 18 Учреждения Государственной думы). В случае с царской Россией речь в данном случае идет, в первую очередь, об имущественном цензе, согласно которому не могли участвовать в выборах лица, не владеющие землей или имуществом в установленных законом размерах, об образовательном цензе, согласно которому не могли участвовать в выборах лица, обучающиеся в учебных заведениях, а также об уже рассмотренных нами цензах подданства и отношения к военной службе. Прочие цензы, характерные для царского выборного законодательства, такие как гендерный ценз, возрастной, а также ценз оседлости вряд ли могли быть утрачены членом думы, а значит не могли служить и основанием для утраты изучаемого правового статуса. В современной России из всех названных цензов существуют только возрастной ценз и рассмотренный выше ценз гражданства. В любом случае, не соответствие какому-либо из указанных цензов является препятствием для получения статуса депутата думы, а в случае с действующим депутатом, утрата ценза является основанием для досрочного прекращения депутатских полномочий.

Современное законодательство предусматривает еще два связанных с нарушением ограничений и запретов основания для утраты статуса депутата Государственной думы, которое не имеют аналогов в царском законодательстве. Первое основание связано с установленным Законом «О статусе депутата» запретом для депутатов, их супругов и несовершеннолетних детей открывать (или иметь) счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами. Основная идея этого запрета заключается в том, чтобы обеспечить национальную безопасность Российской Федерации, упорядочить лоббистскую деятельность, расширить инвестирование средств в национальную экономику и повысить эффективность противодействия коррупции, о чем прямо говорится в ст. 1 Федерального закона от 07.05.2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами». Царское законодательство подобных запретов не знало, хотя перед Россией того времени, без сомнения, стояли такие же проблемы.

Еще одно предусмотренное современным законодательством основание для утраты депутатом своего правового статуса возникает в случае непредставления или несвоевременного представления сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Царское законодательство не предусматривало обязательного предоставления членами думы подобного рода сведений, а значит не знало и такого основания для утраты ими своих полномочий.

Четвертая группа оснований утраты правового статуса депутата Государственной думы связана с различными судебными решениями в отношении депутата. В первую очередь речь идет о совершении депутатом уголовно-наказуемого деяния. Законодатель и царский, и современный в равной степени согласны с тем, что лицо, совершившее такого рода деяние не должно занимать должность депутата Государственной думы. При этом законодатель на обоих исследуемых исторических этапах развития государства момент утраты статуса депутата связывает со вступлением в силу обвинительного приговора суда.

Царская Россия в качестве основания входящего в эту группу предусматривало отрешение по судебному приговору от должности. В этом случае лицо не имело права участвовать в выборах, в течение 3 лет со времени

отрешения, даже в том случае, если оно было освобождено от наказания за давностью, силой Всемилостивейшего манифеста или особого Высочайшего повеления, а действующий член Государственной думы подлежал выбытию из ее состава. В настоящее время аналогичное основание для утраты статуса депутата отсутствует.

Современная Российская Федерация также предусматривает основание для утраты анализируемого статуса, не имеющее полного аналога в дореволюционном законодательстве. В данном случае речь идет о вступившем в законную силу решении суда об ограничении дееспособности депутата или признании его недееспособным. Следует еще раз обратить внимание на то, что речь идет об отсутствии именно полного аналога этой нормы в царском законодательстве, поскольку в настоящее время недееспособность совершеннолетнего гражданина устанавливается судом в случае психического расстройства, в результате которого человек не может понимать значения своих действий и руководить ими. В царской России недееспособность также была известна, но в первую очередь как так называемые гражданская смерть, поражение в правах, связанные с пострижением в монахи, лишением всех прав состояния как последствием осуждения в каторжные работы или в ссылку [23: 132], что предусмотрено, например, п. «а» ч. 7 Учреждения Государственной думы. То есть речь о психических расстройствах не шла, а значит считать эти нормы полными аналогами нет оснований.

К последней, пятой группе оснований для утраты депутатом своего правового статуса относятся все прочие основания. В данном случае царское законодательство содержит значительно большее количество оснований. Собственно, в современной России предусмотрено только одно дополнительное основание – это роспуск думы по основаниям, предусмотренным Конституцией страны. Статья 3 царского Учреждения Государственной думы также предоставляла императору право своим указом распустить Государственную думу до окончания срока ее полномочий, причем если в современной России для роспуска думы нужны строго определенные основания, закрепленные, как уже сказано выше, в Конституции Российской Федерации, и перечень этих оснований является исчерпывающим, то император в царской России такими условностями скован не был и дума могла быть распущена его указом в любое время без объяснения причин, чем император неоднократно пользовался.

Царское законодательство, как уже отмечено выше, содержало больше оснований для утраты правового статуса депутата, которые могут быть отнесены в пятую группу, чем современная Россия. К числу таких оснований относятся, например, признание лица несостоятельным (банкротом), за исключением случаев, когда несостоятельность признана несчастной (то есть

не зависела от воли самого лица и наступала в результате неблагоприятного для лица стечения обстоятельств). Сюда же относятся утрата депутатом своего статуса в связи с лишением духовного сана или звания за пороки, или с исключением из среды обществ и дворянских собраний по приговору того сословия, к которому принадлежал депутат. Современное российское государство, светское и не знающее сословных различий, подобных ограничений, естественно, не содержит.

Проведенный анализ оснований утраты правового статуса депутата Государственной думы позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на кардинальные различия в государственном устройстве между царской Россией и Российской Федерацией, несмотря на достаточно длительную хронодискретную паузу в существовании института Государственной думы, указанные основания во многом сходны между собой. Конечно, современное законодательство существенно более продумано и гораздо более детально регламентирует вопросы, связанные с утратой депутатами Государственной думы своего правового статуса. Однако большое количество норм, посвященных этому вопросу, перекочевали в современное законодательство прямиком из царского, с поправкой, конечно, на современный уровень развития юридической техники. И все же, некоторые нормы, по нашему мнению, важные и способные оказать положительное воздействие на развитие института Государственной думы в нашей стране, успешно существовавшие в царской России, остались забытыми в России современной. Речь идет об упоминавшихся в статье присяге или торжественном обещании, введение которых, по нашему мнению, способно стать еще одним стимулирующим фактором к добросовестному исполнению депутатами своих должностных обязанностей, а в случае нарушения присяги – дополнительным основанием для досрочного прекращения депутатом своих полномочий.

Список литературы

1. Аверьянова, М.И. Применение методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения (ХМСП) в трудовом праве // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 179-188.

2. Большакова, В.М. Адвокатура как институт гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2017. – № 4. – С. 41-44.

3. Большакова, В.М. Прокуратура как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. – 2018. –Т. 8. – № 6А. – С. 12-18.

4. Большакова, В.М. Судебные хронодискретные российские институты (историографический аспект) // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 33-49.

5. Демичев, А.А. Институт присяжных заседателей в России: проблемы становления и развития: монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. – 320 с.

6. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

7. Демичев, А.А. К вопросу о сравнимости судебной реформы 1864 г. и судебных преобразований конца XX – начала XXI в. в России // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 7-14.

8. Демичев, А.А. О перспективах развития хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 2. – Н. Новгород: Изд-во «КиТиздат»; НФ МГЭИ, 2010. – С. 6-11.

9. Демичев А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 2. – С. 22-26.

10. Демичев А.А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки // История государства и права. – 2010. – № 16. – С. 2-7.

11. Демичев, К.А. Идея и концепция как объект изучения хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 3. – С. 13-15.

12. Демичев, К.А. Методологические основы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения и перспективы ее развития в Нижегородском институте управления // Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России. Основные итоги научной работы в нижегородском инсти-

туте управления в 2017 г. – Н. Новгород: НИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2018. – С. 48-52.

13. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 22-30.

14. Демичев, К.А. Сикхская государственность как идейный конструкт в условиях хроноразрыва // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 25-29.

15. Илюхин, А.В. Ограничение компетенции присяжных заседателей по государственным преступлениям в Российской империи и Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 32-36.

16. Илюхин, А.В. Процесс становления суда присяжных в России с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 95-107.

17. Илюхина, В.А. Правительствующий Сенат Российской империи и Верховный Суд Российской Федерации как высшая судебная инстанция (сравнительно-правовой анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 37-41.

18. Илюхина, В.А. Вопросы организации мирового суда в России по Судебным уставам 1864 г. и современному законодательству: опыт хронодискретного моногеографического сравнительно-правового анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 61-77.

19. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Гарантии реализации прав и обязанностей мировых судей в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 7. – С. 16-21.

20. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Льготы мировым судьям в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 3. – С. 3-7.

21. Леонов, А.П. Сравнительно-правовое исследование условий приобретения правового статуса депутата государственной думы Российской империи и Российской Федерации / Историко-правовые проблемы: Новый ракурс – №1 (19). – 2017. – С. 135-152.

22. Никонов, В.А. Российская прокуратура во второй половине XIX-начале XX века и конце XX-начале XXI века (сравнительно-правовой анализ): монография / под ред. А.А. Демичева. – Н. Новгород: Нижегородский филиал Московского гуманитарно-экономического института, 2006. – 156 с.

23. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, - 2012. – 1326 с.

24. Пчелкин, А.В. Динамика развития института банкротства физических лиц в России // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 237-244.

25. Хужин, А.М. Поведенческая концепция вины в частном праве: исторические предпосылки и современное понимание // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / Под ред. А.А. Демичева. – Вып. 4. – М.: ООО «Ваш полиграфический партнер», 2012. – С. 180-189.

26. Хужин, А.М. Право интеллектуальной собственности в контексте ХМСП–методологии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 29-36.

27. Черепанов, С.И. К вопросу о применении методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения к изучению института адвокатуры в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1 (29). – С. 362-365.

Асанов Руслан Финусович
Asanov Ruslan Finusovich

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоведения Нефтекамского филиала Башкирского государственного университета
Candidate of Sciences (law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law Neftekamsk Branch of Bashkir State University

Хронодискретное моногеографическое сравнительное исследование тенденции развития вопросов местного значения второй половины XIX и XXI веков

Chrono-discrete mono-geography comparative research of the development trend of local issues of the second half of the XIX and XXI centuries

Аннотация. В статье анализируются вопросы местного значения второй половины XIX и XXI веков. Анализ осуществляется в контексте методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения. Устанавливается общее и особенное системы вопросов местного значения второй половины XIX и XXI веков. Определяется общая правовая динамика развития вопросов местного значения во взаимосвязи с развитием назначения института местного самоуправления. Устанавливается «генетическая», в сравнении со второй половиной XIX века, предопределенность существования системы вопросов местного значения XXI века.

Ключевые слова: хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение, местное самоуправление, вопросы местного значения.

Annotation. In article the sources, local issues of the second half of the XIX and XXI centuries. The analysis is carried out in the context of the methodology of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence. The general and special system of local issues of the second half of the XIX and XXI centuries is established. The general legal dynamics of the development of issues of local importance is determined in conjunction with the development of the purpose of the institution of local self-government. The “genetic”, in comparison with the second half of the 19th century, predestination of the existence of a system of local issues of the 21st century is being established.

Keywords: chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence, local government, local issues.

Работы, посвященные анализу генезиса института местного самоуправления, свидетельствуют о том, что самоуправление в качестве формы организации общества по решению вопросов локального значения в различных его проявлениях было присуще российской государственности на протяжении всей ее истории. Однако формы такового варьировались в зависимости от конкретных исторических условий. Это в значительной мере определено тем, что общественным отношениям присущ динамизм. В зависимости от изменения общественных отношений подвергается изменениям организация управления в целом, и самоорганизация общества в частности.

Устанавливая место и функции органов самоуправления, Конституция РФ (ст. 131), Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 2 августа 2019 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ст. 2), призывают осуществлять свою деятельность при решении вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических традиций и иных местных обычаев.

В первой половине XIX в. на государственном и общественном уровне осознавалась необходимость формирования новой правовой системы организации местного самоуправления. Последнее было обусловлено тем, что основным законодательным документом, регулировавшим устройство городского общественного управления, вплоть до начала 70-х гг. XIX вв. продолжала считаться Жалованная грамота городам Екатерины II 1785 г. Некоторые ее положения были фактически сведены на нет последующими законодательными актами, но при этом формально так и оставались не отмененными. Все законодательство в целом, весьма запутанное и неопределенное, давно перестало соответствовать уровню социально-экономического развития городов и их значению в жизни страны, становилось тормозом в организации городского хозяйства. В такой обстановке необходимость формирования единой системы нормативно-правового регулирования становится очевидной. В связи с этим немаловажную роль играет именно Городовое положение 1870 г. – результат восьми лет работы специальных комиссий, созданных для решения проблем реформирования городского устройства. Городовое положение получило Высочайшее утверждение 16 июля 1870 г. Данный нормативный правовой акт явился правовой базой реформирования органов городского самоуправления.

Именно Городовое положение 1870 г. мы берем в качестве отправного объекта хронодискретного моногеографического сравнительного правового исследования тенденции развития вопросов местного значения второй половины XIX и XXI вв.

Городовое положение 1870 г. в целом носило прогрессивный характер по сравнению с предыдущими нормативными правовыми актами в рассмат-

риваемой сфере в силу своих демократических начал. Новый нормативный правовой акт определял роль городского самоуправления в осуществлении управления муниципальными образованиями и их населением, правовые, экономические и финансовые основы местного самоуправления; устанавливал общие принципы организации городского самоуправления в Российской империи.

Предметом регулирования Городового положения 1870 г. выступали общественные отношения, возникавшие в результате отправления местного самоуправления населением по вопросам, отведенным данным нормативным правовым актом к компетенции городского общественного управления определенного соответствующей территорией городского образования; порядок формирования и функционирования городского самоуправления; порядок прохождения службы в городском общественном управлении; финансово-экономические отношения городского самоуправления.

Забегая вперед отметим, что основными вопросами, которые отводились к компетенции общественного управления Городовым положением в соответствии с политикой правительства, как и по земскому самоуправлению, выступали дела лишь хозяйственной сферы, носящие локальный характер.

Принимая во внимание заявленную тему данной работы, обратимся к статье 2 Городового положения 1870 г. Сразу следует отметить, что в статье говорится о предметах ведомства общественного управления. В сравнении с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» следует отметить, что нормы Городового положения 1870 г. не оперируют такой правовой категорией, как вопросы местного значения. В статье 2 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вопросы местного значения определены как «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно». Таким образом, рассматривая вопросы местного значения муниципальных образований на современном этапе, можно подчеркнуть, что они связаны исключительно с обеспечением жизнедеятельности населения муниципального образования. Тогда как по результатам анализа ст. 2 Городового положения 1870 г. получается, что в положениях посвященных кругу дел, которыми занимается общественное самоуправление, устанавливаются не только вопросы, связанные с жизнедеятельностью населения города, но и с отдельными правами и обязанностями обще-

ственного самоуправления (т.е. полномочиями), в частности, взаимоотношения с государственными органами, Губернатором.

Здесь можно отметить, что в ст. 2 Городового положения 1870 г. мы видим внедрение таких понятий современного муниципального законодательства и права, как компетенция органов местного самоуправления, предметы ведения (вопросы местного значения), полномочия. По сути, в ст. 2 Городового положения 1870 г. говорится о компетенции, хотя отдельные полномочия и предметы ведения встречаются в различных статьях Городового положения 1870 г. Таким образом, можно отметить, что ст. 2 Городового положения 1870 г. содержит категорию «предметы ведомства городского общественного управления», являющуюся более широкой по содержанию, нежели классическое понимание «предметов ведения», «вопросов местного значения». Указанному термину, закрепленному Городовым положением 1870 г., сравнительно близка по смыслу категория «компетенция органов местного самоуправления», с той лишь разницей, что ст. 2 Городового положения 1870 г. не исчерпывает собой список предметов ведения и полномочий городского общественного самоуправления. Ряд положений касающихся компетенции органов городского самоуправления закреплялись в других нормативных установках сравниваемого дореволюционного закона.

Вместе с тем, в рамках проводимого сравнения считаем целесообразным сосредоточиться на анализе именно ст. 2 Городового положения 1870 г., где устанавливаются вопросы местного значения, определяющие смысл и значение устанавливаемого института.

Отметим, что если Городовое положение 1870 г. нами было выбрано в качестве отправного объекта хронодискретного моногеографического сравнительного правового исследования, то вопросы местного значения городского поселения, установленные Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», будут выступать в качестве конечного объекта. Указанное, смеем предположить, позволит нам провести небольшое хронодискретное моногеографическое сравнительное исследование тенденций развития вопросов местного значения второй половины XIX и XXI вв. Мы не будем останавливаться на рассмотрении теоретических вопросов ХМСП-методологии, т.к. это уже неоднократно делалось в научной литературе [3, 4, 5, 7]. Также обратим внимание, что к настоящему моменту уже имеются хронодискретные исследования различных российских государственно-правовых институтов [1, 6], в том числе Государственной Думы [13, 14], мирового суда [10, 11, 12], суда присяжных [2, 9] и др. Наша работа также вполне укладывается в данное направление научного поиска.

В статье 2 действующего Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливается, что «городское поселение - город или поселок, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления».

В целом по административно-территориальной организации и статусу муниципального образования именно городское поселение близко к аналогичной организации городского общественного самоуправления второй половины XIX в. Кроме того, за небольшим исключением, вопросы местного значения городского поселения ничем не отличаются от вопросов местного значения других муниципальных образований, правовой статус которых был установлен Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Итак, к компетенции городского самоуправления второй половины XIX в. в соответствии со статьей 2 Городового положения 1870 г. были отнесены дела по устройству городского самоуправления и по городскому хозяйству. Данное положение соответствует и современному состоянию дел, где органы местного самоуправления самостоятельно определяют организационную структуру органов и учреждений местного самоуправления, которые обеспечивают решение вопросов местного значения.

Так, можно указать, что в п. 3 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливается, что «создание муниципальных предприятий и учреждений, осуществление финансового обеспечения деятельности муниципальных казенных учреждений и финансового обеспечения выполнения муниципального задания бюджетными и автономными муниципальными учреждениями, а также осуществление закупок товаров, работ, услуг для обеспечения муниципальных нужд» относится к полномочиям органов местного самоуправления. Следует заметить, что уже в советский период вплоть до принятия Конституции РФ 1993 г. на смену местному самоуправлению пришло местное управление, структурные подразделения которого по факту были органами государственной власти на местах. Последнее и позволяет нам, оценивая динамику тенденций развития вопросов местного значения, сделать вывод, что именно в период второй половины XIX в. была заложена самостоятельность органов местного самоуправления в определении структурной организации местного самоуправления. Что касается вопросов городского хозяйства, то используемый термин законодателя второй половины XIX в. достаточно широк и конкретизируется в других нормах Городового положения 1870 г.

Преемственность вопросов местного значения можно также наблюдать и в вопросах Городового положения 1870 г. по делам внешнего благоустройства города. В частности, вопросам попечения об устроении города, согласно утвержденному плану корреспондируют положения п. 20 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» утверждение генеральных планов поселения, правил землепользования и застройки.

Общественному городскому самоуправлению в первой половине вменялось устройство и содержание улиц, площадей, мостовых, тротуаров, городских общественных садов, бульваров, водопроводов, сточных труб, каналов, прудов, канав и протоков, мостов, гатей и переправ, а равно и освещение города. Фактически указанные же предметы ведения в неизменном виде сохранились в положениях п. 4, 5, 15 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Пункту 10 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» «создание условий для обеспечения жителей поселения услугами связи, общественного питания, торговли и бытового обслуживания» корреспондируют предметы ведомства городского общественного управления, посвященные вопросам необходимости принятия мер к обеспечению народного продовольствия, устройство рынков и базаров, обеспечение охраны и развития местной торговли и промышленности, об устройстве пристаней, бирж и кредитных учреждений.

Принимая во внимание, что одной из ключевых проблем городов второй половины XIX в. были пожары, на органы городского самоуправления возлагались вопросы связанные с пожаротушением, превенции возникновения пожаров и устранения убытков связанных с ними. В частности в ст. 2 Городового положения 1870 г. устанавливалась обязанность о принятии мер предосторожности против пожаров и других бедствий и об обеспечении причиняемых ими убытков. Заметим, что в XXI в. указанные вопросы связанные с жизнедеятельностью населения города не стали менее актуальными, в связи с чем, в п. 9 ч. 1 ст. 14 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепляется положение об обеспечении первичных мер пожарной безопасности в границах населенных пунктов поселения.

Однако отметим, что в настоящее время акцент сделан именно на первичных мерах, тогда как в настоящее время указанные предметы эволюционировали в государственную функцию. В частности, указанная функция возложена на Министерство Российской Федерации по делам гражданской

обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. В данном случае интересно, что, несмотря на то, что вопросы пожарной безопасности выделены в качестве государственной функции и в вопросах местного значения они не определены, действующим Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в ст. 14.1 п. 8.1); ст. 16.1 п. 8.1) закрепляется возможность создания муниципальной пожарной охраны. Важным для понимания и отличия от вопросов местного значения является, то, что указанные статьи именуются как «права» органов местного самоуправления.

Различие заключается в том, что вопросы местного значения являются обязательными, тогда как создание муниципальной пожарной охраны является правом, мерой возможного поведения. Примечательным в правовом смысле понимания указанных различий является позиция, закрепленная в Постановлении Президиума Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 20 апреля 2012 г. № 44-г-18. В указанном судебном постановлении закрепляется, что «в силу приведенных норм права и в соответствии с п. 8.1 ч.1 ст. 14.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» создание муниципальной пожарной охраны - право, а не обязанность сельского муниципального образования».

В части касающейся вопросов организации благотворительных заведений и больниц следует отметить, что на современном этапе в вопросах местного значения городского поселения и вообще иных муниципальных образований такой прямой компетенции не закреплено. В частности, это пункты 26 осуществление мероприятий по обеспечению безопасности людей на водных объектах, охране их жизни и здоровья и 27 создание, развитие и обеспечение охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов местного значения на территории поселения; организация проведения официальных физкультурно-оздоровительных мероприятий Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Указанные пункты лишь частично затрагивают вопросы, касающиеся создания лечебных заведений.

Вместе с тем, следует отметить, что ст. 29,Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 29 мая 2019 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» выделяет самостоятельную муниципальную систему здравоохранения. В указанную систему входят органы местного самоуправления муниципальных районов и городских округов, осуществляющие полномочия в сфере охраны здоровья; подведомственные органам местного самоуправления медицинские организации и фармацевтические организации.

В целом, исследуя указанный вопрос в контексте хронодискретного моногеографического сравнения эволюции рассматриваемого «медицинского» вопроса местного значения, следует отметить, что в соответствии со ст. 17 «Полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья», Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предметы ведения муниципалитетов сводятся в основном к обеспечительным, профилактическим направлениям деятельности в сфере медицины. Об этом собственно свидетельствует и анализ вопросов местного значения современного периода.

В том объеме понимания предметов ведения в сфере медицины, закрепленных Городовым положением 1870 г., мы можем ставить знак тождества с современной системой организации полномочий органов местного самоуправления лишь в случае, если полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья передаются органам местного самоуправления в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». И только в этом случае оказание медицинской помощи гражданам осуществляется медицинскими организациями муниципальной системы здравоохранения.

Таким образом, как и в случае с обеспечением пожарной безопасности, указанные предметы ведения эволюционировали в преимущественно государственную функцию с возможностью делегированного полномочия органам местного самоуправления.

В ст. 2 Городового положения 1870 г. закреплялось участие в попечении о народном образовании. Указанные вопросы в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» мы не находим. Однако можно констатировать, что это, скорее всего, относится исключительно к законодательной технике, так как такие полномочия органов местного самоуправления закреплены в ст. 9 «Полномочия органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов в сфере образования» Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «Об образовании в Российской Федерации».

Что касается социокультурного блока в сфере устройства театров, библиотек, музеев и других подобного рода учреждений, то указанные вопросы местного значения второй половины XIX и XXI вв. идентичны, п. 11,12,13, 13.1 ч.1 ст. 14; п. 1 ч. 1 ст. ст. 14.1, 16.1 (в последних статьях ведется речь о «праве» органов местного самоуправления) Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Интересным представляется и взаимодействие органов городского управления с государственными органами, например, в п. «д» ст. 2 Городового положения 1870 г. о предоставлении Правительству сведений и заключений по предметам, касающихся местных нужд и польз города, а так же ходатайство по этим предметам. Указанные же основания взаимодействия в рамках вопросов местного значения мы можем найти и сегодня, что свидетельствует о «генетическом коде» природы органов местного самоуправления России, заложенном во второй половине XIX в. Так, Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» ст. 63.1. «Субсидии, дотации и иные межбюджетные трансферты, предоставляемые местным бюджетам из бюджетов субъектов Российской Федерации» установлено взаимодействие касающееся «местных нужд и польз города, а так же ходатайство по этим предметам».

В частности, в п.1 ст. 63.1. названного закона устанавливается, что в «*целях софинансирования расходных обязательств,* возникающих при выполнении полномочий органов местного самоуправления *по вопросам местного значения, из бюджета субъекта Российской Федерации предоставляются субсидии местным бюджетам* в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации и принимаемыми в соответствии с ним законами субъекта Российской Федерации» (курсив наш – Р.А.). В качестве примера ходатайств по предметам «местных польз и нужд» может выступать Постановление Правительства РБ от 2 августа 2019 г. № 476 «Об утверждении Порядка предоставления субсидий из бюджета Республики Башкортостан бюджетам муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан на благоустройство городских парков».

В частности в п. 9 утвержденного «Порядка предоставления субсидий из бюджета Республики Башкортостан бюджетам муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан на благоустройство городских парков» устанавливается, что «для получения субсидий в соответствии с настоящим Порядком администрации муниципальных образований Республики Башкортостан представляют главному распорядителю *заявление на предоставление субсидии (в произвольной форме), подписанное главой администрации муниципального образования* Республики Башкортостан, с приложением выписки из бюджета муниципального образования, подтверждающей наличие бюджетных ассигнований в местном бюджете на исполнение расходных обязательств органа местного самоуправления на благоустройство городских парков, копии утвержденного дизайн-проекта благоустройства городского парка и проектно-сметной документации с заключением государственной экспертизы» (курсив наш – Р.А.).

К исключительной компетенции Городской Думы в соответствии с Городовым положением 1870 г. относилось установление, увеличение и уменьшение городских сборов и налогов. Следует также отметить, что в ст. 7 Городового положения 1870 г. закреплялось, что «сверх сборов, установляемых подлежащими земскими, городскими или сословными учреждениями, на основании изданных для них законоположений, никакие подати, тягости или службы не могут быть налагаемы на городских обывателей иначе, как в порядке законодательном». В настоящее время, в соответствии с п. 2 ч.1 ст. 14 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к компетенции городского поселения также относится установление, изменение и отмена местных налогов и сборов поселения.

Другим «генетическим кодом» нормативно правового установления и правовой природы развития является то, что в Городовом положении 1870 г. установлено, что на орган городского самоуправления могут возлагаться и другие обязанности, возлагаемые *законом* на общественное управление (курсив наш – Р.А.). Современное законодательство так же говорит о том, что иные обязанности могут быть установлены законом.

Здесь, ко всему прочему, возникает вопрос об определении круга предметов ведения органов местного самоуправления второй половины XIX в. и XXI в., являются они исчерпывающими или нет? Разрешение этого вопроса важно для определения исторической природы рассматриваемого положения закрепленного в Городовом положении 1870 г. и, безусловно, имеет значение для теоретической и практической составляющей современного правоприменения.

В ст. 18, Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливается, что «перечень вопросов местного значения не может быть изменен иначе как путем внесения изменений и дополнений в настоящий Федеральный закон…». В этом смысле так же интересно Постановление Конституционного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 24 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Североуральский городской округ». В указанном постановлении Конституционного суда РФ устанавливается, что «Компетенция местного самоуправления, как следует из Конституции Российской Федерации, – имея в виду, что оно должно носить законный характер (статья 15, часть 2) и осуществляться в соответствии с общими принципами его организации, установление которых относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов

Российской Федерации (статья 72, пункт «н» части 1), - подлежит установлению на основании Конституции Российской Федерации *в законе* (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 октября 1997 года № 14-П, от 30 ноября 2000 года № 15-П и от 29 марта 2011 года № 2-П)» (курсив наш – Р.А.).

Таким образом, и в Городовом положении 1870 г. и в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливается, что иные вопросы местного значения могут устанавливаться только на основании законов. В силу указанного обстоятельства ряд работ посвященных компетенции органов местного самоуправления свидетельствуют о том, что перечень не является исчерпывающим, так как может дополняться законом. Вместе с тем, необходимо все же, по нашему мнению, остановиться на позиции, согласно которой перечень является исчерпывающим и не предполагает под собой каких-то иных, не предусмотренных законом вопросов местного значения. И тот факт, что вопросы местного значения могут быть дополнены на основании закона, как раз подтверждает исчерпывающий характер предметов ведения органов местного самоуправления, а не наоборот.

В рамках сказанного, так же следует оговориться, что речь идет именно о вопросах местного значения, а не о полномочиях. Иначе говоря, о том чем занимаются органы местного самоуправления, а не то каким образом разрешаются вопросы местного значения. В контексте указанного интересен пример из современной судебной практики. В частности, в апелляционном определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 25 июля 2018 г. № 9-АПГ18-9 указывается, что «статья 17 Федерального закона № 131-ФЗ содержит перечень полномочий, которыми обладают органы местного самоуправления в целях решения вопросов местного значения, не являющийся исчерпывающим, поскольку по вопросам, отнесенным в соответствии со статьями 14, 15 и 16 названного закона к вопросам местного значения, федеральными законами, уставами муниципальных образований также могут устанавливаться полномочия органов местного самоуправления по решению указанных вопросов местного значения (подпункт 9 части 1, часть 1.1)» (курсив наш – Р.А.). В данном случае, когда речь идет о полномочиях, мы можем говорить, что перечень не носит исчерпывающий характер.

В продолжение вопроса о полномочиях, то есть, о том каким образом осуществляется их реализация, можно отметить, что в ст. 3 Городового положения 1870 г. установлено, что обязанностью общественного управления является «приведение, в установленном порядке, в исполнение законных мер, необходимых для хода дела, ведению сего управления вверенных». В

настоящее время так же порядок разрешения дел, формирование органов местного самоуправления и другое направленное на исполнение предметов ведения неизменно находится в компетенции местного самоуправления.

В контексте вопросов самостоятельности в решении вопросов местного значения сравнимые нормативно-правовые акты одинаково устанавливают, например, что «городское общественное управление, в пределах предоставленной ему власти, действует самостоятельно…» или «полномочия органов местного самоуправления, установленные настоящей статьей, осуществляются органами местного самоуправления муниципальных образований самостоятельно».

В целом же, давая общую характеристику разграничения предметов ведения органов городского самоуправления второй половины XIX в., следует отметить, что практика показывала, что установить различие предметов ведения органов самоуправления и государственных органов чрезвычайно сложно [8: 37]. Целый ряд предметов ведения органов местного самоуправления (сбор налогов, устройство дорог, заведование образованием, здравоохранением и т. п.) не отличается от местных задач государственного управления [8: 38]. По этому поводу Б.Н. Чичерин писал: «дела, составляющие предмет местного управления, заключают в себе интерес не только местный, но и государственный. Благосостояние целого зависит от благосостояния частей» [15: 263]. Поэтому попытка законодателя разграничить предметы ведения по территориальному признаку, как это было сделано в ст. 4 Городового положения, особой ясности в вопрос разграничения компетенции не внесла.

Заметим, что на современном этапе вопросы местного значения более конкретизированы и в ряде случаев компетенция определяется другими нормативными правовыми актами, поэтому, если так можно выразиться, «коэффициент неопределенности» в вопросах местного значения гораздо ниже, но тем не менее наличие материалов судебной практики касательно компетенции органов местного самоуправления свидетельствует о наличии аналогичной проблемы в сравнении со второй половиной XIX в.

В части, касающейся разграничения компетенции по территориальному признаку законодатели второй половины XIX и XXI вв. последовательны. Территориальный принцип здесь определяет не только круг вопросов в границах конкретного муниципального образования, но, и со всей очевидностью, действие нормативных актов в пространстве.

Территория, так же как и во второй половине XIX в., является значимым критерием в определении обязательности для исполнения решений принимаемых местным самоуправлением. Так в ст. 7, Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской

Федерации» устанавливается, что «муниципальные правовые акты, принятые органами местного самоуправления, подлежат обязательному исполнению на всей территории муниципального образования».

В статье 9 Городового положения 1870 г. закреплялось, что «общественное управление, в постановлениях и распоряжениях своих, не может выходить из круга указанных ему дел. Всякое постановление его, в противность сего состоявшееся, недействительно». В настоящее время, это положение выражается в принципе законности принимаемых решений органов местного самоуправления, и надзора за законностью в деятельности органов местного самоуправления.

В статьях 10 и 11 Городового положения 1870 г. закреплялся принцип законности решений принимаемых городским общественным управлением. В частности, губернатор проверял решения городской думы на законность их вынесения. Относительно закрепления законодателем второй половины XIX в. полномочий за губернатором по осуществлению деятельности по надзору за законностью выносимых решений органами городского самоуправления, должны отметить, что этим преследовалась вполне определенная цель, в числе прочих, обеспечения безопасности государства. Кроме того, говоря об обеспечении законности относительно выносимых решений, в рассматриваемом случае, городской думы, мы затрагиваем вопрос и о соблюдении иерархии нормативно-правовых актов, что, в свою очередь, было обусловлено целью обеспечения нерушимости единого правового пространства Империи, и начал государственного устройства, и нерушимости последних, о чем свидетельствует ранее указанный пример. В продолжение исторической преемственности ст. 77, Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» так же определяет общие положения контроля и надзора за деятельностью органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления.

Особый интерес вызывает механизм реализации вопросов местного значения в случае их неисполнения. Фактически этот механизм выступает запасным инструментом в обеспечении вопросов местного значения, своего рода гарантом. Так, в ст. 12 Городового положения 1870 г. устанавливалось, что «если городским общественным управлением не будет сделано распоряжений к исполнению тех повинностей, отправление которых закон признает обязательным для города, то Губернатор напоминает о том общественному управлению; при безуспешности же сей меры, приступает, в случае необходимости, признанной Губернским по городским делам Присутствием, к непосредственным исполнительным распоряжениям на счет города и доводит о том безотлагательно до сведения

Министра Внутренних Дел». Указанный же механизм обеспечения реализации вопросов местного значения закреплен и в ст. 75 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

В частности, замена уровня власти с самоуправления на государственное происходит в определенных случаях. В случаях чрезвычайных ситуаций и при отсутствии местной администрация и (или) не может быть сформирована, если вследствие решений, действий (бездействия) органов местного самоуправления возникает просроченная задолженность муниципальных образований по исполнению своих долговых и (или) бюджетных обязательств, если при осуществлении отдельных переданных государственных полномочий за счет предоставления субвенций местным бюджетам органами местного самоуправления было допущено нецелевое расходование бюджетных средств либо нарушение Конституции Российской Федерации, федерального закона, иных нормативных правовых актов, установленные соответствующим судом.

Завершая хронодискретное моногеографическое сравнение системы вопросов местного значения второй половины XIX и XXI вв. отметим аспект, не отнесенный к вопросам местного значения, рассмотренными нормативно-правовыми актами, но вместе с тем, имеющий значение для муниципальной «самоидентичности», в том числе как субъекта правоотношений. Это вопрос геральдики. В Городовом Положении 1870 г. ст. 14 городскому самоуправлению разрешалось иметь печать с городским гербом. Аналогичные положения закреплены в п. 1 ч. 14 ст. 9 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» согласно которому «муниципальные образования в соответствии с федеральным законодательством и геральдическими правилами вправе устанавливать официальные символы, отражающие исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и особенности».

Библиографический список

1. Большакова, В.М. Судебные хронодискретные российские институты (историографический аспект) // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 33-49.

2. Демичев, А.А. Институт присяжных заседателей в России: проблемы становления и развития: Монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. – 320 с.

3. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

4. Демичев, А.А. Проблемы изучения правовой преемственности в хронодискретных моногеографических исследованиях // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 160-165.

5. Демичев, К.А. Методологические основы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения и перспективы ее развития в Нижегородском институте управления // Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России. Основные итоги научной работы в нижегородском институте управления в 2017 г. – Н. Новгород: НИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2018. – С. 48-52.

6. Демичев, К.А. Нижний Новгород и нижегородские государственно-правовые институты сквозь призму научной школы ХМСП // Нижегородский край и развитие России: прошлое, настоящее, будущее сборник материалов научно-практических конференций и круглых столов. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 54-57.

7. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 22-30.

8. Иванова, Н. А. Теоретико-правовые проблемы становления и развития земского самоуправления в пореформенный период: (По материалам Тамбовской губернии): специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Иванова Нелли Александровна; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2003. – 217 с.

9. Илюхин, А.В. Процесс становления суда присяжных в России с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской

научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 95-107.

10. Илюхина, В.А. Вопросы организации мирового суда в России по Судебным уставам 1864 г. и современному законодательству: опыт хронодискретного моногеографического сравнительно-правового анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 61-77.

11. Илюхина, В.А. Требования к мировым судьям в России: хронодискретный анализ // Реформирование судебной системы в России: история и современность: сборник научных трудов, посвященный 80-летию Нижегородского областного суда. В двух частях. Часть II / под ред. Бондара А.В., Ершова В.В., Журавлѐвой Ю.В., Ярцева Р.В. – Н. Новгород: ПФ ФГБОУВО «РГУП», Издательство «Автор», 2018. – С. 51-57.

12. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Гарантии реализации прав и обязанностей мировых судей в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 7. – С. 16-21.

13. Леонов, А.П. Материальное обеспечение депутатов Государственной Думы: история и современность // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 145-159.

14. Леонов, А.П. Сравнительно-правовое исследование условий приобретения правового статуса депутата Государственной думы Российской империи и Российской Федерации // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2017. – № 18. – С. 135-152.

15. Чичерин, Б. Несколько современных вопросов. – М.: Изд. К. Солдатенкова, 1862. – 265 с.

Зайцева Алеся Анатольевна
Zaytseva Alesya Anatolyevna

Консультант-юрист государственно-правового департамента Нижегородской области
Consultant-lawyer at the public law Department of the Nizhny Novgorod region

Взаимодействие главы местного самоуправления с другими органами местного самоуправления в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование)

Interaction of the head of local self-government with other local self-government bodies in the Russian Empire and the Russian Federation (comparative legal research)

Аннотация. В данной статье проводится сравнительно-правовое исследование взаимодействия Городского Головы с учреждениями городского общественного управления в Российской империи и главы муниципального образования с другими органами местного самоуправления в Российской Федерации при осуществлении своих полномочий.

Ключевые слова: Городской Голова, глава муниципального образования, учреждения городского общественного управления, органы местного самоуправления, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

Annotation. This article presents a comparative legal study of the interaction of the Mayor with the institutions of urban public administration in the Russian Empire and the head of the municipality with other local authorities in the Russian Federation in the exercise of their powers.

Keywords: Mayor, head of municipality, institutions of city public administration, local governments, chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence.

Институт главы местного самоуправления относится к числу хронодискретных российских институтов [21, 22]. Отсюда вытекает и возможность его исследования с помощью методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [4, 5, 6, 9, 10]. Свидетель-

ством актуальности и востребованности названной методологии являются многочисленные исследования хронодискретных институтов, явлений, идей и концепций [1, 2, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 17, 19, 20].

Целью нашей статьи является сравнительно-правовое исследование взаимодействия главы местного самоуправления в процессе осуществления своих полномочий с другими органами местного самоуправления в Российской империи и Российской Федерации.

Учитывая ограниченность объема данной статьи, за основу исследования возьмем положения Городового положения 16 июня 1870 г. (далее – ГП 1870 года) и Федерального закона Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ РФ № 131-ФЗ).

Отметим, что принятие ГП 1870 года расценивается как новый и важнейший этап в истории развития местного самоуправления, на тот момент сформировавшейся как городское общественное управление [16].

Анализируя положения ГП 1870 года, стоит акцентировать внимание на статье 1 ГП 1870 года, которой установлено, что попечение и распоряжение по городскому хозяйству было возложено на городское общественное управление, которое согласно статье 5 ГП 1870 года в пределах предоставленной ему власти действовала самостоятельно.

В соответствии со статьей 15 ГП 1870 года городское общественное управление состояло из таких учреждений как: городских Избирательных Собраний, Городской Думы и Городской Управы.

По ГП 1870 году Городской Голова осуществлял полномочия председателя данных учреждений городского общественного управления.

При этом следует обратить внимание, что Городской Голова не выделялся в качестве самостоятельного учреждения городского общественного управления.

Что касаемо современного периода, то следует отметить, что уже Европейская хартия местного самоуправления предусмотрела наличие в демократическом строе в качестве одной из главных его основ органы местного самоуправления, признавая под местным самоуправлением право и реальную способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения.

Согласно статьям 3 и 12 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление, органы которого не входят в систему органов государственной власти.

Положения об органах местного самоуправления были конкретизированы в ФЗ РФ № 131-ФЗ. Данным законом установлено, что местное само-

управление составляет одну из основ конституционного строя Российской Федерации, признается, гарантируется и осуществляется на всей территории Российской Федерации.

Также при исследовании ФЗ РФ № 131-ФЗ необходимо обозначить, что законодатель относит решение вопросов местного значения к собственным полномочиям органов местного самоуправления, в структуру которых согласно статье 34 входят: представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования), контрольно-счетный орган муниципального образования, иные органы и выборные должностные лица местного самоуправления, предусмотренные уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения.

То есть, при анализе ФЗ РФ № 131-ФЗ, мы наблюдаем, что по сравнению с ГП 1870 года, не только произошло расширение структуры органов местного самоуправления с присвоением им новых наименований, но и закрепление положения как об обязательном элементе в структуре органов местного самоуправления главы муниципального образования, наряду с представительным органом муниципального образования, местной администрацией (исполнительно-распорядительным органом муниципального образования), за исключением случаев, предусмотренных данным федеральным законом (статья 34).

По нашему мнению, законодателем была проделана огромная работа по структурированию и закреплению за каждым элементом в структуре органов местного самоуправления исключительных полномочий, что позволяет четко определить роль каждого из них в процессе их взаимодействия, что в свою очередь нельзя сказать про положения ГП 1870 года.

В данном случае, мы вынуждены согласиться с позицией К.В. Лена, что в ГП 1870 года отсутствует четкость в регулировании отношений между учреждениями городского общественного управления, в том числе это относится и в построении взаимодействия между Городской Думой и Городской Управой [16: 6-16].

Отметим, что по ГП 1870 года, Городская Дума являлась распорядительным органом, в компетенцию которой в соответствии со статьей 55 ГП 1870 года входили дела, касающиеся всего города, а Городская Управа, в свою очередь, являлась исполнительным органом, на которую согласно статьей 72 ГП 1870 года возлагалось непосредственное заведывание делами городского хозяйства и общественного управления в соответствии с ГП 1870 года и указаниям, исходящим от Городской Думы.

Анализ положения ГП 1870 года позволяет отметить, что Городская Управа была подотчетна Городской Думе.

Как ранее нами уже было отмечено, что Городская Дума и Городская Управа состояли под председательством Городского Головы.

В данной статье мы не будем акцентировать внимание на положительных и отрицательных сторонах осуществления полномочий председателя Городской Думы и Городской Управы в лице Городского Головы.

Перечислим основные ситуации согласно ГП 1870 года, при которых осуществляется непосредственное взаимодействие Городского Головы с городскими Избирательными Собраниями, Городской Думой и Городской Управой.

Во-первых, при осуществлении работы в городских Избирательных Собраниях по избранию гласных в Городскую Думу, а также оформлении итогов выборов и рассмотрении жалоб на нарушение порядка, установленного для выборов. В данном случае Городской Голова осуществляет функции контроля за правильностью и законностью проведения выборов [3: 36], по итогам которых составляется особый выборный лист, подписываемый Головою, и направляемый в Городскую Управу (статьи 16 - 47).

Во-вторых, при рассмотрении Городской Думой отчетов Городского Головы. В данном случае Городской Голова присутствует на ее заседании, но не председательствует на нем (статья 52).

В-третьих, при назначении по усмотрению Городским Головою заседаний Городской Думы (статья 56).

В-четвертых, при принятии Городским Головою распоряжения о создании Городской Думы, с указанием предметов совещаний (статья 57).

В-пятых, при предложении Городским Головою к рассмотрению Городской Думой дел, относящихся к ее компетенции (статья 58).

В-шестых, при информировании гласными Городской Думы Городского Голову о предмете предложений, указанных в статье 58 (статья 60).

В-седьмых, при принятии решения Городской Думой о приглашении посторонних лиц на свои заседания. В данном случае, Городская Дума может это осуществить только через Городского Голову (статья 62).

В-восьмых, при приостановлении Городским Головою действий определений Городской Управы в случае выявлении им нарушений законам. В данном случае, Городской Голова незамедлительно направляет дело Губернатору (статья 77).

В-девятых, при принятии самостоятельно Головою в случаях чрезвычайных и нетерпящих отлагательства мер по вопросам, относящимся к коллегиальному рассмотрению Городской Управой, но с последующим уведомлением Управы о принятых мерах (статья 78).

Теперь затронем вопрос взаимодействия главы муниципального образования с другими органами местного самоуправления уже по ФЗ РФ № 131-ФЗ.

Как нами ранее было уже отмечено, что ФЗ РФ № 131-ФЗ по-новому закрепил наименование органов, составляющих структуру органов местного самоуправления.

Согласно данному федеральному закону обязательными в структуре органов местного самоуправления являются глава муниципального образования, представительный орган муниципального образования, местная администрация, при этом имеются и исключения, предусмотренные данный федеральным законом.

В соответствии с частями 1 и 3 статьи 34 ФЗ РФ наименования органов местного самоуправления, а также порядок их формирования, подконтрольность данных органов и другие вопросы организации и деятельности указанных органов устанавливаются в уставах муниципальных образований.

Так, например, действующий Устав города Нижнего Новгорода (далее – Устав), закрепил в структуре органов местного самоуправления городская Дума города Нижнего Новгорода, глава города Нижнего Новгорода, администрация города Нижнего Новгорода, контрольно-счетная палата города Нижнего Новгорода.

Исходя из положений ФЗ РФ № 131-ФЗ, мы видим, что в отличие от ГП 1870 года, избирательные комиссии муниципального образования согласно статьей 39 уже не входят в структуру органов местного самоуправления, а является муниципальным органом, который организует также как и по ГП 1870 году подготовку и проведение не только муниципальных выборов, а также организует подготовку и проведение местного референдума, голосования по отзыву депутата, выборного должностного лица местного самоуправления, голосования по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования, о чем также свидетельствует статья 7 Устава.

Несколько слов отметим про взаимодействие главы муниципального образования с представительным органом муниципального образования и местной администрацией.

В статьях 35, 36, 37 ФЗ РФ № 131-ФЗ за представительным органом муниципального образования, главой муниципального образования и главой местной администрации закреплены исключительные (собственные) полномочия, то есть каждый из них в пределах своей компетенции самостоятелен в принятии решений по вопросам местного значения.

Согласимся с позицией Т.Н. Модниковой о том, что самостоятельность представительного органа муниципального образования в принятии

решений по вопросам, относящимся к его исключительной компетенции, не исключает возможности взаимодействия в процессе их рассмотрения с другими органами местного самоуправления, при этом, конечно же, данное взаимодействие не должно перерастать во вмешательство в осуществление исключительных полномочий представительного органа муниципального образования. Так, например, как отмечает Т.Н. Модникова, глава муниципального образования должен быть осведомленным в жизнедеятельности муниципалитета, осуществлять контроль за принятием решений по вопросам местного значения, не пренебрегать правом нормотворческой инициативы, а также правом вето и др., к таковым вопросам можно отнести согласно части 10 статьи 35 ФЗ РФ № 131-ФЗ, например, принятие устава муниципального образования и внесение в него изменений и дополнений, утверждение местного бюджета и отчета о его исполнении и др. Согласно данной статье эти полномочия отнесены только исключительно к полномочиям представительного органа муниципального образования, но в тоже время это не означает, что глава муниципального образования не имеет право участия в рассмотрении данных вопросов [18: 132-136].

Стоит также отметить, что взаимодействие органов местного самоуправления будет зависеть от их способа избрания. Так, например, согласно статье 36 ФЗ РФ № 131-ФЗ глава муниципального образования может быть избран на муниципальных выборах, представительным органом муниципального образования из своего состава, представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссии по результатам конкурса, либо в случае, предусмотренной данной статьей на сходе граждан, исполняя при этом полномочия местной администрации. При избрании главы муниципального образования на муниципальных выборах, он будет входить либо в состав представительного органа муниципального образования и исполнять полномочия его председателя, либо возглавлять местную администрацию.

ФЗ РФ 131-ФЗ исключается одновременное исполнение полномочий председателя представительного органа муниципального образования и полномочий главы местной администрации (за исключением случая, установленного в части 3 статьи 36 ФЗ РФ № 131-ФЗ), что также является отличительной чертой по сравнению с ГП 1870 года, который, в свою очередь, предусматривал совмещение Городским Головою полномочий председателя учреждений городского общественного управления.

Отметим наиболее важные ситуации, при которых также происходит взаимодействие представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования и главы местной администрации.

Во-первых, глава муниципального образования и глава местной администрации подотчетны представительному органу муниципального образования, представляя ему на заслушивание ежегодные отчеты о результатах их деятельности, в том числе о решении вопросов, поставленных представительным органом муниципального образования (часть 11.1 статьи 35, часть 5.1 статьи 36, часть 6.1 статьи 37). Аналогичная ситуация при взаимодействии нами была отмечена и по ГП 1870 года.

Во-вторых, также как и по ГП 1870 года, определенные нормативные правовые акты, указанные в части 12 статьей 35 ФЗ РФ № 131-ФЗ только уже представительного органа, а не Городской Думы, как по ГП 1870 года, могли быть внесены на рассмотрение представительного органа муниципального образования только по инициативе главы местной администрации или при наличии его заключения (часть 12 статьи 35).

В-третьих, при подписании и обнародовании главой муниципального образования, главой местной администрации нормативного правового акта представительного органа муниципального образования, в данной случае за главой местной администрации закреплялась возможность отклонения данного акта (часть 13 статьи 35). В свою очередь, в ГП 1870 года не предусматривалась полномочия подписания и обнародования решений Городской Думы за Головой, но полномочие по приостановлению незаконных решений ему было отнесено.

В-четвертых, при осуществлении организации деятельности представительного органа муниципального образования либо с главой муниципального образования, либо с главой местной администрации (часть 14 статьи 35). Данная ситуация частично находит отражение в положениях ГП 1870 года.

Приведем в качестве примера обозначенных нами ситуаций Устав [7], в котором посвящена целая статья взаимоотношениям городской Думы города Нижнего Новгорода, главы города Нижнего Новгорода, администрации города Нижнего Новгорода.

В ней отмечается, что Городская Дума города Нижнего Новгорода, глава города Нижнего Новгорода, администрация города Нижнего Новгорода осуществляют свою деятельность в пределах своих полномочий, никто из них не наделяется правом по самостоятельному принятию к своему рассмотрению вопросы, отнесенные законодательством и настоящим Уставом к полномочиям иным органам муниципалитета. В свою же очередь в ГП 1870 года присутствовала такой момент, при котором Голова самостоятельно в определенных случаях мог принимать решение.

Также в ней говорится о подотчетности и подконтрольности в своей деятельности городской Думе города Нижнего Новгорода главой города

Нижнего Новгорода, администрацией города Нижнего Новгорода. Закрепляется обязанность главы города Нижнего Новгорода, администрации города Нижнего Новгорода по представлению информации и документов по вопросам, связанным с депутатской деятельностью, в случае обращения, запроса городской Думы города Нижнего Новгорода, депутатов городской Думы города Нижнего Новгорода. Также согласно данной статьей городская Дума города Нижнего Новгорода лишена права вмешиваться в исполнительно-распорядительную деятельность главы города Нижнего Новгорода, администрации города Нижнего Новгорода (статья 27).

Таким образом, нами была предпринята попытка в проведении сравнительно-правого исследования основных ситуаций (моментов), в результате которых наблюдалось и наблюдается взаимодействия как Городского Головы с учреждениями городского общественного управления, так и главы муниципального образования с представительным органом местного самоуправления, местной администрацией, по результатам которого были выявлены некие сходства и различия в исследуемых нами вопроса взаимодействия учреждений городского общественного управления и органов местного самоуправления по ГП 1870 года и ФЗ РФ № 131-ФЗ.

Библиографический список

1. Большакова, В.М. Прокуратура как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. – 2018. –Т. 8. – № 6А. – С.12-18.

2. Воробьев, А.В. Применение методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения в исследовании социально-политических протестных явлений // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС – 2018. – С. 204-214.

3. Даноян, В.Л. Роль Городских Голов в городском самоуправлении и их персональный состав в Нижнем Новгороде (1870-1892гг.) // Казанская наука. – 2014. – № 11. – С. 36-38.

4. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

5. Демичев, А.А. О перспективах развития хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 2. – Н. Новгород: Изд-во «КиТиздат»; НФ МГЭИ, 2010. – С. 6-11.

6. Демичев, А.А. Проблемы изучения правовой преемственности в хронодискретных моногеографических исследованиях // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 160-165.

7. Демичев, А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 2. – С. 22-26.

8. Демичев, К.А. Идея и концепция как объект изучения хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 3. – С. 13-15.

9. Демичев, К.А. Методологические основы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения и перспективы ее развития в Нижегородском институте управления // Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России. Основные итоги научной работы в нижегородском институте управления в 2017 г. – Н. Новгород: НИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2018. – С. 48-52.

10. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 22-30.

11. Демичев, К.А. Сикхская государственность как идейный конструкт в условиях хроноразрыва // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 25-29.

12. Илюхин, А.В. Процесс становления суда присяжных в России с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 95-107.

13. Илюхина, В.А. Вопросы организации мирового суда в России по Судебным уставам 1864 г. и современному законодательству: опыт хро-

нодискретного моногеографического сравнительно-правового анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 61-77.

14. Илюхина, В.А. Требования к мировым судьям в России: хронодискретный анализ // Реформирование судебной системы в России: история и современность: сборник научных трудов, посвященный 80-летию Нижегородского областного суда. В двух частях. Часть II / под ред. Бондара А.В., Ершова В.В., Журавлѐвой Ю.В., Ярцева Р.В. – Н. Новгород: ПФ ФГБОУВО «РГУП», Издательство «Автор», 2018. – С. 51-57.

15. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Льготы мировым судьям в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 3. – С. 3-7.

16. Лен, К.В. «Городовое положение» 1870 г. сквозь призму истории российской провинции // Научный диалог. – 2014. – № 5 (29): История. Социология. – С. 6-16.

17. Леонов, А.П. Материальное обеспечение депутатов Государственной Думы: история и современность // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 145-159.

18. Модникова, Т.Н. Проблемы взаимодействия главы муниципального образования с представительным органом местного самоуправления // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 1 (27). – С. 132-136.

19. Руденок, К.В. Терроризм в России: ХМСП исследование // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 160-173.

20. Черепанов, С.И. Корпоративное устройство органов адвокатуры в дореволюционной и современной России в контексте хронодискретного анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 128-142.

21. Чудайкина, А.А. Механизм назначения и удаления от должности главы органов местного самоуправления в России во второй половине XIX – начале XX века и современной России: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 311-315.

22. Чудайкина, А.А. Нормативно-правовая база, регламентирующая деятельность главы органов местного самоуправления в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века и современной России: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1 (25). – С. 245-250.

Полшкова Олеся Алексеевна[1]
Polshkova Olesya Alekseevna

студентка 321 учебной группы, Нижегородский институт управления – филиала РАНХиГС
Student of 333 study groups of the Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPA

Частный нотариат как хронодискретный институт: постановка проблемы

Private notary as a chrono-discrete mono-geographic institute: statement of the problem

Аннотация: В статье анализируется эволюция и становление частного нотариата с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения. Обосновывается хронодискретный характер частного нотариата, выявляются предпосылки и причины хроноразрыва в истории частного нотариата.

Ключевые слова: частный нотариат, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение, постановка проблемы, эволюция частного нотариата, Положение о нотариальной части.

Annotation. The article analyzes the evolution and formation of private notaries from the perspective of the methodology of chrono-discrete mono-geographic comparative law. The chrono-discrete nature of private notaries is substantiated, the prerequisites and causes of chrono-rupture in the history of private notaries are identified.

Keywords: private notary, chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence, problem statement, evolution of private notary, notarial provision.

Исследование института частного нотариата с позиции хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [6; 7] носит актуальный и проблемный характер. Причины и процесс возникновения хроноразрыва в истории нотариата частной категории носят малоизученную и проблемную специфику. С методологических позиций научной школы

[1] Научный руководитель: Демичев Кирилл Андреевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором аспирантуры Нижегородского института управления - филиала РАНХиГС.

ХМСП – вопрос о хронодискретной природе носит дискуссионный характер. Так, А.В. Степанов безоговорочно считает нотариат хронодискретным институтом [13], а В.М. Большакова придерживается противоположной позиции [4]. В обоих подходах содержатся одновременно и некоторая ошибочность и истинность. Дело в том, что государственный нотариат действительно не является хронодискретным институтом. Однако с позиций методологии ХМСП нотариат частной категории представляет собой хронодискретный институт, поэтому нам интересно исследование выбранного института с материальной и процессуальной позиций, а главное: найти, исследовать и выявить причины возникновения хроноразрыва [2: 30].

Нормативно-правовой основой исследования интересующего нас вопроса является Положение о нотариальной части от 14 апреля 1866 года. Наряду с нормативно-правовым характером документа, в нем можно увидеть и определенную методологическую специфику. Она выражается в процессуальных началах Положения, а также порядке принятия на должность нотариусов, обладающих некоторыми чертами государственных служащих, что сформировало не только организационно-правовые начала, но и закрепило существенные противоречия в природе этого института в его российском варианте. Введение в жизнь унифицированного акта о нотариате и нотариальных учреждений знаменовали собой новую эпоху в истории развития российского нотариата. Положение представило нотариусов в совершенно новом виде — в таком, в каком до него они не существовали [3]. В соответствии со ст. 17 Положения нотариусы признавались состоящими на государственной службе, им присваивался 8 чин по должности. Статьей 208 Положения закрепляется, что нотариусы признавались свободными профессионалами [2: 37], осуществляющими свою деятельность на коммерческой основе, вследствие чего жалование и пенсии от государства не были предусмотрены. Нотариусы имели государственный характер, с началами частных элементов. Назначаемый правительством нотариус являлся государственным служащим, пользовался всеми правами и преимуществами наравне с секретарем окружного суда; получал вознаграждение, назначаемое министерством юстиции.

Характерная черта «государственности» наблюдается в иерархии деятельности нотариата. С должностями нотариусов Положением предусматривались должности старших нотариусов, правовой статус которых отличался от положения обычных нотариусов.

Несмотря на то, что нотариусы имели достаточно полномочий по совершению нотариальных действий, направленных на оформление отношений гражданского оборота, в России в конце XIX в. существовали еще три группы органов и должностных лиц, наделенных правом совершать нотари-

альные действия [8]. Ими являлись: биржевые и корабельные маклеры; узкоспециализированные маклеры судоходных расправ, государственного коммерческого банка, частные, слуг и рабочих людей, цеховые, ремесленных управ, Кронштадского общества вольных матросов; магистраты, ратуши, думы, таможенные чиновники, становые приставы, торговые словесные суды, выполнявшие функции нотариуса или маклера при их отсутствии, в результате чего наблюдается субординационная составляющая.

Справедливо отметим, что подобная «иерархичность» и субординация в работе нотариата показывают в преимуществе публичный характер деятельности. Своего рода «формализм» организации затруднял деятельность нотариусов, что отражалось на эффективности работы перед клиентами. Это выражалось в многоступенчатой процедуре работы с клиентом даже по простому делу. К 1904 г. был подготовлен проект обновленного Положения о нотариате, в котором нашло отражение современное ему развитие экономических отношений. Существенно предлагалось изменить положения, касающиеся устройства нотариата, порядка совершения нотариальных действий, утверждения крепостных актов, нотариального тарифа, применения нотариальных правил на особых территориях Российской империи. Однако принятие нового Положения откладывалось в связи с неопределенным планом реализации и реорганизации государственного нотариата. Первая мировая война и изменения в политическом и экономическом устройстве в России в 1917 году окончательно помешали исполнению плана. Именно эти политические и экономические факторы постепенно становились предпосылками хроноразрыва в деятельности нотариата.

После революции 1917 г. произошла отмена частной собственности. Декретами о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. и № 2 от 15 февраля 1918 г. [9] также были признаны утратившими силу все законы, которые противоречили новому политическому строю. Нотариат, как составляющая прежнего правопорядка, выпал из общей системы государственных органов и, практически, перестал существовать. При этом нотариальные функции были распределены между отделами юстиции, органами ЗАГСа, судьями. С наступлением новой экономической политики нотариат был учрежден как государственный орган, а нотариус признавался должностным лицом, уполномоченным совершать нотариальные действия. Некоторые функции нотариусов выполняли народные судьи, о чем свидетельствует Положение о государственном нотариате РСФСР от 4 октября 1922 года СНК РСФСР. Работа нотариуса во многом была механической, связанной с проверкой правомерности заполнения утвержденных бланков договоров, доверенностей, заявлений, а также низкооплачиваемой, что не составляло масштабного спроса на кандидата в нотариусы [5].

Исходя из вышеперечисленных фактов, логично представляется, что деятельность нотариата в период с 1917 года и до 1993 год имела относительно ровную динамику. Деятельность нотариата имела линейный характер, сохраняя в преимуществе публичный характер. Регулирование нотариата характеризовалось однотипным планом государственного развития. По нашему мнению, регулирование института нотариата выражалось в однонаправленном, но недостаточно надежном (с точки зрения дальнейшего развития) методе функционирования. Как показывает практика, метод регулирования нотариата (посредством издаваемых Положений) еще не представлял собой целостную и объективно обособленную методологическую систему. Мы полагаем, что методология и обширная практическая деятельность появятся только с 1993 года, поскольку в корне изменится способ и подход к регулированию нотариата, а главное — его статус. Исходя из этого, границы хроноразрыва и причины его возникновения реально увидеть на практике.

С постепенным наступлением рыночной экономики государственный нотариат оказался не способен осуществлять защиту прав и законных интересов участников экономических отношений на должном уровне. Дело в том, что государственный нотариат финансировался по остаточному принципу, что отражалось на техническом оснащении контор. Государственные нотариусы не видели заинтересованности в своей деятельности, поскольку объем выполненной работы не отражался на уровне заработной платы. Мы полагаем, что с этого момента особо прослеживается причина хроноразрыва, выражающаяся в метаморфозе нотариата из государственного в частный. Это объясняется тем, что государственный нотариат не стал соответствовать объективно обусловленным потребностям времени, когда на рельсах прогресса уже находился рыночный характер экономики. Кроме того, не только факт развития рыночных отношений, но и потребность в более развитой, динамичной и мобильной деятельности нотариата акцентируют особый характер хроноразрыва.

11 февраля 1993 года Верховным Советом РФ были приняты Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Новый закон был создан по канонам нотариата латинского типа. В нем прослеживаются черты дореволюционного законодательства России, а также современного Германского и Французского законодательства о нотариате. Отмечается, что количество видов нотариальных действий увеличилось до 30 (ст. 35 Основ законодательства РФ о нотариате). Существенные изменения претерпело содержание нормативного правого регулирования. В частности, в Основах законодательства РФ о нотариате предусмотрено существование государственного и частного нотариата.

Постановлением Верховного совета РФ от 11 февраля 1993 года «О порядке введения в действие Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» предусматривалась возможность перехода государственных нотариусов на частную практику путем подачи соответствующего заявления в орган юстиции. Предусмотрено конкурсное назначение на должность нотариуса, занимающегося частной практикой, для выбора лучших кандидатов. Эти факты дополнительно подтверждают демократичность развития института нотариата в контексте хроноразрыва. Мы считаем, что по правовой природе хроноразрыв в деятельности нотариата, выраженный эволюцией от государственных нотариусов до частных, имеет положительный характер. Главное, стала расширяться методология регулирования нотариата, что выразилось в функциональности [1].

Деятельность нового частного нотариата нельзя не рассматривать и в контексте реальной возможности трудоустройства будущих кандидатов и размера вознаграждения за труд. Эти факторы благотворно повлияли на деятельность сегодняшнего института нотариата, а хроноразрыв, который мы наблюдаем, имеет исключительно, по нашему мнению, положительный характер. Формирование частного нотариата положило начало беспристрастной и независимой правовой помощи в лице нотариуса по удостоверению сделок и бесспорных фактов [3:44].

Исходя из выше проанализированных фактов, нужно отметить, что становление частного нотариата претерпело большой путь развития. Проблема хроноразрыва объясняется тем, что процесс становления частного нотариата не был простым, его история прерывалась Революцией 1917 года, сопровождался постепенным развитием рыночной экономики и впоследствии реально обусловленной потребностью преобразований в данном институте, что в итоге послужило прогрессирующей стороной эволюционного развития частного нотариата в будущем. Таким образом, не вызывает сомнения, что нотариат частной категории представляет собой хронодискретный институт. Заметны процессы трансформации государственного нотариата в частный. Это не является спонтанным, а доказывает, что государственный нотариат уже обладал чертами частного института в действительности. Даже присвоение чина по должности и иных государственных характеристик не развивало нотариат как государственный институт по факту. Получается, что нотариат обладал признаками государственного института, однако с течением времени и развитием нотариат трансформировался в частный, к чему существовали и развивались логичные предпосылки материального и процессуального характера.

Библиографический список

1. Арбузова, Л. Из истории российского нотариата. – СПб., 1996. – 115 с.

2. Ахмедов, Ч.Н., Карнаушенко, Л.В. Нотариус в Российской империи: нормативно-правовые и организационные основания деятельности. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 4 (32). – С. 37-41.

3. Бегичев, А.В. Истоки возникновения нотариата латинского типа в России // Нотариус. – 2017. – № 1. – С. 44–47.

4. Большакова, В.М. Является ли нотариат хронодискретным российским институтом? // Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России: Основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2017 г.: Сб. научн. статей. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 67-72.

5. Выменец, С.П. Институт нотариата. Историко-правовые аспекты становления и развития. – СПб., 2003. – 151 с.

6. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

7. Демичев, К.А. Методологические основы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения и перспективы ее развития в Нижегородском институте управления // Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России. Основные итоги научной работы в нижегородском институте управления в 2017 г. – Н. Новгород: НИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2018. – С. 48-52.

8. Друзяка, А.В. Методология исследования истории нотариата на Дальнем Востоке России (1897-1993 ГГ.) // Актуальные вопросы изучения отечественной истории. Чтения памяти профессора Е.П. Сычевского. – 2018. – С. 29-32.

9. Ляпидевский, Н.П. История нотариата. В 2 т. – М., 1875. – Т. 1. – X, 310 с.

10. Степанов, А.В. Обязанности нотариуса при осуществлении профессиональной деятельности по Положению о нотариальной части 1866 года и действующему законодательству (сравнительно-правовой анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 18. – С. 119-123.

Аверьянова Мария Игоревна
Averyanova Maria Igorevna

кандидат юридических наук, доцент
кафедра гражданского и международного права Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС
Candidate of Sciences (law), Associate Professor the Department of Civil and International Law of the Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPA

Вопросы становления правового института наемных домов социального использования с позиций ХМСП-подхода

The questions of formation of legal institute of hired buildings for social use from the standpoint of CMCJ approach

Аннотация. Настоящее исследование посвящено особенностям развития института жилищного права - «наемных домов социального использования» - с применением метода хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения. Выявлено, что правовой институт «наемных домов» получил свое формирование в период действия и развития правовой системы Царской империи с его преобразованием в советское время и возрождением в начале 2000-х годов. На современном этапе особенности развития данного правового института обусловлены социальной направленностью государственной политики в рамках обеспечения конституционного права граждан на жилище. В условиях рыночной экономики социальная политика государства предусматривает наряду с наемными домами коммерческого использования также и наемные дома социального использования.

Ключевые слова: хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение, жилище, право на жилище, наемные дома, наемные дома социального использования.

Annotation. The present study is devoted to the peculiarities of the development of housing rights institute - "wage homes social use" - using the method of chrono-discrete mono-geography comparative jurisprudence. It is revealed that the legal institution of "hired houses" was formed during the period of operation and development of the legal system of the Tsarist Empire with its transformation in Soviet times and revival in the early 2000s. At the present stage, the peculiarities of the development of this legal institution are due to the social orientation of state policy in the framework of ensuring the constitutional right of citizens to

housing. In modern conditions of market economy social policy of the state provides along with hired houses of commercial use also hired houses of social use.

Keywords: chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence, housing, the right to housing, hired houses, hired houses of social use.

С момента теоретического обоснования методологических основ хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения круг вопросов, входящих в предмет изучения данного научного направления, постоянно расширяется. Особое внимание ученых, специализирующихся по различным отраслям российского права, привлекают правовые институты, идеи и концепции, которые в процессе своего развития имеют хроноразрыв и получили на современном этапе свое возрождение. В таких случаях методология, предлагаемая данным видом сравнительного правоведения, оказывает несомненную помощь в познании особенностей дискретных по времени правовых элементов.

При этом особую научную ценность представляет методологический принцип научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения, в соответствии с которым «одной из обязательных задач исследования является выработка практических рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства на основе сравнения современного института и аналогичного ему института, существовавшего до временного разрыва» с учетом рефлексивного характера истории [6:12].

В рамках системы жилищного права в качестве примера такого хронодискретного правового института можно привести **институт наемных домов**, зародившийся в дореволюционной России (до 1917 г.) и получивший свое возрождение в связи с введением в Жилищный кодекс РФ положений о наемных домах на основании Федерального закона от 21.07.2014 г. № 217-ФЗ.

Первоначально институт наемных домов был сформирован в рамках системы гражданского права. Жилищное право как самостоятельная отрасль была обособлена намного позднее – в период развития советского жилищного законодательства в ходе юридического закрепления социальных прав человека.

В римском праве наниматель доходного дома или квартиры имел специальное наименование inquilinus, habitator («поселившийся») и такой наем предназначался для бедных людей. К их числу относились в основном «вольноотпущенники, клиенты, поэты». В качестве одного из предметов такого найма был insula: отдельно стоящий, многоквартирный (обычно из несколько этажей) дом для бедных семей. К такому рода найму постепенно

складывался специальный режим, конечной целью которого было усиление защиты главным образом одной из сторон - нанимателя [3: 663-664].

В России отношения с наймом жилых помещений в доходных домах возникли во второй половине XVIII века и получили свое активное развитие, прежде всего, в Москве и Санкт-Петербурге в рамках масштабного строительства таких домов во второй половине XIX века. Данный процесс был обусловлен интенсивным развитием промышленности и науки, ростом урбанизации, в том числе в связи с отменой крепостнических отношений с крестьянами, развитием капиталистических направлений и необходимостью постоянного увеличения капитала. К началу XX века только в Москве насчитывалось свыше 550 доходных домов, и их доля к 1917 году составляла 40% от жилой недвижимости. В общем доходе Москвы налоги с владельцев доходных домов составляли 7 млн. от всех собранных налогов в 47 млн. рублей. В Петербурге к указанному периоду доля доходных домов составляла около 80% строений [4]. В качестве домовладельцев и наймодателей выступали в основном частные лица (отдельные физические лица, паевые организации).

Часть доходных домов имела, так называемое, *социальное назначение* и предназначалась для педагогических работников образовательных организаций, работников культуры и медицинских работников медицинских учреждений. Оплата проживания для данной категории работников в таких домах нередко обеспечивалось за счет государства на основе соответствующих нормативных правовых актов (высочайше утвержденных уставов, положений и др.). Как правило, такие привилегии предоставлялись работникам, имеющим статус государственного служащего, в целях материального обеспечения лиц, исполняющих возложенные на них государством отдельные функции.

По сроку найма жилье в доходных домах разграничивалось на жилые помещения временного (ночлежки) и постоянного проживания (на длительный срок) [10].

По уровню комфортности жилых помещений и в зависимости от профессионально-социального статуса нанимателей доходные дома классифицировались на: дома барского типа, для высокооплачиваемых лиц, для чиновников и служащих, а также для низкооплачиваемого слоя населения (дома с коечно-каморочными квартирами).

Отношения по найму жилых помещений, в т.ч. в доходных домах, регулировались на основе Свода законов гражданских Российской империи (гл. II «О найме имуществ и отдаче оных в содержание», раздела III, книги четвертой Тома X Свода законов Российской Империи) [11]. Однако в данном нормативном акте норм о собственно жилых помещениях было незначительное количество, к таким отношениям приспосабливали общие нормы

о найме имущества. В последующем Книга пятая проекта Гражданского уложения по-прежнему включала регулирование найма жилых помещений в общую главу об имущественном найме (гл. V). В указанных условиях немаловажное значение в регулировании таких отношений принимали акты Сената по делам, связанным с наймом жилых помещений [3: 669-670].

Таким образом, жилищные отношения, включая в доходных домах, были практически вне правового поля со стороны государства. Среди немногих норм, установленных государством, - общий предельный срок найма недвижимого имущества - первоначально 12 лет, а с 1911 г. - 36 лет (ст. 1692 Тома X Свода законов Российской Империи). За несколько лет до революционных преобразований в 1917 году государство стало вмешиваться и в отношения, связанные с определением размера платы за наем жилья, путем установления запрета превышения определенного размера платы. Правовой статус нанимателя и наймодателя, правила пользования жилым помещением, вопросы ответственности определялись преимущественно сторонами договора имущественного найма.

Проблема существования пробелов в правовом регулировании отношений по найму жилых помещений и необходимости совершенствования законодательства в этой сфере отмечалась в дореволюционной цивилистической науке. При этом в дореволюционном законодательстве еще не использовалось понятие «жилое помещение». Для обозначения жилого помещения, являвшегося предметом договора имущественного найма, в нормативных актах применялись понятия «частные имущества», «строения», «городские строения», «дома», а в юридической литературе также «помещения», «домовладения», «квартиры», «комнаты» и иные [8: 294-295].

Хронодискретные особенности развития правового института наемных домов в России были обусловлены особенностями исторического развития российского государства с кардинальным изменением государственного строя, становлением первоначально советской правовой системы, а затем (вследствие ее краха) - правовой системы в условиях рыночной экономики.

Первыми актами советской власти сначала была установлена передача жилья в ведение городов, а затем запрещены сделки с недвижимостью и отменено право частной собственности на недвижимость в городах [12-14]. Большая часть жилого фонда была передана в собственность государства и впоследствии свободные жилые помещения распределялись уполномоченными государством органами на основе ордера и договора найма жилого помещения.

Основным наймодателем жилых помещений вместо частных лиц стало государство (уполномоченные им органы, организации), а жилищный фонд приобрел исключительно социальное назначение.

В дальнейшем право на жилище получает свое закрепление на конституционном уровне - в Конституции СССР 1977 г., Конституции РСФСР 1978 г., и Жилищном кодексе РСФСР. Указанные события в стране происходили на фоне возникновения и развития во всем мире идей о социальных правах человека, учреждения международных организаций, в задачи которых входит закрепление единых международных социальных стандартов.

Согласно п. 1 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. жилище стало рассматриваться как один из элементов жизненного уровня человека, который необходим для поддержания его здоровья и благосостояния и членов его семьи, наряду с иными элементами - пищей, одеждой, медицинским уходом и необходимым социальным обслуживанием. В соответствии с пунктом 1 ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. жилище включается в систему *достаточного* жизненного уровня человека и членов его семьи, наряду с достаточным питанием и одеждой, право на которое (достаточный уровень жизни) должно признаваться государствами-участниками. Статьей 31 Европейской социальной хартией (пересмотренной) 1996 г. (статья Россией не ратифицирована) для государств-участников устанавливаются обязательства принимать меры, направленные на обеспечение эффективного осуществления данного права, которые должны включать в себя:

- содействие доступу к жилью, отвечающему должным требованиям,
- предотвращение бездомности и сокращение ее масштаба с целью ее постоянной ликвидации, а также
- доступность цен на жилье для людей, не имеющих достаточных средств.

Согласно положениям советского законодательства одной из основных форм обеспечения права каждого на жилище являлось его *справедливое распределение нуждающимся в улучшении жилищных условий*, наряду с *содействием* кооперативному и индивидуальному жилищному строительству. Т.е. у граждан при возникновении у них социального риска - нуждаемости в улучшении жилищных условий – возникало субъективное право на получение от государства жилья улучшенного (по качественным и (или) количественным показателям) вида, которое предоставлялось гражданам на безвозмездной основе во владение и пользование. Улучшение жилищных условий советских граждан рассматривалось как одна из основных задач социальной политики в рамках повсеместной реализации принципа социальной справедливости.

Распределение жилья осуществлялось из *состава жилищного фонда*, в который включались жилые помещения, предназначенные для *постоянного* проживания, а также *служебные помещения* и *общежития* (ст. 7 ЖК

РСФСР). Пользование жильем в домах государственного жилищного фонда осуществлялось на основании *договора найма жилого помещения, договора найма служебного помещения,* а также *решения уполномоченной организации и ордера о предоставлении общежития,* правовой режим которых определялся гражданским и жилищным законодательством.

В условиях перехода российской экономики на рыночные отношения содержание основного права граждан на жилище на конституционном уровне претерпело существенные изменения. Вместо обязанности государства перед *всеми* гражданами по обеспечению их жилой площадью на основе нормы-принципа «*справедливого распределения* под общественным контролем жилой площади», оно в условиях рынка становится обязанным *только перед частью* населения, нуждающейся в повышенной социальной защите (малоимущими, военнослужащими, пострадавшими от стихийных бедствий и др.). Остальная (большая) часть населения **должна** обеспечивать себя жильем за собственные средства, путем его зарабатывания [7: 3, 8-9].

В конституционном акте постсоветского периода - Конституции РФ 1993 г. - нормы о праве на жилище (ст. 40) получили свое новое содержание. На современном этапе *право на жилище* предполагает предоставление уже принципиально иных юридических гарантий. Предоставление жилых помещений за счет средств государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами предусматривается теперь только для *малоимущих и иных указанных в законе граждан, нуждающихся в жилище*.

Одновременно после введения в начале 1990-х гг. процесса бесплатной приватизации доля государственного (муниципального) жилищного фонда значительным образом сократилась. В собственности граждан находится уже около 85% жилищного фонда России; в собственности Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований - менее 15% жилищного фонда [15].

Оставшаяся у государства часть жилищного фонда в современных условиях может предоставляться населению по более широкому, по сравнению с советским законодательством, перечню оснований.

Одним из таких оснований предоставления населению государственного, муниципального, а также частного жилищного фонда в рамках введенного в 2014 г. института наемных домов (гл. 8.1 и 8.2 ЖК РФ) является договор найма жилых помещений жилищного фонда социального использования (ДНЖПЖФСИ). Данное основание предусмотрено для нуждающихся в *улучшении* жилищных условий, *не отвечающим критериям малоимущности, но имеющим доход ниже установленного предела, т.е. фактически для бедных*. Указанный максимальный размер дохода гражданина

(семьи), по мысли законодателя (п. 2 ст. 91.2 ЖК РФ), должен определяться органами местного самоуправления в порядке, установленном законом региона.

Согласно Стратегии развития жилищной сферы Российской Федерации на период до 2025 года «Именно жилье, полученное в рамках бесплатной приватизации, составляет основу существующего рыночного арендного фонда. Около 5,7 млн. семей (10% от общего числа домохозяйств) арендуют жилье на рынке. Объем арендного жилья в рыночном сегменте оценивается в 260 млн. кв. м. (7% жилищного фонда), большая часть из которого находится в «теневом» секторе российской экономики и не приносит доходов в бюджет» [15].

Дополнительно Стратегия делает акцент на то, что ключевой характеристикой жилищного фонда РФ является высокая доля жилья в собственности, результатом которой является продолжающаяся бесплатная приватизация жилья, в то время как в мировой практике широкое распространение получило *институциональное арендное жилье* (до 60%) – как коммерческое, так и некоммерческое.

В частности, социальная (некоммерческая) аренда составляет 33% - в Нидерландах, 18% - в Великобритании, 17% – во Франции, 16% - в Берлине, в то время как в России – 7% (в 86% жилого фонда - проживают собственники).

Недостаточная доступность жилья, высокая рыночная стоимость приобретения жилья в собственность и неразвитость рынка ипотеки, усугубляющие проблемы повышения уровня обеспеченности населения жильем, предлагаются государством решить посредством развития институционального арендного жилья, являющегося альтернативным решением жилищного вопроса в развитых странах. При этом *некоммерческое арендное жилье* нацелено быть инструментом поддержки социально-приоритетных категорий граждан, которым ЖК РФ относит малоимущих, а также не малоимущих, но имеющих доход ниже определенного уровня, и иных категорий граждан, нуждающихся в повышенной социальной защите. Перечень таких категорий граждан определяются нормативными правовыми актами РФ, субъектов РФ и органов местного самоуправления. В их число, например, входят лица определенных профессий, пострадавшие от стихийных бедствий, техногенных катастроф.

По договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования (ДНЖПЖФСИ) жилые помещения государственного, муниципального и частного жилищного фонда могут предоставляться гражданам для *постоянного* проживания, однако на не бессрочной основе (как по договору социального найма) – а сроком от одного до десяти лет. В

случае соответствия гражданина (семьи) условиям, по которым предоставляется жилое помещение по ДНЖПЖФСИ, закон предусматривает право нанимателя на заключение такого договора на новый срок (ст. 91.9 ЖК РФ). Жилищный фонд, предоставляемый населению по договорам ДСН и ДНЖПЖФСИ, отнесен к жилищному фонду социального использования (ст. 19 ЖК РФ).

Практика свидетельствует, что до введения положений о наемных домах некоторые субъекты РФ уже предпринимали попытку самостоятельного введения практики наемных (доходных) домов [5: 60; 9]. Так, в Москве первый доходный дом в новых социально-экономических условиях был построен еще за десять лет до введения соответствующих положений в Жилищный кодекс РФ - в 2003 году, и, как показала практика, стал вполне успешным бизнес-проектом. В Санкт-Петербурге первый наемный дом построила финская компания, имеющая успешный опыт строительства и использования доходных домов на своей родине [1]. Вместе с тем до недавнего времени это были частные случаи.

Теперь в соответствии со Стратегией развития жилищной сферы предполагается повсеместное развитие института цивилизованного арендного жилья путем активного привлечения частных инвесторов в строительство некоммерческого арендного жилья. Проекты создания наемных домов будут осуществляться при государственной поддержке, в том числе за счет совместных проектов в формате государственно-частного партнерства. Экономистами были проведено ряд научных изысканий, обосновывающих экономическую целесообразность таких проектов [2: 4-18].

Для этих целей согласно государственной политике, изложенной в Стратегии, необходимо выполнить следующие первоочередные задачи:

- ограничить бесплатную приватизацию нового жилья с переходом от предоставления жилья в собственность к некоммерческой аренде;
- разработать механизм бюджетной поддержки строительства некоммерческого арендного жилья для отдельных категорий граждан.

Для достижения этих задач до 2025 года предполагается разработать комплекс мер, среди которых:

- утверждение пилотной программы развития некоммерческого арендного жилья;
- принятие поправок в законодательство в части бюджетных мер поддержки арендного жилья для отдельных категорий граждан;
- принятие поправок в законодательство в части установления льгот и мер поддержки для создания некоммерческого арендного жилья (инвесторов и застройщиков) для формирования некоммерческого арендного фонда в собственности инвесторов;

- формирование закрытого перечня определенных социальных категорий, которым жилье будет передаваться в собственность;

- разработка критериев иных социальных категорий населения, которые будут обеспечены жильем за счет некоммерческой аренды;

- развитие региональных программ, устанавливающих обеспечение жильем иных категорий населения на условиях некоммерческой аренды;

- формирование арендного жилищного фонда, в т.ч. за счет строительства, приобретения помещений в федеральную, региональную и муниципальную собственность, подлежащего использованию в качестве некоммерческого арендного жилищного фонда, в том числе общежитий, для категорий граждан, обеспечение жильем которых предусматривается законодательством РФ.

Так, в Нижегородской области в целях формирования рынка доступного стандартного жилья в наемных домах социального и коммерческого использования, развития конкуренции на рынке арендного жилья и увеличения налоговых поступлений в бюджет министерством социальной политики Нижегородской области в рамках государственной программы «Развитие жилищного строительства и государственная поддержка граждан по обеспечению жильем на территории Нижегородской области», утвержденной постановлением Правительства Нижегородской области от 30 апреля 2014 года № 302, реализуется *подпрограмма 9 «Развитие строительства наемных домов социального и коммерческого использования на 2016 - 2024 годы»* [16].

В подпрограмме обоснованно отмечается, что на момент введения в действия подпрограммы в Нижегородской области строительство данного типа жилья не осуществлялось. Это связано с существованием следующих проблем:

1) низкой инвестиционной привлекательностью проектов по строительству наемных домов в связи с длительными сроками окупаемости и, как следствие, незаинтересованностью хозяйствующих субъектов в строительстве таких домов;

2) низкой окупаемостью затрат на строительство наемных домов социального использования, в том числе в связи с высоким уровнем налоговой нагрузки;

3) неравными экономическими условиями развития институтов собственности жилья и найма жилья, определяемыми различным характером государственного регулирования и различным уровнем государственной поддержки.

Подпрограмма предлагает в рамках развития строительства наемных домов коммерческого использования создание условий для развития част-

ного жилищного фонда, жилые помещения которого предоставляются в первую очередь внаем на длительный срок (от 1 года до 10 лет), и интеграции сегментов арендного жилья при обеспечении равных условий для всех участников рынка.

Развитие конкуренции на рынке арендного жилья Нижегородской области должно быть обеспечено за счет участия в реализации подпрограммы юридических и физических лиц, приобретающих права на земельные участки, находящиеся в государственной собственности Нижегородской области и право государственной собственности на которые не разграничено, на льготных условиях.

Участие в реализации подпрограммы юридических лиц позволит увеличить жилищный фонд на территории региона, подлежащий налогообложению по ставке налога на имущество организаций. Дополнительно государственная регистрация договоров найма жилых помещений, заключенных на срок свыше одного года, наемных домов социального и коммерческого использования позволит дополнительно получать доходы в виде налога на прибыль организаций.

В рамках реализации указанной подпрограммы предполагается осуществление следующих мероприятий:

- заключение договоров об освоении территории в целях строительства и эксплуатации наемных домов социального использования и наемных домов коммерческого использования (исполнитель мероприятия – Министерство государственного имущества и земельных ресурсов Нижегородской области);

- строительство наемных домов социального использования и наемных домов коммерческого использования (исполнители мероприятия – застройщики - юридические лица, заключившие договоры об освоении территории в целях строительства и эксплуатации наемных домов социального использования и наемных домов коммерческого использования).

Подпрограмма предусматривает финансирование указанных мероприятий на период с 2016 по 2020 гг. – *исключительно* за счет средств юридических лиц.

По результатам реализации указанной подпрограммы предполагается достижение следующих показателей (индикаторов):

- ежегодный объем ввода арендного жилищного фонда к 2024 году - не менее 32,86 тыс. кв. м.;

- темп роста объема ввода арендного жилищного фонда к соответствующему периоду прошлого года к 2024 году - не менее 100%;

- ежегодное количество граждан, проживающих на основаниях договоров найма жилых помещений жилищного фонда социального использо-

вания и договоров найма жилых помещений в наемных домах социального (коммерческого) использования, к 2024 году - 1462 чел.

- увеличение налоговых поступлений в областной бюджет в виде налога на имущество организаций к 2024 году - 186878,9 тыс. руб.

В целом возрождение института наемных (доходных) домов в условиях развития рыночной экономики, формирования и нормативного закрепления социальных прав человека имеет важное значение для реализации конституционного права человека на жилище. Одновременно введение институционального рынка арендного жилья социального использования должно оказать свое значительное воздействие на конкуренцию рынка арендного жилья. Однако в том случае, если предлагаемые государством мероприятия в этой сфере позволят обеспечить предложение нанимателям значительно меньшего размера арендной платы за жилье по сравнению с размером платы за наем жилья аналогичного качества, предлагаемого на коммерческом рынке.

Библиографический список

1. Белова, А. Доходные дома: история и перспективы строительства в современной России / А. Белова. – Текст: электронный. - URL: https://www.rmnt.ru/story/realty/doxodnye-doma-istorija-i-perspektivy-stroitelstva-v-sovremennoy-rossii.360474/.

2. Бойко, М.В. Организация и развитие доходных домов в рамках частно-государственного предпринимательства на рынке найма и аренды жилья : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (экономика предпринимательства)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Бойко Максим Валерьевич ; ГОУ ВПО «Московский государственный областной университет». – М., 2013. – 24 с.

3. Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. – 4-е. изд. – М.: Статут, 2002. – 800 с.

4. Бушухин, И. Доходный дом: как был устроен рынок аренды жилья в России до 1917 года / И. Бушухин. – Текст: электронный // Дом. рф: [сайт]. – 2017. - 24 марта.- URL: https://realty.rbc.ru/news/58d4d1cf9a7947b08201b19a (дата обращения: 05.09.2019).

5. Горбунова, Е.О. Наемные дома социального использования: понятие, признаки // Вестник научных конференций. – 2017. – № 3-5 (19). - С. 59 - 61.

6. Демичев, А.А. Методологические принципы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Університетські наукові записки. - 2009. - №2 (30). - С. 6-12.

7. Жилищное законодательство: Комментарий / под ред. В.Ф. Яковлева, П.И. Седугина. – М.: Юрид. лит., 1991. – 416 с.

8. Логинов, В.И. Правовое регулирование владения и пользования жилыми помещениями в законодательстве дореволюционной России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. - 2010. – С. 294 – 298.

9. Мифтахова, Р.Е. Развитие современных доходных домов в России, реальность или утопия? // Молодежь и наука : сборник материалов IXВсероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярска [Электронный ресурс]. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т., 2013.

10. Арендное жилье в дореволюционной России / Агентство ипотечного жилищного кредитования. – URL: https://docplayer.ru/51650651-Arendnoe-zhile-v-dorevolyucionnoy-rossii.html (дата обращения: 13.09.2019). – Текст: электронный.

11. Российская Империя. Свод законов Российской Империи. Том X / Классика российского права. Библиотека репринтных изданий // КонсультантПлюс : [сайт]. - URL:http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/391.html (дата обращения: 13.09.2019). - Текст: электронный.

12. РСФСР. Постановления Наркомата внутренних дел РСФСР. О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса : Постановление Наркомата внутренних дел РСФСР от 29 октября 1917 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1917. - № 1. – Ст. 14;

13. РСФСР. Декреты ВЦИК. О запрещении сделок с недвижимостью : Декрет ВЦИК от 29 декабря 1917 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1917. – № 10. – Ст. 154.

14. РСФСР. Декреты ВЦИК. Об отмене частной собственности на недвижимость в городах : Декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 62. – Ст. 674.

15. Стратегия развития жилищной сферы Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Минстроем России). - URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/minstroj_strategia_211217.pdf. – Дата публикации 21 декабря 2017. – Текст: электронный.

16. Российская Федерация. Нижегородская область. Постановления Правительства НО. Об утверждении государственной программы «Развитие жилищного строительства и государственная поддержка граждан по обеспечению жильем на территории Нижегородской области : постановление Правительства Нижегородской области от 30 апреля 2014 г. № 302. - URL: http://www.minsocium.ru/docs/zhile/p_pno_302_30_04_2014.pdf. (дата обращения: 02.09.2019). – Текст: электронный.

Воробьев Андрей Витальевич
Vorobev Andrey Vitalevich

старший юрисконсульт правового отдела Нижегородской академии МВД России
Senior Legal Advisor of Legal Department of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Хроноразрыв в исследовании рабочего протеста

Time gap in working protest study

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о наличии хронологического разрыва в развитии рабоче-крестьянских протестов на основе существующих исследований в указанной области в России, начиная со второй половины XIX века по современный период в рамках методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения.

Ключевые слова: рабочий протест, хронологический разрыв, забастовки, стачки, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

Annotation: the article considers the question of the existence of a time gap in the development of worker-peasant protests on the basis of existing research in this area in Russia from the second half of the 19th century to the present period in the framework of the methodology of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence.

Keywords: labor protest, time gap, strikes, chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence.

В рамках научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения (далее – ХМСП) существует уже достаточно большое количество исследований тех или иных правовых процессов и явлений. [2, 9, 10] Одним из таких объектов, представляющих интерес для изучения, является законодательство, регулирующее протестные движения социально-политического характера [5: 204] и в частности рабочие протесты.

Одним из основных принципов методологии ХМСП является наличие хронологического разрыва в исследуемом явлении, возникающего вследствие какого-либо внутриполитического или внешнеполитического собы-

тия, в течение которого это явление не существовало, либо существовало в совершенно иных форме и содержании [6, 7].

Развитие трудового (фабричного) законодательства в России, по мнению большинства ученых-правоведов, берет свое начало во второй половине XIX века. Нельзя не согласиться с М. Лунцем, утверждавшим, что все фабричное законодательство в Российской империи явилось результатом протеста рабочих масс против невыносимых условий труда, результатом давления рабочего на самого законодателя [11: 9].

Ответственность за организацию такого вида рабочего протеста как стачка была предусмотрена еще в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Так, одна из разновидностей преступлений в сфере фабрично-заводского законодательства была связана с новым на тот момент для отечественной правовой системы явлением – «стачкой». Глава 8 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных содержала положения об ответственности за организацию стачки. По сути, стачка представляет собой протестное выражение рабочим классом определенных требований социально-экономическо-трудового характера. Уложением 1845 г. стачка характеризовалась как сговор рабочих завода, фабрики и мануфактуры о прекращении работы до истечения установленного времени с целью принуждения хозяев организации к повышению оплаты труда (ст. 1792). Такое понимание стачки по смыслу очень близко к современной характеристике забастовки, как временного добровольного отказа работников от исполнения трудовых обязанностей (полностью или частично) в целях разрешения коллективного трудового спора, установленной статьей 398 Трудового кодекса Российской Федерации [3: 394]. Полагаем, что можно говорить об исторической преемственности понятия стачки, содержащегося в Уложении 1845 г. и современного понятия забастовки с тем отличием, что стачка являлась выражением противозаконным и преступным, а забастовка является пусть и крайней, но законной мерой разрешения трудовых споров.

Уложением о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 года конкретизировались многие положения, регулирующие ответственность за организацию и участие в стачечном движении. Так, раздел 2 главы 1 отделения 14 Уложения 1885 г. устанавливал, что целью стачек рабочих может быть только требование о повышении оплаты труда. Соответственно, все сговоры рабочих о протестных выступлениях с иными требованиями не могли квалифицироваться как стачка рабочих, предусмотренная ст. 1358 Уложения и подлежали более суровому наказанию по иным статьям. В то же время, устанавливался запрет для содержателей фабрик, заводов и мануфактур на самовольное снижение уровня оплаты труда до истечения установленного с работниками срока или оплаты ча-

сти труда рабочих товарами или продуктами (ст. 1359). Ряд социальных гарантий связанных, например с недопустимостью самовольного снижения уровня оплаты труда по воле работодателя содержится и в современном трудовом законодательстве.

Конец XIX в. характеризуется большим количеством возникавших волнений рабочих фабрик и заводов, требовавших облегчения каторжных условий труда (например, Морозовская стачка 1885 г. и Иваново-Вознесенские стачки конца XIX – начала XX в.). Определенных успехов эти протестные выражения все же достигли. Постепенно в России появлялось все больше законов, образовавших в итоге новую отрасль фабрично-трудового законодательства. Одним из первых законов, связанных с облегчением условий труда рабочих в Российской империи, принятых под воздействием волнений народных масс, стал Закон от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», запрещавший применение труда детей в возрасте до 12 лет на фабриках и мануфактурах. В 1884 г. появился закон «О школьном обучении малолетних, работающих на фабриках, заводах и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции», в 1885 – «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах» и, наконец, в 1886 г. – закон «Об утверждении проекта правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности, о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции». Несмотря на это, можно согласиться с Р.Р. Мустафиным в том, что к таким законодательным мерам правительство прибегало скорее, чтобы успокоить стачечное движение рабочих и у государства отсутствовал ясно сформулированный план относительно принимаемых в этой сфере положений [12: 41].

Помимо развития норм, предоставлявших определенные социальные гарантии рабочих, развивалось и законодательство в области противодействия стачечным явлениям. Уже в 1886 г. были приняты Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих, и об увеличении числа чинов фабричной инспекции. Указанными Правилами расширялись нормы Уложения 1885 г. о стачках. В частности устанавливалось, что от наказания освобождались участники стачки при повиновении первому требованию полиции о ее прекращении, а также устанавливалась ответственность за повреждение имущества заводов, фабрик и мануфактур в ходе проведения стачки и принуждение рабочих к участию в стачках с применением насилия.

Следующим этапом в развитии законодательства о стачках стало Уголовное уложение 1903 г., которым конкретизировалось понятие стачки –

она характеризовалась как прекращение работы по соглашению между рабочими с целью принудить предпринимателя к повышению заработной платы до истечения срока найма на заводах, фабриках, горном промысле, в железнодорожных, портовых и иных мастерских или в таком предприятии, прекращение деятельности которого может неблагоприятно отразиться на интересах местного населения (ст. 367). Важным нововведением стало определение единой санкции для всех участников стачки, без разделения на наказания для зачинщиков и иных участников, существовавшее ранее в законодательстве. Также стоит отметить выделение в отдельную статью ответственности за подстрекательство к стачке со стороны лиц, не являющихся работниками предприятия. В отличие от указанных норм, современная форма протестного выражения – забастовка не связана исключительно с вопросами повышения оплаты труда. Однако стоит отметить, что забастовка работников ряда особо важных для жизнедеятельности общества организаций в современной России также запрещена уголовным законодательством.

В январе 1905 г. в России произошло кровопролитное событие, закрепившееся в истории как «кровавое воскресение», послужившее началом Первой русской революции. Многотысячное шествие трудящихся, направлявшихся к Зимнему дворцу с целью вручить Николаю II документ с рядом требований и предложений – Петицию о рабочих нуждах, закончилось вооруженным разгоном демонстрантов и человеческими жертвами. Итоги Первой русской революции обозначили необходимость преобразований, в том числе в сфере фабрично-трудового законодательства. Кроме того, возникновение принципиально новой формы организации труда – Советов, которым было суждено политическое будущее, привело к тому, что родившись как органы управления стачкой, Советы рабочих депутатов переросли в штабы вооруженного восстания. Советы явочным порядком вводили (при благоприятном соотношении сил) 8-часовой рабочий день на предприятиях, проводили изъятия денежных средств на нужды революции, решали различные государственные и хозяйственные вопросы в пределах той территории, которую они контролировали.

Огромную роль в развитии законодательства о стачках сыграл принятый 4 марта 1906 г. Именной высочайший указ правительствующему сенату о временных правилах об обществах и союзах. Помимо порядка образования различных общественных объединений и союзов, данным указом устанавливались временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий. По сути, названный акт стал основой для формирования профсоюзных организаций, впервые законодательно легали-

зовав их статус. Стоит отметить, что цели создания профсоюзных организаций, указанные в пункте 2 раздела II Указа от 4 марта 1906 г. очень схожи с целями создания профсоюзных организаций, содержащимися в Главе 58 Трудового кодекса Российской Федерации. Ряд прав, предоставленных профсоюзным организациям в соответствии со статьей 370 ТК РФ, связанных с участием в разрешении трудовых споров и оказанием помощи работникам организаций, позволяет говорить о преемственности этих положений с аналогичными целями, содержащимися в Указе от 4 марта 1906 г.

В связи с возникновением первых профессиональных объединений работников, основной формой борьбы за решение насущных экономически вопросов оставались стачки, забастовки, что отвечало революционному духу того времени и было наиболее действенным и результативным способом. Постепенно рабочие начали понимать, что забастовочная борьба не всегда целесообразна и выгодна, что она необходима при решении важных принципиальных вопросов, а локальные конфликты с предпринимателями лучше решать «мирным» путем. К тому же сила и сплоченность рабочих выступлений, объединившихся в профессиональные союзы, вынудили фабрикантов и заводчиков признать рабочие организации как равноправную сторону. Да и в конечном результате ни работники, ни работодатели не заинтересованы в забастовках. Поэтому с учетом западноевропейского опыта в России начали создаваться специальные органы между работодателем и наемным работником – примирительные камеры и третейские суды [13: 51].

Возникавшие в период 1907-1917 гг. стачки и забастовки привели к появлению целого комплекса нормативных правовых актов, регламентирующих различные аспекты труда рабочих. Так, в 1912 г. появились Законы «Об учреждении присутствий по делам страхования рабочих», «Об учреждении совета по делам страхования рабочих», «Об обеспечении рабочих на случай болезни». В 1913 г. большая часть «фабричных» законов была объединена в Устав о промышленном труде. В 1915 г. был издан акт «О допущении некоторых отступлений от правил о работе женщин, подростков и малолетних, а также о продолжительности и распределении рабочего времени».

Первая мировая война потребовала максимального напряжения экономики каждой из стран участниц, и в первую очередь это касалось промышленности – поставщика обмундирования, оружия и боеприпасов для воюющих армий. В подобной ситуации любые сбои в работе предприятий могли обернуться крайне плачевными последствиями для фронта. По этой причине власти в большинстве государств, вовлеченных в войну,

пошли на ограничение стачечной активности рабочих, и Россия в данном случае не была исключением. Уже 29 августа 1914 г. был принят именной высочайший указ «О продлении срока действия Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и о дальнейшем оставлении некоторых местностей Империи на положении чрезвычайной охраны». В тексте данного закона не прописывалось каких-либо мер, имеющих прямое отношение к промышленному производству, однако впоследствии на его основании на местах был принят целый ряд локальных актов, регулировавших право рабочих на организацию и проведение забастовки.

В развитии ограничительного законодательства 13 июля 1915 г. был выпущен циркуляр МВД, предписывающий усилить полицейский надзор за рабочим движением. Согласно этому нормативно-правовому акту, военнообязанные рабочие, получавшие отсрочку и остававшиеся на заводах, выполнявших заказы военного ведомства, в случае участия в стачках и неявки на работу должны были направляться на сборные пункты для отправки в действующую армию [1: 22]. Стоит отметить, что и в современной России организация забастовок имеет ряд ограничений, речь о которых пойдет далее.

Именно в таком виде фабрично-трудовое законодательство в целом и законодательство о стачках в частности прекратило свое существование в феврале 1917 г. В период существования СССР были приняты три Кодекса законов о труде – в 1918, 1922 и 1971 гг. Содержание данных нормативных правовых актов позволяет говорить о принципиально ином подходе к пониманию как самих трудовых отношений между работником и работодателем и их составляющим элементам, так и к протестным формам разрешения трудовых споров.

В связи с тем, что Кодекс законов о труде 1918 г. принципиально отличался от существовавших ранее положений фабрично-трудового законодательства, в нем не были предусмотрены многие аспекты трудовой деятельности, содержавшиеся в дореволюционных актах, в том числе отсутствовали положения о протестных и вообще каких бы то ни было формах разрешения трудовых конфликтов между работником и работодателем.

Положениями Кодекса законов о труде 1922 г. в главе XVI были установлены положения об органах по разрешению конфликтов и рассмотрению дел по нарушению законов о труде. Так, дела по нарушению законов о труде, а также все споры, возникающие на почве применения наемного труда, разрешались либо в принудительном порядке – в особых сессиях народных судов, либо в порядке примирительного разбирательства

– в расценочно-конфликтных комиссиях, примирительных камерах и третейских судах, организуемых на началах паритетного представительства сторон. Все нарушения Кодекса Законов о Труде и всех других узаконений о труде, а также коллективных договоров, рассматривались в особых сессиях народных судов. Таким образом механизм протестного выражения рабочими своей воли так и не нашел своего законодательного закрепления.

Несмотря на то, что Кодекс законов РСФСР о труде 1971 г. структурно и содержательно отличался от ранее принятых в СССР нормативных правовых актов в области трудового права и конкретизировал многие вопросы трудовых правоотношений, в нем так и не появилось норм, регламентирующих право работников на проведение забастовок. Более того, законодательно до конца 1980-х годов протестные формы выражения трудовой воли работников не были разрешены и каким-либо образом регламентированы вообще.

Лишь с принятием 9 октября 1989 г. Закона СССР № 580-I «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» в отечественном законодательстве впервые было закреплено право трудовых коллективов и профсоюзов на полное или частичное прекращение работы – забастовку (стачку), как крайнюю меру решения трудовых споров. Стоит отметить, что решение о забастовке имело право принимать лишь собрание (конференция) трудового коллектива или профсоюза тайным голосованием. Оно считалось правомочным, если за него проголосовало не менее 2/3 членов данного коллектива либо профсоюза. Указанные положения практически дословно были перенесены в Закон СССР от 20 мая 1991 г. № 2179-1 «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)».

Впоследствии право на забастовку, как крайний способ разрешения коллективных трудовых споров, было закреплено в статье 37 Конституции Российской Федерации 1993 г. Таким образом законодательно впервые на уровне высшего законодательного акта был закреплен легальный статус забастовки как формы протестного выражения, схожего по своей сути со стачками, признававшимися противозаконными формами протеста в дореволюционной России.

Кроме того, Федеральным законом от 23 ноября 1995 г. № 175-ФЗ «О порядке разрешения коллективных трудовых споров» устанавливалось положение, предоставлявшее право работникам использовать собрания, митинги, демонстрации, пикетирования, а также право на забастовку в случаях, если примирительные процедуры не привели к разрешению коллективного трудового спора либо работодатель уклоняется от примирительных процедур, не выполняет соглашение, достигнутое в ходе разрешения кол-

лективного трудового спора. Требования к правомочности решения об объявлении забастовки были снижены по сравнению с Законом 1989 г. – для принятия законного решения о забастовке требовалось не менее половины голосов собрания, на котором должно было присутствовать не менее 2/3 трудового коллектива. Положения Закона 1995 г. в свою очередь нашли свое отражение в статьях 409-410 действующего Трудового кодекса Российской Федерации, где также закреплено право на забастовку и установлен порядок ее объявления. Согласно действующему законодательству, собрание работников считается правомочным, если на нем присутствует более половины от общего числа работников. Конференция работников данного работодателя считается правомочной, если на ней присутствует не менее двух третей делегатов конференции. Решение о забастовке считается правомочным если за него проголосовало более половины присутствующих на конференции. Законодательно предусмотрена обязанность работодателя предоставить помещение для проведения собрания либо конференции, а также закреплено право представительного органа принять решение путем сбора подписей при невозможности проведения собрания. Кроме того, трудовым коллективам предоставлено право проведения предупредительной забастовки. Таким образом, наблюдается преемственной в развитии института забастовки начиная с 80-х гг. XX в. после хронологического разрыва, возникшего с прекращением существования Российской империи и появлением СССР. В настоящее время правовая регламентация института рабочего протеста в форме забастовки предусматривает ее как крайнюю меру в решении коллективных трудовых споров [4: 70].

Стоит отметить, что одновременно с развитием законодательства о забастовках изменялись и критерии признания этого вида протеста незаконным. Так, Закон СССР 1989 г. № 580-I признавал незаконными лишь забастовки, объявленные с нарушением требований к самому процессу принятия решения о забастовке, а также забастовки объявленные по политическим мотивам, либо с требованиями, влекущими нарушение национального и расового равноправия либо изменение границ страны. Закон 1995 года конкретизировал данные положения и признавал незаконными забастовки, создающие реальную угрозу основам конституционного строя и здоровью других лиц, а также забастовки сотрудников Вооруженных сил и правоохранительных органов, при условии, что это создавало угрозу обороне страны и безопасности государства. Также положения статьи 17 указанного Закона устанавливали, что право на забастовку может быть ограничено в соответствии с Законом о чрезвычайном положении. Современные положения Трудового кодекса расширяют перечень незаконных забастовок, включая в них работников спасательных, противопожарных работ, предупреждения или ликви-

дации стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций, скорой медицинской помощи, работников занятых на опасных видах производств и работников организаций обеспечения жизнедеятельности населения.

Подводя итог можно сказать, что законодательное регулирование явления рабочего протеста в форме стачек и забастовок можно назвать преемственным именно в периоды конца XIX – начала XX в. до революции 1917 г. и начиная с конца 80-х гг. XX в. до современного этапа. Отчетливо прослеживается содержательное и смысловое сходство норм, регламентирующих забастовки в современной России с рядом положений, существовавших, в частности, в уголовном законодательстве Российской империи. Законодательство периода существования СССР не содержало положений, регламентировавших не только легальные, но и противозаконные способы рабочего протеста.

Указанные факты позволяют говорить о наличии хронологического разрыва, являющегося необходимым условием для применения методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения к исследованию законодательства о рабочих протестных движениях. Сложно не согласиться с К.А. Демичевым в том, что одним из наиболее ярких, а отчасти и трагическим хроноразрывом, для России и целого ряда стран, некогда входящих в состав СССР, стал советский период в целом. Не вызывает никаких сомнений, что история многих государственно-правовых институтов, явлений, процессов и идей, была прервана революционными событиями 1917 г., а их восстановление было связано уже с процессами, последовавшими за падением советской государственности [8: 23].

Библиографический список

1. Белов, С.И. Ограничение права рабочих на забастовки в Российской империи в период Первой мировой войны: на материалах верхнего Поволжья 1914-1917 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 8 (22). – С. 22-25.

2. Большакова, В.М. Хронодискретные российские институты (на примере судебных преобразований в России во второй половине XIX в. и в конце XX – начале XXI в.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 3. – С. 51-56.

3. Воробьев, А.В. Противодействие нелегальным формам социально-политического протеста в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 391-398.

4. Воробьев, А.В. Легальные формы социально-политического протеста в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2018. – № 1. – С. 61-72.

5. Воробьев, А.В. Применение методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения в исследовании социально-политических протестных явлений // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС – 2018. – С. 204-214.

6. Демичев, А.А. Проблемы изучения правовой преемственности в хронодискретных моногеографических исследованиях // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 160-165.

7. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС – 2018. – С. 9-21.

8. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС – 2018. – С. 22-30.

9. Илюхина, В.А. Вопросы организации мирового суда в России по Судебным уставам 1864 г. и современному законодательству: опыт хронодискретного моногеографического сравнительно-правового анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС – 2018. – С. 61-77.

10. Леонов, А.П. Материальное обеспечение депутатов Государственной Думы: история и современность // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС – 2018. – С. 145-159.

11. Лунц М.Г. Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России: Сборник статей – Изд. Типография «Печатное дело». – М., 1909. – 395 с.

12. Мустафин Р.Р. Социально-экономические права рабочих в фабричном законодательстве Российской империи // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2013. – № 1. – С. 38-42

13. Щербаков А.В. Историческая роль объединений работников и работодателей в системе социального партнерства России в конце XIX – начале XX века // Трудовое право в России и за рубежом. – 2010. – № 4. – С. 47-52.

Гуляева Татьяна Борисовна
Gulyaeva Tat`yana Borisovna

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного права
Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС
Candidate of Sciences (law), Associate Professor the Department of Civil and International Law of the Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPA

Фабричная Людмила Игоревна
Fabrichnaya Lyudmila Igorevna

студентка 3 курса лечебного факультета
Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород
3rd year Student of the Faculty of Medicine
Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod

Особенности правовой регламентации медицинского права в дореволюционной России, в СССР и после распада советского государства

Features of the legal regulation of medical law in pre-revolutionary Russia, in the USSR and after the collapse of the Soviet State

Аннотация. в статье анализируются особенности правовой регламентации медицинского права, автор акцентирует внимание на вопросах частной медицинской практики в различные исторические этапы развития Российского государства. Особое внимание уделяется сравнительному анализу условий, способствующих развитию законодательной базы в сфере медицинских отношений, как в дореволюционной России, так и в периоды образования и после распада СССР. Раскрываются основные предпосылки, связанные с принятием законодательных актов и упорядочению правовых норм, касающихся частной медицинской практики. Предложена авторская периодизация исторического развития законодательства здравоохранения до революции, в советской России и после распада СССР.

Ключевые слова: медицинское право, частная медицинская практика, государственная медицина, частнопрактикующий врач, здравоохранение, медицинская помощь, лекарь, запрет аборта.

Annotation. The article analyzes the features of the legal regulation of medical law, the author focuses on the issues of private medical practice in various historical stages of the development of the Russian state. Particular attention is paid to a comparative analysis of the conditions conducive to the development of the legislative framework in the field of medical relations, both in pre-revolutionary Russia and in the periods of formation and after the collapse of the USSR. The basic prerequisites associated with the adoption of legislative acts and streamlining of legal norms regarding private medical practice are revealed. The author's periodization of the historical development of healthcare legislation before the revolution, in Soviet Russia and after the collapse of the USSR is proposed.

Keywords: medical law, private medical practice, state medicine, private practitioner, healthcare, medical care, doctor, prohibition of abortion.

Применительно к историко-правовой тематике важная роль принадлежит методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения, позволяющей проводить сравнительный анализ способов правового регулирования общественных отношений одной и той же видовой принадлежности, существовавших в разные исторические периоды [3; 4; 5; 6]. Применение данной методологии дает возможность устанавливать, на какой стадии своего развития в конкретный момент прошлого времени находилась система норм, упорядочивавшая те или иные отношения, а также дать оценку историческим перспективам форм и способов правового регулирования современных отношений, родственных указанным.

В связи с этим особый интерес представляет исследование вопросов медицинского права. Хотелось бы подробнее остановиться на правовом регулировании института частной медицинской практики в дореволюционной России. Индивидуальная врачебная деятельность в настоящее время широко распространена, но это вызывает не только неоднозначные оценки со стороны общества, но и порождает острые дискуссии.

Несколько столетий назад занятие частной врачебной деятельностью признавалось «вольным» делом. Еще в своих трудах М.Б. Мирский отмечал, что профессиональная светская медицина всегда была возмездной [8: 37]. Если взять советский период времени, то частная медицинская деятельность трактовалась как проявление капитализма, что, в первую очередь, противоречило основам организации медицинской помощи трудовому народу и, конечно молодому социалистическому строю. По мнению руководства советского государства, такое положение противоречило основным принципам общественной медицины и деморализовало медицинский пер-

сонал. Однако необходимо отметить, что частная медицинская практика в СССР все же существовала, хотя и правовом отношении не была урегулирована. Это было вызвано, на наш взгляд, недостаточным количеством медучреждений, с одной стороны, и существованием обеспеченного слоя населения с другой.

Обратимся к истории нашего государства и проанализируем этот аспект.

В Российской империи, в XVIII – начале XX в. здравоохранение, в основном, было тогда делом благотворительным и основным объектом медицинской помощи выступало чаще всего малообеспеченное население. Считалось, что основном только «обеспеченные» люди могут обращаться за медицинской помощью к частнопрактикующим врачам. Частной медицинской практикой в тот период времени занимались врачи (лекари) и дополнительный медицинский персонал, к которому относились в первую очередь повивальные бабки, фельдшера, дантисты и т.д. Кроме того вольнопрактикующие лекари могли проходить государственную службу, а могли и не состоять на ней [16: 44].

До XVIII в. правовая регламентация какой-либо медицинской деятельности в России практически отсутствовала. Первый нормативный правовой акт по исследуемому вопросу появился в период правления Петра I. Это был Указ [10], который ввел ограничения для частнопрактикующих лекарей. Так, в соответствии с этим нормативным актом вольной практикой могли заниматься только лица прошедшие «освидетельствование» в Медицинской коллегии. Интересным фактом являлось то, что в случае нарушения норм этого закона применялись серьезные штрафные санкции, а что касалось иностранных врачей – то их просто высылали за пределы Российской империи. На наш взгляд, это было справедливо, т.к. таким образом законодатель пытался упорядочить механизм оказания медицинской помощи и избавления от «шарлатанов-медиков» того времени. Рассматриваемый нормативный правовой акт действовал в неизменном виде и в период царствования Екатерины II.

В первой половине XIX в. законодательство в области здравоохранения продолжало динамично развиваться, детализируя его отдельные аспекты. Так, например, без ограничений заниматься врачебной практикой могли уже только выпускники, получившие высшее медицинское образование в России. Что касалось иностранных врачей, желающих осуществлять врачебную деятельность на территории Российской империи, то они должны были подтвердить свою квалификацию перед Медицинским советом. Необходимо отметить, что одним из важных условий допуска к врачебной деятельности для врачей-иностранцев было обязательное знание русского язы-

ка. Медицинский совет являлся в тот период времени высшим административным органом, который координировал всю научную и практическую деятельность врачей. Дантисты и окулисты допускались к врачебной практике в соответствии с уровнем их профессиональной подготовки и профилем. Необходимо отметить, что, несмотря на отдельные прогрессивные нормы в сфере врачебного дела, в Российской империи все же разрешалась ограниченная частная практика повивальным бабкам. Считалось, что у них богатая практика в своем деле, и они не могут навредить обращающимся к ним людям. Наверное, это правильно.

Контроль за медицинской деятельностью возлагался на правительство. Полномочиями на пресечение врачебной деятельности обладал только Медицинский департамент министерства внутренних дел. Важно отметить, что ежегодно указанный административный орган публиковал списки врачей, допущенных к медицинской деятельности в Российской империи. Таким образом, каждый житель страны мог проверить по списку врача, к которому он собрался обратьcя. На наш взгляд, это правильно и неплохо было бы эту норму закрепить в современном законодательстве России. Тогда у нас меньше будет неквалифицированных врачей, а медицинскую помощь населению будут оказывать качественно и только специалисты своего дела.

Дополнительными правовыми нормами частную практику законодатель не обременял. Однако, все медицинские работники, учитывая и частнопрактикующих, находились в ведении Врачебных управ. Это означало, что при недостатке штатных медиков (например, ликвидация эпидемии, медицинский персонал в случае военных действий) могли быть призваны частнопрактикующие с выплатой жалования [12]. По нашему мнению, это достаточно интересная норма, которую также можно было бы закрепить в действующем законодательстве, и тогда у нас в стране пропала бы проблема нехватки врачей, особенно узких специальностей.

Продолжая анализировать законотворчество дореволюционной России в области медицины, можно отметить, что оно динамично развивалось и дополнялось. Важное значение сыграл в правовом регулировании медицинской практики Устав Врачебный 1857 г. Он обобщил ранее принятые правила о допуске врачей и дополнительного медицинского персонала к практике, подвластности вольнопрактикующих врачей Врачебным управам и утвердил право последней призывать их на государственную службу.

Устав Врачебный 1857 г. состоял из трех книг, которые включали в себя VII глав. Остановимся на V главе Устава, которая называлась «О врачах вольнопрактикующих» [14]. В соответствии с этой главой, правом осуществлять вольную врачебную практику обладали российские подданные, а также иностранцы, имеющие диплом или свидетельство российских выс-

ших учебных заведений, Военно-медицинской академии и женских медицинских учебных заведений. Женщины, получившие образование в женских медицинских учебных заведениях, приобретали звание «женщина-врач». Обладательницы таких дипломов получили право частной практики в 1895 г. [13]. Глава V Устава Врачебного подробно регламентировала обязанности вольнопрактикующих врачей. Так, в соответствии со ст. 54 врач частной практики должен был являться по просьбе больного обязательно. Статья 59 Устава гласила о том, что в случае допущения врачом ошибки, он лишался права на занятие медицинской деятельностью вообще и допускался вновь только после серьезных повторных испытаний. Считаем, что это было достаточно сурово, но, наверное, правильно, т.к. жизнь больного должна быть в приоритете и врач, прежде чем принять решение, должен все взвесить и не рисковать. Кроме этого, необходимо отметить, что в Уставе содержались также и санкции. Так в случае отказа в медицинской помощи больному на врача налагался штраф. Неплохо было бы узаконить и эту норму в современном законодательстве, тогда некоторые медицинские работники более ответственнее относились бы к своим обязанностям.

На пути становления российского медицинского права в рассматриваемый период, на наш взгляд, стояло несколько основных препятствий:

Во-первых, примитивность структуры имперского здравоохранения, низкокачественная медицинская помощь в государственных лечучреждениях и, кроме этого, действующий запрет на лечение в них низших чинов «казенного звания людей» [15];

Во-вторых, низкий доход служащих медиков, который провоцировал их на поиск дополнительного заработка [14: 49].

До середины XIX в. свободно практикующих врачей было не так и много, чаще всего их представляли бывшие госслужащие. Большинство врачей вынуждено было сочетать государственную службу с частной практикой. На наш взгляд, это являлось следствием недостатка врачей в Российской империи, поэтому их удерживали на государственных должностях.

Вопросы вознаграждения врачей за оказанные медицинские услуги также регламентировались дореволюционным законодательством. Одним из первых законодательных актов был Устав от 1789 года, который касался всех ведомств Государственной Медицинской Коллегии и регулировал оплату труда докторов, лекарей и повивальных бабок [11]. Указанная норма накладывала строгий запрет врачам казенных лечебных учреждений "брать мзду" с тех, кого они обязаны лечить по должности. Однако за частнопрактикующими врачами закреплялось право на вознаграждение.

Рассмотренные выше нормативные акты продолжали действовать длительное время, больше столетия, вплоть до октября 1917 г.

Не безынтересно узнать развитие национального законодательства по вопросу здравоохранения, особенно в части развития частной медицинской практики в новом историческом периоде развития нашего государства. Так переход государственной власти в руки большевиков ознаменовал новый этап российского законодательства в сфере здравоохранения. Уже в первые месяцы Советской власти был принят декрет ЦИК и СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», центральные положения которого стали основанием прекращения деятельности больниц при церквях и приютах. Таким образом, новая власть создала условия, повлекшие по всей стране вспышки инфекционных и вирусных заболеваний [7: 133].

26 октября 1917 г. при Военно-революционном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов создается медико-санитарный отдел, основная цель деятельности которого заключалась в контроле и ликвидации вспышек инфекции и вирусных болезней среди основного населения. Кроме этого, на Комитет возложили также обязанность по совершенствованию законодательства во всех сферах здравоохранения.

Мы согласны с мнением отдельных ученых [1: 79], считающих, что революционные события 1917 г., разруха по всей стране, экономический упадок стали следствием истощения людей. Перед новой властью встал вопрос особого государственного значения – борьба с заболеваемостью, высокой смертностью и антисанитарией. Однако нельзя не отметить стремление советской власти в сфере охраны здоровья граждан. Параллельно с медицинским законодательством появляются отдельные нормы экологического права, касающиеся «оздоровления населенных мест» [15], т.е. охраны воздуха, воды и почвы. Нормативное содержание первых советских актов носило ярко выраженный социально-демократический характер. Россия первая в мире стала заниматься вопросами устройства государственного здравоохранения, а термин «здравоохранение» стал объектом социальной и государственной заботы.

Следующим шагом на пути становления отечественного медицинского права стал Декрет ЦИК и СНК РСФСР от 18 июля 1918 г. «О Народном комиссариате здравоохранения» [7: 135]. Нарком здравоохранения объединил под своим началом все медицинские и санитарные отделы страны. Перед руководством комиссариата была поставлена важная задача – повысить качество здравоохранения советского народа. Основным направлением системы нового здравоохранения был ориентир на профилактику заболеваний.

В рассматриваемый период медицинское законодательство развивалось особенно динамично, что подтверждается принятием целого ряда нормативных правовых актов, а именно: декрет Народного комиссариата здравоохранения «О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом» от 28 января

1919 г.; декрет Народного комиссариата здравоохранения «О мерах борьбы с эпидемиями» от 10 апреля 1919 г.; декрет Народного комиссариата здравоохранения «Об обязательном оспопрививании» от 10 апредя 1919 г.; декрет Народного комиссариата здравоохранения «О снабжении бактериологических институтов и лабораторий для их работы материалами и инвентарем» от 10 апреля 1919 г.; постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О профессиональной работе и правах медицинских работников» от 1 декабря 1924 г. [8: 67] и др.

Необходимо отметить, что ни в одном вышеперечисленных правовых актах не содержалось норм, регламентирующих вопросы частной медицинской практики.

С 18 по 23 марта 1919 г. прошел VIII съезд РКП(б), утвердивший государственную программу здравоохранения. Содержание программы провозглашало проведение оздоровительных и санитарных мер, направленных на профилактику развития различных заболеваний силами государственных медицинских учреждений, не затрагивая частную практику [2: 137].

В дополнении к сказанному подчеркнем, что принятое ВЦИК и СНК РСФСР в 1924 г. постановление «О профессиональной работе и правах медицинских работников» неоднократно дополнялось и изменялось, и потом легло в основу советского законодательства о здравоохранении и труде медицинских работников [1: 68]. Постановление детально регламентировало все отрасли медицины, но не касалось вопросов частной практики. Так, в нем регулировались вопросы труда медицинского персонала (права и обязанности врача), содержались нормы права, допускающие проведение лечебно-профилактических мероприятий и хирургического лечения, кроме этого, содержались также санкции за профессиональные правонарушения. Как мы видим, прослеживается преемственность права по вопросу ответственности врачей за профессиональные правонарушения.

Важным шагом в дальнейшем развитии медицинского законодательства, на наш взгляд, стала инструкция НКЗ, НКВД, НКТ и ВЦСПС «О порядке и правилах оказания первой неотложной медицинской помощи» от 11 марта 1926 г. Она была дополнением рассмотренного выше Постановления 1924 г. Инструкция 1926 г. впервые определила перечень тяжелых травматических повреждений, отравлений и внезапных заболеваний опасных для жизни (в соответствии с медицинскими критериями классификации), при возникновении которых оказывалась первая неотложная помощь. В соответствии с указанной нормой неотложную помощь должен был оказывать каждый медицинский работник в пределах своей компетенции, и было не важно, состоит он на службе или нет. И это, на наш взгляд правильно, потому что в настоящее время не всегда медработник внимательно относится к людям, которые обращаются к нему за медпомощью.

Продолжая законотворческую деятельность, далее советский законодатель решает вопросы о применении санкций к медицинским работникам, которые недобросовестно относятся к исполнению своих профессиональных обязанностей. Для этого он принимает более жесткие нормы в сфере здравоохранения, и дополняет уголовный кодекс РСФСР статьями 108, 165. Так, в случае неосторожного нарушения своих медицинских обязанностей и должностную халатность закон предусматривал наказание в виде лишения свободы или принудительных работ до одного года или увольнение. В соответствии со ст. 165 медицинских работников привлекали к уголовной ответственности за отказ от оказания медпомощи, и назначали наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет. Из этой нормы следовало, что в сравнении с дореволюционным законодательством санкции за отказ от оказания медицинской помощи были более суровыми, вплоть по уголовного наказания.

В процессе нашего исследования нам не удалось найти и достоверно установить наличие нормативного правового акта о ликвидации в стране частной медицинской практики. Этот вопрос законодатель не упоминал ни в одном правовом акте, и каких-либо специальных актов не издавал. Однако, учитывая волюнтаризм власти и настроения основной части советского населения, можем с уверенностью предположить, что частная практика не приветствовалась, как противоречащая основам медико-санитарной помощи и социалистического строительства государства.

Подводя итог становления медицинского законодательства 1917-1925 гг. акцентируем внимание на следующих аспектах: во-первых, были ликвидированы частные медицинские учреждения; во-вторых, все медицинские учреждения были объявлены государственными; в-третьих, все медицинские услуги стали бесплатными; в-четвертых, здравоохранение было направлено, в первую очередь, на профилактику заболеваний [7: 137].

Отмечая динамику советского законодательства в сфере здравоохранения, нужно подчеркнуть, что нормы, регламентирующие порядок предоставления медицинских услуг, имели разрозненный характер, т.к. содержались в разных правовых актах (гражданский кодекс, уголовный кодекс, административный). Из этого мы можем сделать вывод об отсутствии в рассматриваемый период времени единого нормативного акта и это, на наш взгляд, говорило о неудобстве применения медицинского законодательства, как врачами, так и пациентами.

Несмотря на это, характерной особенностью советского периода нашего государства являлась пропаганда здорового образа жизни среди населения, повышение медицинской грамотности на производстве.

Нельзя не сказать несколько слов о развитии законодательства сфере здравоохранения в годы Великой Отечественной войны. С первых же дней войны врачи и другие медицинские работники приняли активное участие в оказании медицинской помощи всем нуждающимся.

В эти годы активизировалась и нормотворческая деятельность советского государства. С целью максимального обеспечения интересов солдат, призывников, трудящихся, населения, был принят ряд нормативных актов: Приказ НКЗ СССР и НКЗ РСФСР № 34 от 12 ноября 1941 г. «Об улучшении медицинского обслуживания рабочих предприятий оборонной промышленности»; Приказ НКЗ СССР и НКЗ РСФСР № 36 от 22 ноября 1941 г. «О работе здравпунктов оборонной промышленности»; Циркуляр НКЗ РСФСР от 10 ноября 1942 г. «О задачах медицинских работников оборонных предприятий»; Приказ НКЗ РСФСР от 10 ноября 1942 г. «О медико-санитарном обслуживании женщин, работающих на оборонных предприятиях».

Несмотря на военные действия и сложную ситуацию в стране, правовая регламентация вопросов здравоохранения динамично развивалась и детально регулировала важнейшие вопросы и проблемы в военный период времени. Здоровье детей особенно волновало советское государство. В связи с этим 30 марта 1942 г. НКЗ СССР издал Приказ № 4 «О проведении противоэпидемиологических мероприятий». Указанный акт регулировал медицинскую профилактику детских заболеваний. Ценность этого Приказа заключалась в том, что он дал возможность хотя бы немного попытаться снизить детскую смертность в годы Великой Отечественной войны.

3 марта 1944 г. вышло Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об улучшении медицинского обслуживания населения», которое впервые вводило практику проведения диспансеризации, а также практику плановости, повышение квалификации врачей, кроме этого, был установлен запрет на работу врачей не по профилю. На наш взгляд, это правильно, неплохо бы и в наше время следовать примеру этой нормы права, чтобы каждый врач лечил больного пациента только по своей специализации.

8 июля 1944 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства...» [2: 165]. Особенностью правового акта стал выраженный социальный характер, в частности, он был направлен на облегчение условий труда беременным женщинам, матерей-одиночек, многодетных семей, т.к. был ориентирован на социальную помощь семей с детьми [17: 89].

Отдельного внимания заслуживает Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов...». Законодатель ужесточал санкции для врачей за производство аборта. Аборт можно было де-

лать только при наличии тяжелых заболеваний у родителей. Анализируя нормативный правовой акт можем подчеркнуть, что, несмотря на прогрессивные нормы довоенного времени в сфере медицины и здравоохранения, можем констатировать недальновидность законодателя и как следствие аборт становился криминальным (по данным статистики 90% случаев криминальные) [7: 137], были случаи самостоятельного прерывания беременности, в результате повысился уровень женской смертности. Постановление «О запрете абортов...» продолжало действовать вплоть до 1955 г., пока не вышел 23 ноября Указ Президиума ВС СССР "Об отмене запрещения абортов".

Анализируя законодательство в период 1926-1969 гг., можем отметить ведомственный характер принимаемых нормативных актов, основными принципами которых были профилактика заболеваний, недопущение эпидемий и гибели советских граждан во время Отечественной войны и после.

Следующий период, заслуживающий внимания, относится ко времени действия нормативного правового акта, принятого 19 декабря 1969 г., им стали Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении. Основы состояли из IX разделов и 55 статей. Каждый из разделов подробно регламентировал различные отрасли здравоохранения:

I раздел включал в себя 11 статей и был посвящен общим положениям. Он провозглашал основные задачи и цели советского здравоохранения, право всех граждан на охрану здоровья, устанавливал порядок руководства на территории страны и союзных республик, теперь управление здравоохранением осуществляли высшие органы государственной власти и органы государственного управления Союза ССР;

II раздел был посвящен занятию медицинской и фармацевтической деятельностью и включал 5 статей. В этой части Основ освящались вопросы требований к кандидатам на занятие медицинской и фармацевтической деятельностью. Так, к медицинской и фармацевтической деятельности допускались лишь лица, получившие образование в учебных медицинских заведениях (оно могло быть средним или высшим, в зависимости от получаемой профессии). Кроме того, в соответствии со ст. 12 Основ к медицинской и фармацевтической деятельности могли быть допущены иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории нашей страны и получившие отечественное медицинское образование. Помимо этого, говорилось о необходимости совершенствования профессиональных знаний, сохранении врачебной тайны, принесения врачом Присяги и защите чести и достоинства врача.

III раздел был посвящен санитарно-эпидемиологическому благополучию населения, включал в себя статьи с 18 по 31. В нормах устанавливались требования к строительству населенных пунктов, очистке про-

мышленных выбросов, к заселению жилых помещений, водоснабжению, предупреждению и ликвидации инфекционных заболеваний. Необходимо отметить, статья 29 Основ устанавливала правила об обязательных, периодических медицинских осмотрах работников отдельных профессий, например, в пищевой промышленности, лечебно-профилактических и детских учреждениях.

IV раздел назывался «Лечебно-профилактическая помощь населению» и состоял из пяти статей. Здесь регламентировался порядок оказания медицинской помощи гражданам, как в лечебном учреждении, так и на дому. Важно отметить, в соответствии со статьей 32 Основ о здравоохранении, медицинская помощь оказывалась и иностранным гражданам, и лицам без гражданства «наравне с гражданами СССР» [9]. Кроме этого, впервые было установлено, что инвалиды Великой Отечественной Войны получают медицинскую помощь вне очереди. Не менее значимым, по нашему мнению, стало положение о введении пропаганды здорового образа жизни на всей территории страны

V раздел подробно регламентировал вопросы охраны материнства и детства. Статья 38 содержала информацию о поощрении в нашей стране материнства, кроме этого, впервые говорилось о том, что «...женщине предоставляется право самой решать вопрос о материнстве» [9]. В соответствии со ст. 42 дети, имеющие умственные или физические недостатки, должны были находиться в специальных государственных учреждениях (дома ребенка, детские дома, интернаты и другие учреждения) за счет государства. Здесь мы можем сделать вывод о том, что первые декреты Советской власти, по вопросам детей, нашли свое отражение в Основах о здравоохранении 1969 г., все дети были объявлены государственными [17: 98].

VI раздел содержал нормы по организации санаторно-курортного лечения и регулировал вопросы спорта и туризма в СССР.

VII раздел включал 2 статьи и содержал правила проведения медицинской экспертизы: медицинская экспертиза трудоспособности и судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертиза.

VIII раздел, включал 3 статьи, которые регулировали порядок предоставления гражданам бесплатной или на льготных условиях лекарственной помощи. Кроме этого, закон устанавливал, что контроль за качеством лекарственных препаратов будет осуществлять Министерство здравоохранения СССР.

IX раздел «Международные договоры» содержал одну статью, ею дополнили Основы о здравоохранении лишь в 1979 году. Она устанавливала правила применения международных договоров, ратифицированных СССР.

Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении от 19 декабря 1969 г. утратили силу с распадом СССР, однако на территории Российской Федерации продолжили свое действие до января 2012 г.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что, в советский период времени в нормативно-правовых актах не рассматривались вопросы частной врачебной практики. Все медицинские работники должны были работать на благо советского народа и только в государственных клиниках.

Демократические изменения в стране в 90-х гг. XX в. требовали изменения всех правовых норм, в том числе и система здравоохранения нуждалась в кардинальных переменах. Стало понятно, что медицинское законодательство должно соответствовать нормам международных договоров, кроме этого, во всем мире, уже давно, применялись прогрессивные медицинские технологии, в молодой России они были в новинку, но, тем не менее, существовала необходимость их применения, например, репродуктивные технологии в лечении бесплодия (так называемое экстракорпоральное оплодотворение – ЭКО), гомеопатия (очень популярная в 90-е гг..) и др..

Начало 90-х - начало 2000-х гг., на наш взгляд, стали революционными в нормативном регулировании здравоохранения. Реформы этого времени затрагивали очень многие вопросы медицины и здравоохранения в целом. Так, впервые в РФ, стали регулироваться: медицинское страхование, профилактика вируса иммунодефицита человека, психиатрия и другие.

Политические и экономические преобразования в стране выявили необходимость возрождения института частной медицинской практики, существовавший до октября 1917 г. В связи с этим 22 июля 1993 г. отечественный законодатель принял Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан. В соответствии со ст. 14 Основ у врачей и фармацевтов, имеющих соответствующее медицинское образование и лицензию, появилось право заниматься частной медицинской практикой. Соответственно они могли создавать частные лечебно-профилактические и аптечные учреждения и быть при этом собственниками имущества.

Нужно отметить, что кроме частной врачебной практики, Основы регламентировали и другие важные для медицины и здравоохранения аспекты: охрана здоровья населения, разрешение на территории страны целительства (до революции 1917 г. были повивальные бабки), страховая медицина, психическое здоровье, долголетие и др. Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. действовали до 2011 г..

Возвращаясь к вопросу снятия запрета на частную медицинскую практику в РФ, нужно отметь, что принятые Основы стали основанием для внесения дополнений и изменений в другие нормативные акты страны

21 ноября 2011 г. был принят новый закон – «Основы законодательства об охране здоровья граждан». Подчеркнем, что Основы возлагали определенные обязательства на законодателя и, в первую очередь, приведение медицинского законодательства в соответствие с проводимой политикой государства «Здоровая нация – здоровая Россия».

Основы законодательства об охране здоровья граждан, принятые в 2011 г. действуют и в настоящее время. В отличие от Основ 1993 г. новые правила детально регламентирует вопросы охраны здоровья. Например, под системой здравоохранения стал пониматься комплекс государственных и частных лечебно-профилактических учреждений; у граждан появилось право выбора лечебной организации и врача; появились нормы, подробно регулирующие вопросы донорства и т.д. Но это уже новый этап развития законодательства, регламентирующего вопросы медицинского права.

На основании проведенного исследования мы пришли к ряду выводов и обобщений.

1. История развития законодательства здравоохранения до революции, в советской России и после распада СССР имеет определенную периодизацию. Она включает в себя 7 основных периодов:

1) До XVIII в. правовая регламентация какой-либо медицинской деятельности, в том числе и частная медицинская практика в России отсутствовала.

2) Начало XVIII в. - первая половина XIX в. период становления законодательства о здравоохранении, появление первых правовых актов о частной медицинской практике.

3) Первая половина XIX века - 1917 г. - период принятия ряда законодательных актов, регламентирующих вопросы здравоохранения и детализацию отдельных элементов в дореволюционной России.

4) 1917 - 1925 гг. - период становления Советского здравоохранения и введения запрета на частную врачебную практику.

5) 1926 - 1969 гг. - период массового принятия союзных и республиканских нормативных актов, действия запрета на аборт, введена уголовная ответственность за некачественно оказанную медицинскую помощь.

6) 19 декабря 1969 г. - начало 90-х гг. - период развития законодательства о здравоохранении.

7) 1993 - 2011 гг. - период восстановления права на занятие частной врачебной и фармацевтической практикой.

2. Институт частной медицинской практики должен развиваться, конкурируя с государственной медициной при условии оказания доступной медицинской помощи для любого человека в России.

Библиографический список

1. Гнетова Людмила Валентиновна. Эволюция советского законодательства, регламентирующего рабочее время и время отдыха : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Гнетова Людмила Валентиновна; Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний. – Н. Новгород, 2008. – 250 с.

2. Гнетова, Л.В. Особенности эволюции советского законодательства, регламентирующего рабочее время и время отдыха: монография. – Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2014. – 134 с.

3. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС – 2018. – С. 9-21.

4. Демичев, А.А. Проблемы изучения правовой преемственности в хронодискретных моногеографических исследованиях // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 160-165.

5. Демичев, К.А. Методологические основы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения и перспективы ее развития в Нижегородском институте управления // Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России. Основные итоги научной работы в нижегородском институте управления в 2017 г. – Н. Новгород: НИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2018. – С. 48-52.

6. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС – 2018. – С. 22-30.

7. Куранов, В.Г. Развитие медицинского законодательства в России в советский и современный период // Пермский медицинский журнал, – 2013. – Т. XXX. – № 6. – С. 133-139.

8. Мирский, М.Б. Медицина России X – XX веков. – М.: РОССПЭН, 2005. – 631 с.

9. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении от 19.12.1969 // Свод законов СССР. – 1969. – № 52.

10. Полное Собрание Законов Российской империи: Собрание 1-е. – Т. VI. – СПб., 1830. – № 3811.

11. Полное Собрание Законов Российской империи: Собрание 1-е. – Т. XXIII. – СПб., 1789. – №16805.

12. Полное Собрание Законов Российской империи: Собрание 1-е. – Т. XXXI. – СПб., 1830. – № 24761.

13. Полное Собрание Законов Российской империи: Собрание 3-е. – Т. XV. – СПб., 1899. – № 11760.

14. Свод учреждений и Уставов врачебных по гражданской части // Свод законов Российской империи. – Т. XIII. – СПб., 1857.

15. Сергеев Ю.Д. Термина «врачебная ошибка» нет ни в одном законе // Газета Известия: [сайт]. – 2003. – URL: https:// avaiiableat:http://izvestia.ru/news/282986 (дата обращения 20.09.19).

16. Смирнова, Е.М. Частная врачебная практика в России (XVIII - начало XX вв.) // Новый исторический вестник. – 2014. – № 3. – С. 44-62.

17. Фабричная, Татьяна Борисовна. Эволюция института усыновления в российском праве XVIII-XX вв. : историко-правовое исследование : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Фабричная Татьяна Борисовна; Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний. – Владимир, 2010.- 192 с.

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ТЕОРИИ И ИНСТИТУТЫ КАК ОБЪЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ХМСП

Власов Михаил Владимирович
Vlasov Mixail Vladimirovich

Старший преподаватель кафедры гражданского и международного права, Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС

Senior lecturer the Department of Civil and International Law of the Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPA

Хронодискретность принципа свободы договора в российском гражданском праве

Chrono discretion of the principle of freedom of agreement in Russian civil law

Аннотация. В статье рассматривается история формирования и развития принципа свободы договора. Появление принципа свободы договора в российском законодательстве можно рассматривать как результат развития договорных отношений, которые постоянно стремились увеличить свободу их участников. В статье анализируются основные аспекты исторического развития договорной свободы, начиная с первых исследований дореволюционного периода, достижений школы гражданского права советского периода и заканчивая законодательным закреплением этого принципа в действующем Российской гражданском законодательстве.

Ключевые слова: свобода договора, гражданское право, принцип гражданского права.

Annotation. The article discusses the history of the formation and development of the principle of freedom of contract. The emergence of the principle of freedom of contract in Russian law can be seen as the result of the development of contractual relations, which constantly sought to increase the freedom of their participants. The article analyzes the main aspects of the historical development of contractual freedom, starting with the first studies of the pre-revolutionary period, the achievements of the civil law school of the Soviet period and ending with the legislative consolidation of this principle in the current Civil law of the Russian Federation.

Keywords: freedom of contract, civil law, the principle of civil law.

Для гражданского права современной России характерно повышение значимости роли договора. Закрепление и обеспечение в Российской Феде-

рации на законодательном уровне свободы экономической деятельности, права частной собственности и права каждого на свободное использование своих навыков и имущества для предпринимательской деятельности направлено на разработку необходимых механизмов рыночной экономики, которые имеют первостепенное значение в условиях новых экономических отношений в российском государстве. Реализация в договорных отношениях принципа свободы договора является сегодня абсолютной необходимостью для бесперебойного функционирования рыночной экономики и развития конкуренции.

Принцип свободы договора является одним из основополагающих начал законодательства всех современных государств, в том числе законодательства Российской Федерации (п. 1 ст. 1 ГК РФ). В связи с тем, что принцип свободы договора получил законодательное урегулирование в Российской Федерации только в XX в., нет сомнений в том, что в нем содержится влияние многолетнего исторического развития идей и подходов к свободе договора. В этом контексте целесообразно изучить принцип договорной свободы в России.

История свободы договора в России развивалась параллельно с историей отношений договорного характера, хотя в некоторые периоды об его истории умалчивалось. Исходя из этого, можно говорить о том, что принцип свободы договора имеет в России хронодискретную природу, т.е. история реализации этого принципа прерывалась, чтобы затем начать его воспроизводство в новых исторических условиях [3]. В отечественной цивилистике первые исследования, касающиеся принципа свободы договора, относятся к XIX в. В то время рассматриваемый нами принцип связывался с условиями действительности сделок, особенно с вопросами свободного выражения воли сторон, отсутствия силы, принуждения.

Наиболее полное исследование рассматриваемого принципа нашло свое отражение в исследованиях И.А. Покровского, который в своей работе «Основные проблемы гражданского права» (1917) обозначил главу «Обязательства из договоров. Проблема договорной свободы». И.А. Покровский пришел к выводу, что основной тенденцией того времени было стремление к ограничению принципа свободы договора. Источником такого стремления были, прежде всего, экономические интересы, поскольку эти процессы наиболее ярко проявляли себя в области договорных отношений имущественного характера [6: 249-250].

Принцип свободы договора, существовавший в дореволюционном договорном праве России, характеризовался тремя направлениями: свобода физических и юридических лиц заключать договор, свобода выбора контрагента и свобода сторон определять условия договора. В результате этого

внутреннее договорное право в то время содержало практически такое же содержание принципа свободы договора, что и римское частное право. В то же время содержание принципа свободы договора по сравнению с римским законодательством было дополнено возможностью для договаривающихся сторон заключить непоименованный договор. Среди ограничений принципа свободы договора представляется уместным упомянуть: избирательность и сословность права, которые обеспечили дифференцированный подход к учету правовых вопросов на момент заключения и выполнения договора. В дополнение к ограничениям, наложенным римским законодательством, российское дореволюционное договорное право рассматривало публичный договор как ограничение свободы договора, что выражалось в том, что сильный контрагент (монопольное лицо, которое свою деятельность осуществляло в конкретной области) должен был заключать договор с другими лицами, которые являлись слабой стороной.

Дальнейшая история России показывает, что в советский период на многие годы от этого принципа отказались, но гражданское право продолжало существовать, поэтому существовала и категория «договор». Чрезмерное политизированное общество накладывает отпечаток на юридическую науку. О принципе свободы договора упоминали лишь как о буржуазном гражданском праве. Но договор всегда подразумевает определенную степень свободы его субъектов, которая принадлежала субъектам договорных отношений и в советский период.

В первые годы НЭПа взгляды на свободу договора выросли. Распространена «теория автономии воли», согласно которой, с помощью договорного права, происходит обмен хозяйственных благ в силу юридически непринужденного, автономного договора [4: 69]. Как отмечает С.Н. Братусь, в данный период преобладало мнение, что торговые отношения между государственными предприятиями будут заменены дальнейшим расширением и укреплением планового начала [1: 65]. Практическая реализация этой идеи разрушила бы экономику страны. Но приоритетное мнение в юридической и экономической литературе не могло не оказать своего влияния и на законодательство того временного периода. Нет сомнений в том, что это привело только к потере интереса компаний к выполнению своих обязательств, к снижению роли договора, который по своей сути стал чистой формальностью.

В 1931-1932 гг. права субъектов договорных отношений вновь значительно расширились. Договор был истолкован как лучшая форма сочетания планового и экономического расчета. В этот период времени возросло и значение договора, хотя свобода договора существовала здесь только в рамках, которые были установлены планом. Новый взгляд на план как на

первичный регулятор возродил договор. Таким образом, договоры существовали для выполнения планов и были средством конкретизации отдельных целей. Любые ошибки планирования, которые были допущены при заключении договоров, исправлялись только в административном порядке.

Таким образом, с начала 30-х гг. XX в. в российском законодательстве преобладали административные методы регулирования, началось формирование проекта планового договора. Принцип свободы договора был подменен плановым договором. Это был отказ от договорных свобод, что также отчетливо видно и в гражданском кодексе РСФСР 1964 г [8: 94].

Ситуация изменилась в начале 50-х годов. Для послевоенного восстановления страны потребовались новые экономико-правовые механизмы, которые предоставляли бы сторонам договора большую свободу. В это время одним из основных принципов договорного права в литературе названы свобода и равенство сторон на основе сочетания публичных и частных интересов [7: 280]. В рассматриваемы период времени преобладал взгляд на зависимость договора от плана. Вследствие чего стороны часто игнорировали заключенные договора, и при этом руководствовались условиями наряда.

Значительные изменения произошли в 1962 г., когда были опубликованы нормативные акты, согласно которым многие категории покупателей по уважительной причине отказываются принять наряд и заключить предусмотренный плановым актом договор, обязательный для обеих сторон [5: 9].

В дальнейшем законодательство о договорах развивалось в направлении расширения свободы контрагентов. Это было сделано путем изменения соотношения планового задания и договора. Отметим, то уменьшалось влияние плана на договор.

В восьмидесятых годах интерес к договору возрос, что было связано со значительным увеличением его роли в экономических отношениях. Договор считался важнейшим инструментом развития экономики. У субъектов появилась свобода распоряжаться сверхнормативными запасами продукции и неиспользованными материальными ценностями. Речь идет о расширении самостоятельности субъектов хозяйственной деятельности и о границах свободы. Кроме того, возрастает роль диспозитивных норм. Одновременно с расширением договорной свободы в эти годы развивается идея защиты прав потребителей.

С принятием Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ принцип свободы договора получил юридическое закрепление, в качестве начал в гражданского законодательства, который вобрал в себя научные суждения лучших российских и зарубежных исследователей, а также практический опыт других государств в этой области (что наиболее ярко проявилось в ан-

тимонопольном законодательстве). При этом закрепление на законодательном уровне получили и ограничения принципа свободы договора.

Современное государство обязано, как указано в Конституции Российской Федерации, признавать, защищать и предотвращать нарушения прав человека. Свобода договора также подразумевает возрастающие требования к поведению субъектов, вступающих в правовые отношения, что абсолютно адекватно для современного цивилизованного гражданского оборота. Стороны гражданско-правовых отношений должны применять свое субъективное право таким образом, чтобы они не нарушали права и свободы других, действовали добросовестно, не нарушали принцип свободы договора, содействовали осуществлению прав и, конечно, принимали во внимание последствия своих действий.

Свобода договора всегда была присуща гражданским договорам, но для того, чтобы данный принцип получил свое закрепление и обеспечение на уровне законодательства, он прошел долгий путь исторического развития. История развития договорных отношений свидетельствует о постоянном улучшении свободы субъектов при заключении договоров. Нельзя однозначно отрицать, что в нашей стране и в советский период экономического развития существовала свобода договоров. Она существовала, но только в определенных пределах. Степень этой свободы увеличивалась со временем, но всегда наблюдалась ее зависимость от состава субъектов конкретных договорных отношений.

В.Ф. Яковлев отмечает две основные тенденции в современном договорном праве. Во-первых, договор является самостоятельным и основным средством регулирования экономических отношений. Во-вторых, обрела существование свобода заключения договора, свобода определения его содержания, разработка условий – тем самым претворяется в жизнь одно из важнейших требований для свободной рыночной экономики - свободы договора [10: 122].

Закрепление этого принципа в праве было исторически обусловлено тем, что он отражает существенные характеристики гражданского права и является воплощением опыта в области договорных отношений.

Поэтому можно утверждать, что представление о свободе договора, практические проявления принципа свободы договора зависят от развития общества, экономики и права на определенном историческом этапе. В XX в. внимание законодателя сместилось с принципа свободы договора к пределам и ограничениям договорной свободы. Что касается российского законодательства, несмотря на то, что принцип свободы договора не был юридически признан российским гражданским правом как одним из его принципов вплоть до XX в., договорная свобода всегда была в той или иной степени присуща обязательственному праву на всех этапах его развития.

Библиографический список

1. Братусь, С.Н. Эволюция функций хозяйственного договора // Гражданское право и экономика. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1985. – С. 65-70.

2. Волков, А.В. Злоупотребление принципом свободы договора // Юрист. – 2015. – № 4. – С. 10-12.

3. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

4. Иоффе, О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР. – Л., 1978. – Ч. 2. – 173 с.

5. Кабалкин, А.Ю. Гражданско-правовые договоры как форма удовлетворения потребностей трудящихся в период развернутого строительства коммунизма. – М., 1963. – 40 с.

6. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. – М. : Статут, 1998.

7. Советское гражданское право. Учебник / Братусь С.Н., Граве К.А., Зимилева М.В., Серебровский В.И., и др.; Под ред.: Братусь С.Н.. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Госюриздат, 1950. – 677 с.

8. Схабо, Н.С. Некоторые аспекты эволюции принципа свободы договора в отечественной цивилистике // Вестник адыгейского государственного университета. – 2015. – № 4. – С. 93-95

9. Халфина, Р.О. Право как средство социального управления. М., 1988. – 255 с.

10. Яковлев, В.Ф. Новое в договорном праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1994. – № 7. – С. 122-124.

Пчелкин Александр Владимирович
Pchelkin Alexander Vladimirovich

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Candidate of Sciences (law), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Civil Law and Civil Process law,
National Research University «Higher School of Economics»

Взгляд на систему обязательной маркировки товаров и мониторинга прослеживаемости сквозь призму исследования хроноразрыва в идее полного контроля за обращением товаров

A look at the system of mandatory labeling of goods and monitoring of traceability through the prism of the study of the temporary gap in the idea of complete control over the circulation of goods

Аннотация. В статье рассматривается развитие в России системы обязательной маркировки продукции средствами идентификации и мониторинга прослеживаемости и на основе исследования идеологических и концептуальных основ разрыва существующего при социалистическом укладе полного контроля за производством и распределением продукции делается вывод о недопустимости распространения данной системы на всю промышленную продукцию.

Ключевые слова: обязательная маркировка, система мониторинга за оборотом товаров, контроль за обращением товаров.

Annotation. The article discusses the development in Russia of the system of mandatory product labeling by means of identification and traceability monitoring and, based on the study of the ideological and conceptual foundations of the gap between the full control over the production and distribution of products existing under the socialist system, it is concluded that this system cannot be distributed to all industrial products.

Keywords: mandatory marking, commodity circulation monitoring system, control over the circulation of goods.

На наших глазах зародилась и продолжает интенсивно внедряться в экономическую жизнь система обязательной маркировки товаров средства-

ми идентификации и мониторинга прослеживаемости. Данное событие не могло пройти незамеченным.

Бизнес-сообщество неоднозначно отреагировало на него. На интернет-ресурсах, с одной стороны, появились оптимистически настроенные позитивные высказывания: «Правительство сделало еще один шаг в сторону легализации рынка - это большой плюс. Теперь контрафактной продукции станет меньше, и конечный потребитель от этого только выиграет» [1]. С другой стороны, наблюдается пессимистическое настроение по поводу происходящего: «Запуск единой информационной системы мониторинга за оборотом товаров приведет к повышению нагрузки на бизнес» [2].

Представители экономической науки сразу обратили внимание на экономические последствия для бизнеса данных государственных мер. Как пишет старший научный сотрудник лаборатории исследований налоговой политики ИПЭИ РАНХиГС и Научного направления «Макроэкономики и финансы» Института Гайдара кандидат экономических наук Владимир Громов: «Для предприятий с невысокой рентабельностью и для малых предприятий необходимость соблюдения новых требований вообще может оказаться непосильным бременем и стать причиной банкротства. При этом очевиден и негативный результат для населения как потребителя товаров: рост издержек приведет к росту цен, что в текущей экономической ситуации совсем не желательно» [3].

Так как введение данной системы обеспечивается комплексом правовых мер, то к обсуждению данного события подключились и отечественные правоведы. Появились многочисленные публикации, в первую очередь, посвященные анализу проблем нормативно-правового обеспечения внедрения данного института и его эффективного функционирования. В качестве примера можно привести, проведенный профессором кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктором юридических наук, профессором Андреевой Любовью Васильевной анализ новел законодательства об основах государственного регулирования торговой деятельности [4].

Нам бы хотелось внести в ход обсуждения данного явления новый ракурс и посмотреть на него с историко-правовых, концептуально-идеологических и политико-правовых позиций.

Обратимся сперва к истории появления данной системы. Отправной точкой создания данной системы, служит, пожалуй, принятие Советом Евразийской экономической комиссии 28 апреля 2014 года, на основании информации представленной членом Коллегии (Министром) по торговле Евразийской экономической комиссии Слепневым А.А., Решения №28 «О подходах по формированию и применению на единой таможенной террито-

рии системы маркировки отдельных видов продукции легкой промышленности» [5]. Данным Решением Совет ЕЭК признал целесообразным создание системы маркировки отдельных видов продукции легкой промышленности в целях контроля оборота товаров и обеспечения легальности импорта и производства товаров на территориях государств - членов Таможенного союза и Единого экономического пространства. Было также решено образовать рабочую группу и поручить ей осуществить подготовку документов нормативно-правового обеспечения работы данной системы.

В последующем, 10 октября 2014 года в г. Минске состоялось заседание Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств, которым принято Решение №88 «О разработке системы маркировки отдельных видов продукции легкой промышленности на территориях государств-членов Таможенного союза и Единого экономического пространства» [5]. Данным Решением предусматривалась реализация в 2015 - 2016 годах в рамках ЕАЭС пилотного проекта по введению маркировки продукции по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха».

В целях реализации данного пилотного проекта 8 августа 2015 года в г. Гродно в рамках заседания Евразийского межправительственного совета было заключено Соглашение о реализации в 2015 - 2016 годах пилотного проекта по введению маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха» [5]. Данное Соглашение было ратифицировано Российской Федерацией Федеральным законом от 26 апреля 2016 г. №105-ФЗ [6]. В последующем, Протоколом от 23 ноября 2016 г. срок действия Соглашения о реализации в 2015 - 2016 годах пилотного проекта по введению маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха» от 8 сентября 2015 года был продлен до 31 декабря 2018 г.

В рамках реализации данного пилотного проекта, в государствах-участниках были созданы национальные компоненты данной системы.

В Российской Федерации данный пилотный проект начал свою реализацию с 1 апреля 2016 года. Постановлением Правительства РФ от 24 марта 2016 г. №235 «О проведении эксперимента по маркировке товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха» [6] были утверждены Положение о проведении эксперимента по маркировке товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изде-

лия, из натурального меха» и Правила маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха». Первым устанавливались условия проведения эксперимента по маркировке товаров контрольными (идентификационными) знаками, вторым – порядок маркировки контрольными (идентификационными) знаками. Постановлением Правительства РФ от 11 августа 2016 г. №787 [6] Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2016 г. №235 было признано утратившим силу и утверждены новые Правила реализации пилотного проекта по введению маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха».

Каковы итоги этого пилотного проекта?

За первый год действия системы маркировки в Республике Беларусь и Российской Федерации (с августа 2016 г. по июль 2017 г.) легальный оборот меховых изделий увеличился относительно аналогичного периода 2015 - 2016 годов в 7 раз. При этом задекларированный импорт меховых изделий в Республику Беларусь и Российскую Федерацию за рассматриваемый период вырос более чем в 1,5 раза [7].

По данным ФТС России в 2017 году было промаркировано порядка 2,3 млн импортных и российских изделий, что позволило увеличить по сравнению с 2016 годом количество задекларированных меховых изделий в 1,5 раза (с 277 до 417 тысяч штук) и как следствие собрать в 1,8 раза больше таможенных платежей. Участниками системы маркировки стали более 9400 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, при этом около 23% участников были зарегистрированы впервые [8].

Вдохновленный такими результатами Совет ЕЭК, в целях повышения интенсивности борьбы с теневым оборотом товаров и более широкого применения системы маркировки Распоряжением от 17 мая 2017 г. №17 «О развитии системы маркировки товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе» [5] создал рабочую группу перед которой была поставлена задача по проработке и согласованию основополагающих подходов и подготовке на их основе проекта Соглашения о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе.

Поставленная задача была выполнена и 2 февраля 2018 года в г. Астана заключено Соглашение о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе [5].

Уже в процессе реализации пилотного проекта, в Российской Федерации начала бурно развиваться, продвигаться и получать юридическое под-

крепление идея формирования национального компонента системы маркировки, который бы характеризовался не только интегрированностью с евразийской, но и одновременно возможностью самостоятельного развития. В последствии данная идея получила международно-правовое подкрепление. Соглашение о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе исходя из возможности самостоятельного введения государствами-участниками на своей территории маркировки товаров не подлежащих маркировке в рамках союза закрепило в статье 7 обязанность государства-участника уведомлять Комиссию о намерении введения такой маркировки, представлять сведения о таких товарах и, если возможно, о средствах идентификации, способах их нанесения на товары и дате введения маркировки товаров.

Началом формирования подобной национальной системы маркировки продукции можно считать подписание 23 января 2015 года Президентом РФ Указа №31 «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту промышленной продукции» [6], в соответствии с которым была образована Государственная комиссия по противодействию незаконному обороту промышленной продукции. К концу 2016 года Комиссией был подготовлена Стратегия по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в Российской Федерации на период до 2020 года и плановый период до 2025 года, утвержденная в последствии Распоряжением Правительства РФ от 5 декабря 2016 г. №2592-р [6]. В качестве одной из основных мер, направленных на противодействие незаконному обороту промышленной продукции, данной Стратегией предусматривалась разработка и внедрение на территории страны системы маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками. Концептуальное оформление данного направления обозначилось утверждением 28 декабря 2018 г. Распоряжением Правительства РФ №2963-р Концепции создания и функционирования в Российской Федерации системы маркировки товаров средствами идентификации и прослеживаемости движения товаров [6].

Параллельно с подготовкой вышеуказанной Концепции начался процесс формирования нормативно-правовых основ функционирования национальной системы обязательной маркировки. По поручению Председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведева от 19 июня 2017 г. №ДМ-П13-3916 был подготовлен и внесен в Государственную Думу проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обязательной маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками в Российской Федерации». Результатом реализации данной законодательной инициативы стало принятие Федерального закона от 31 декабря 2017 г. №487-ФЗ «О внесе-

нии изменений в статью 4.7 Федерального закона «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» и статьи 5 и 8 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [6]. Данным законом была закреплена возможность введения обязательной маркировки не только в рамках исполнения международных обязательств, принятых Россией на себя в силу международных договоров, но и сугубо на национальном уровне, при этом Правительство РФ наделялось полномочиями по введению обязательной маркировки для отдельных видов товаров, утверждению правил обязательной маркировки и определения субъектов, осуществляющих маркировку. Реализуя данное полномочие, Правительство РФ распоряжением от 28 апреля 2018 г. №792-р утвердило Перечень отдельных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации (далее – Перечень) [6].

Еще одним законодательным актом одновременно обеспечивающим интеграцию в Евразийскую систему обязательной маркировки и создание нормативной основы для функционирования национальной системы маркировки продукции стал Федеральный закон от 25 декабря 2018 г. №488-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и статьи 4.4 и 4.5 Федерального закона «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации». Данным законом закреплялись правовые основы создания, внедрения и функционирования государственной информационной системы мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации.

В целях более детальной регламентации отношений связанных с функционированием механизма обязательной маркировки был запущен механизм подзаконного нормотворчества, и в первую очередь со стороны Правительства РФ. Так, были приняты ряд актов Правительства РФ носящих общий характер, т.е. применимых к системе маркировке в целом. Во-первых, Постановление Правительства РФ от 26 апреля 2019 г. №515 «О системе маркировки товаров средствами идентификации и прослеживаемости движения товаров» [6], которым утверждались Правила маркировки товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации и Положение о государственной информационной системе мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации. Во-вторых, Постановление Правительства РФ от 8 мая 2019 г. №577 «Об утверждении размера платы за оказание услуг по предоставлению кодов маркировки, необходимых для формирования средств идентификации и обеспечения мониторинга движения товаров, подлежащих обя-

зательной маркировке средствами идентификации, а также о порядке ее взимания» [6].

Далее, для каждой группы товаров, включенных в Перечень потребовалось принятие системы подзаконных нормативно-правовых актов, как Правительства РФ (например, утверждающих Правила маркировки данной группы товаров), так и федеральных органов исполнительной власти (например, Минэкономразвития России - об утверждении типовой формы договора о подключении к информационной системе мониторинга).

Вглядываясь в то с какой интенсивностью продвигается и воплощается идея маркировки продукции средствами идентификации и мониторинга прослеживаемоости, какой круг товаров она охватывает, возникают вопросы: «Куда мы движемся? Где конечная точка? Не охватит ли данная система весь рынок?».

На наш взгляд стоит обратить внимание на следующие обстоятельства. Маркировка промышленной продукции и мониторинг за ее обращением выступают элементами системы государственного контроля, а значит их распространение на всю продукцию промышленного производства приведет к ограничению оборота всей продукции и введению полного контроля за таким оборотом.

Тотальный контроль за промышленным производством, был характерен для социалистического уклада экономики. Следовательно введение подобного на современном этапе можно представить как возврат к прошлому, реанимацию ранее уже существовавшего.

В последнее время мы часто сталкиваемся с тем фактом, что отдельные ранее существовавшие государственно-правовые явления и институты вновь воссоздаются и обретают «новую жизнь». Такие факты представляют интерес с точки зрения хронодискретного сравнительного исследования и постоянно изучаются научной школой ХМСП.

Теоретико-методологические принципы данной школы были сформулированы еще в 2009 году профессором Алексеем Андреевичем Демичевым. При формулировании данных принципов, им, в частности, было обращено внимание на необходимость анализа временных разрывов [9, 15]. В последующем, было замечено, что в качестве хроноразрыва выступает, как правило, советский период отечественной истории или его значительная часть [10, 15]

В нашем случае привлекает внимание тот факт, что возможный хроноразрыв не вписывается в такое большинство. Поэтому требуется более предметное внимание именно к самому разрыву, а не находящимся по обе стороны от него воплощениям общего. В этой связи хотелось бы отметить интересные выводы сделанные в процессе исследования хроноразрывов

еще одним представителем школы ХСМП К.А. Демичевым. Он указывает, что хроноразрыв в развитии государственно-правовых институтов следует рассматривать с учетом хроноразрыва идеологического и концептуального порядка [11.28].

Обращение к концептуальным, идеологическим корням разрыва в подходе к обращению продукции и контролю за ним показывает, что та идеологическая основа, которая позволяла воплощать и реализовывать концепцию полного контроля за промышленным производством и обращением продукции в советский период не просто отсутствует в настоящее время, но и входит в полное противоречие концептуальными, идеологическими корнями современного экономического устройства.

Социалистическое хозяйствование основываясь на государственной собственности на средства производства и планировании производства концептуально предполагало полный контроль со стороны государства, как собственника, за распределением принадлежащих ему экономических благ.

Закрепляя основы экономической системы социалистического государства Конституция РСФСР [12] устанавливала, что основу экономической системы РСФСР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно - кооперативной собственности (ст.10), руководство экономикой осуществляется на основе государственных планов экономического и социального развития (ст.16).

В соответствии с ГК РСФСР государственные организации распоряжаются сырьем, топливом, материалами, полуфабрикатами, денежными и иными оборотными средствами, а также готовой продукцией в соответствии с целевым назначением этих средств и согласно утвержденным планам (ст.97). При этом гражданскому законодательству вообще не было известно деление имущества на свободно обращающееся, ограниченное в обороте и изъятое из оборота.

Концептуальные подходы к организации современного производства и обращения товаров имеют иную идеологическую основу, что и предопределило возникновение разрыва в системе контроля.

Конституцией РФ в основу экономических отношений были положены такие начала, как единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, признание многообразия форм собственности и их защита равным образом. Гражданское законодательство, регулируя оборот имущества закрепило в качестве общего правила свободное его отчуждение. Ограничение оборота допустимо лишь в силу закона или установленного им порядка.

Таким образом тотальная обязательная маркировка промышленной продукции и мониторинг ее прослеживаемости не вписывается в современную концепцию экономического устройства и не должны слепо вводиться опираясь исключительно на эффективность для достижения целей борьбы с незаконным ее оборотом.

Библиографический список

1. Обязательная маркировка товаров: особенности для интернет-магазинов. Текст: электронный // InSails: [сайт]. – 2019. – 16 мая. URL: https://www.insales.ru/blogs/university/markirovka-tovarov (дата обращения: 02.11.2019).
2. Маркировка товаров в 2019 году: предпринимателей ждут новые расходы. Текст: электронный // Retail.ru: [сайт]. – 2019. – 29 января. URL: https://www.retail.ru/articles/markirovka-tovarov-v-2019-godu-predprinimateley-zhdut-novye-raskhody/ (дата обращения: 02.11.2019).
3. Громов В. Новая система маркировки товаров пока не вышла за рамки эксперимента. Текст: электронный // Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара: [сайт]. – 2018. – 15 января. URL: https://www.iep.ru/ru/kommentarii/novaia-sistema-markirovki-tovarov-poka-ne-vyshla-za-ramki-eksperimenta.html (дата обращения: 02.11.2019).
4. Андреева, Л.В. Правовое регулирование маркировки товаров средствами идентификации в электронной форме // Юрист. – 2019. - №3. С.20-27.
5. Евразийская экономическая комиссия: официальный сайт – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ (дата обращения: 02.10.2019). – Текст: электронный.
6. Официальный интернет-портал правовой информации. – Москва. – Обновляется в течение суток.– URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2019). – Текст: электронный.
7. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О ратификации Соглашения о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе» Текст: электронный // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. – 2018. – 13 июня. URL: http://sozd.parlament.gov.ru/ (дата обращения: 022.11.2019).
8. В ФТС России оценили эффективность проекта по маркировке меховых изделий Текст: электронный // CustomsOnline: [сайт]. – 2018. – 17 января. URL: https://customsonline.ru/4521-v-fts-rossii-ocenili-effektivnost-pilotnogo-proekta-po-markirovke-mehovyh-izdeliy.html (дата обращения: 02.11.2019).

9. Демичев, А.А. Теоретико-методологические принципы научной школы хронодискретного моно-географического сравнительного правоведения // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / Под ред. А.А. Демичева. – Вып. 1. – Н. Новгород, 2009. С. 8-17.

10. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

11. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 22-30.

12. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики // Ведомости ВС РСФСР. – 1978. –№ 15. – Ст.407.

Озманов Нодар Агитович
Ozmanov Nodar Agitovich

Генеральный директор ООО «Юридическая компания «ОзмановЪ», юрист

General director of LLC Law Company Ozmanov, Lawer

Институт несостоявшихся сделок в дореволюционной и современной России

Institute of failed deals in pre-revolutionary and modern Russia

Аннотация. Статья посвящена сравнению института несостоявшихся сделок в дореволюционной и современной России. В рамках сравнительного анализа в статье устанавливается направленность данного института и его назначение для гражданского права.

Ключевые слова: гражданское право, сделка, договор, несостоявшаяся сделка, незаключенный договор

Abstract. The article is devoted to the comparison of the institution of failed deals in pre-revolutionary and modern Russia. As part of a comparative analysis, the article establishes the focus of this institution and its purpose for civil law.

Keywords: Civil law, transaction, contract, failed deal, unconcluded contract

Проблема несостоявшейся сделки в современном российском праве состоит в отсутствии общепризнанного подхода к данному явлению, а также в необходимости установления правового регулирования.

Несостоявшиеся сделки (незаключенный договор) представляют собой возможность квалификации правоотношений отсутствующими, так как не сформирован в завершенном виде юридический факт – сделка как основание возникновения такого правоотношения. Незавершенный юридический факт, не сформированный сторонами полностью, является дефектным юридическим фактом. Назначение данного института состоит в том, чтобы определить возник ли договор как юридический факт в условиях свободы договора и автономности волеизъявления.

В дореволюционном российском праве институт несостоявшихся сделок отмечается в научной литературе при сравнении их с институтом недействительной сделки.

Гражданское законодательство в дореволюционной России относило к несостоявшимся сделкам (незаключенным договорам) также, как и в настоящее время, незавершенный юридический факт. В Своде законов Российской империи в ст.1571 указывалось, что договор признается заключенным, когда договаривающиеся стороны выразили друг другу согласие по тем предметам, о коих, по предложению хотя бы одной из сторон, должно было состояться соглашение. Следовательно, несостоявшейся должна считаться сделка, в которой стороны не достигли соглашения относительно хотя бы одного из условий, по которой должно было состояться соглашение по предложению одной из сторон.

Аналогично Своду законов Российской империи сохранился тот же подход к категории несостоявшихся сделок в Проекте гражданского уложения [12: 29].

В научной литературе дореволюционной России несостоявшиеся сделки рассматривались как отсутствие юридического факта. Так, к примеру, Д.И. Мейер указывает на наличие несостоявшейся сделки в гражданском праве в имперский период [10: 232]. Ученый, отмечая ее правовую природу, указывает, что такая сделка является бессильной в юридическом быту [10: 232]. Г.Ф. Шершеневич отмечает: «недействительная сделка не должна быть смешиваема с несостоявшеюся, когда стороны не пришли к полному соглашению, необходимому для силы сделки» [15: 214]. На несостоявшиеся сделки указывает также Н.Л. Дювернуа раскрывая учение о сделке [5: 75-91].

В плане правового регулирования и воздействия на субъектов в недопущении намеренного создания несоставшейся сделки большое значение придавалось принципу добросовестности и применяемым к субъектам гражданского права последствиям нарушения принципа добросовестности. Более того, научные взгляды ученых того времени, в основном опирающихся на учениях немецких цивилистов, достаточно просторно рассматривающих вопросы автономности волеизъявления субъектов гражданского права, могли поспособствовать в четком определении и квалификации несостоявшихся сделок. К примеру, эти учения позволяют квалифицировать несостоявшиеся сделки на преднамеренно созданные и случайно созданные сторонами. В связи с чем очевидно, что виновное создание несостоявшейся сделки должно повлечь негативные правовые последствия для виновной стороны в виде гражданско-правовой ответственности.

В советский период времени, в период плановой экономики, происходит хроноразрыв в применении несостоявшейся сделки как правового института, на что совершенно справедливо указывает Р.А. Зейналова [6: 22].

В последующем при развитии гражданского оборота цивилисты, как отмечено Р.А. Зейналовой, начали сомневаться в целесообразности применения института недействительности к незаключенным договорам (несостоявшимся сделкам) [6: 22].

Несостоявшуюся сделку (незаключенный договор) в советское время стали выделять И.Б. Новицкий [11: 36], О.А. Красавчиков [9: 113], Н.В. Рабинович [13: 21]. Но, в свою очередь, в советское время против выделения несостоявшейся сделки в качестве самостоятельной выступал В.П. Шахматов [14], В.А. Язев [16: 122, 123] и др. В обосновании данной позиции В.П. Шахматов указывает: «Все «несостоявшиеся» сделки не соответствуют тем или иным требованиям о составе сделки. Поэтом нет надобности говорить в этих случаях о несостоявшихся сделках – все они являются недействительными» [14: 93].

Данный хроноразрыв связан с тем, что в советское время перестал быть востребованным институт несостоявшейся сделки по причине невозможности применения несостоявшейся сделки в рамках плановой экономики. Наличие несостоявшейся сделки могло негативно повлиять на плановую экономику в связи с нарушением договорной дисциплины, которая рассматривалась как необходимость в укреплении революционной законности: охране и укреплению социалистической собственности [1: 35]. По этой причине несостоявшиеся сделки в советское время рассматривали в качестве недействительной сделки.

Временной перерыв в линейном существовании института несостоявшихся сделок связан с тем, что данный институт перестает применяться в праве и остается в виде некоторой идеи в научных трудах. В такой ситуации, как отмечает К.А Демичев, имеется хроноразрыв, поскольку идея может и не прекращать свое существование [4: 27]. При этом идеи о признании несостоявшихся сделок не были востребованы в советское время в силу все тех же вышеуказанных причин [3: 14].

С переходом к рыночной экономике и принятием первой части Гражданского кодекса Российской Федерации судебная практика стала неоднозначно подходить к ситуациям по несостоявшимся сделкам. В одних случаях такие сделки признавались как несостоявшиеся (незаключенный договор), а в других как недействительные. Данная проблема имеет существенное значение в судебной практике, в частности именно для решения этой проблемы и единообразия судебной практики Высшим арбитражным судом было принято Информационное письмо от 25 февраля 2014 г. № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договора незаключенным».

Хотя в дореволюционной России и выделяли несостоявшиеся сделки, но раскрывают их только как сделки, по которым не достигнуто соглашение по существенному для сторон условию. Исходя из положений ст. 6 Проекта Гражданского уложения [12: 29] можно заметить, что предполагается возникновение незаключенного договора также по причине несоблюдения формы договора.

Кроме этого, практика признания сделок несостоявшимися не была обширной в дореволюционной России, так как по наиболее значимым — экономическим сделкам, купцы при взаимоотношении придерживались добросовестности и старались создать доверие к себе. Поскольку должники дорожали верой в данное им слово, они не желали поступать недобросовестно, чтобы не утрачивать доверие как в других, так и в будущих обязательствах. Оценивая обязательства в таком ракурсе дореволюционное право именовало кредитора верителем, то есть лицом, оказавшим доверие должнику. Верителем именовался любой кредитор не зависимо от того, была ли сделка фидуциарной или нет.

В настоящее время, как отмечается исследователями-авторами концепции развития гражданского законодательства, незаключенный договор стал инструментом недобросовестных контрагентов для избегания исполнения обязательств [8]. В связи с чем в научной литературе стал остро обсуждаться данный вопрос. В судебной практике появилось множество разных ситуаций по признанию сделок несостоявшимися, что объективно потребовало от науки и практики разъяснения по квалификации и разграничении этих ситуаций.

При этом неоднозначность в квалификации ситуации и отсутствие полноценного подхода приводит на практике к таким проблемам, что истец не может определиться с основанием и предметом иска, не знает какой способ защиты гражданских прав использовать. В.А. Кияшко пишет, что по одним делам, при подаче иска по требованию о взыскании долга по договору, суды, признавая договор незаключенным, удовлетворяют иски в размере суммы долга без взыскания денежных средств как мер договорной ответственности, по другим отказывают в таком иске полностью на том основании, что иск заявлен по другому предмету и (или) основанию [7: 145, 146].

Проблема несостоявшихся сделок, состоящая в отсутствии единого подхода в теории гражданского права, а также вынесения противоположных судебных решений по одним и тем же искам потребовала детального регулирования общественных отношений в данной сфере.

В первоначальном варианте разработчиками концепции гражданского законодательства, помимо правила, закрепленного в п. 3 ст. 432 ГК РФ, предлагалось возможность признания договора незаключенным только по

причине несогласования предмета договора, а при несогласовании других существенных условий суду предоставлялось право с учетом баланса интересов сторон, исходя из требований разумности и справедливости определить недостающее существенное условие договора [2: 309, 310].

Как видно из положений предложенных, но не вошедших в ГК РФ норм о незаключенном договоре, они противоречат целому ряду положений о договоре и сделках. Во-первых, введение такой нормы противоречило бы положениям свободы договора, поскольку в такой ситуации необязательный для заключения договор стал бы возникать по принуждению суда. Во-вторых, такая норма противоречила бы положению об обязательности соблюдения формы договора для признания договора заключенным.

Решение данной проблемы, как нам видится, кроется не только в должном правовом регулировании. На государственном уровне должна быть повышена культура предпринимательства. Предприниматели должны понимать значение оказанного им доверия, не поступать недобросовестно против контрагентов с целью дальнейшего получения доверия от других контрагентов, думать о собственной деловой репутации в бизнесе.

Библиографический список

1. Венедиктов, А. В. Договорная дисциплина в промышленности / А. В. Венедиктов. Л., 1935. – 212 с.

2. Витрянский, В.В. Реформа гражданского законодательства: промежуточные итоги. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2018. – 528 с.

3. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

4. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 22-30.

5. Дювернуа, Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т.2: Учение о вещах. Учение о юридической сделке / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. – 320 с.

6. Зейналова, Р.А. Незаключенность гражданско-правового договора: проблемы теории и практики: дисс. … к.ю.н., Иркутск, 2018. – 197 с.

7. Кияшко, В.А. Несостоявшиеся сделки: очерк законодательства, теории и правоприменительной практики. - СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2007. – 238 с.

8. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: справочно-правовая система (дата обращения 26.10.2018).

9. Красавчиков, О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2-х т. Т. 2 / О. А. Красавчиков. М., 2005. – 494 с.

10. Мейер, Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е испр.. М.: «Статут», 1997. – 455 с.

11. Новицкий, И.Б. Недействительные сделки // Вопросы советского гражданского права. Сб. 1 / под ред. М. М. Агаркова. М-Л., 1945. – С. 31-73.

12. Проект Высочайшее учреждение Редакционной Комиссией Гражданского Уложения. Санкт-Петербург, 1899.

13. Рабинович, Н.В. Недействительность сделок и ее последствия / Н. В. Рабинович. Л., 1960. – 171 с.

14. Шахматов, В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные им последствия. Издательсво Томского университета. Томск – 1967. – 311 с.

15. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т.1. – М.: Статут, 2005. – 461 с.

16. Язев, В.А. О применении ст. 130 ГК РСФСР к договорам, заключаемым к хозяйственным органам // Правоведение, 1960, № 3. – С. 121-123.

Соболева Мария Владимировна
Soboleva Maria Vladimirovna

старший преподаватель кафедры криминалистики,
Нижегородская академия МВД России

Senior Lecturer of Criminalistics Department
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Особенности развития платных медицинских услуг в Российской империи и Российской Федерации: хронодискретный анализ

Features of the development of paid medical services in the Russian Empire and the Russian Federation: chrono-discrete analysis

Аннотация. В статье на основе методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения рассматриваются вопросы, касающиеся развития нормативно-правовой базы регламентирующей платные медицинские услуги в Российской империи и современной России.

Ключевые слова: нормативно-правовое обеспечение, платные медицинские услуги, частная система здравоохранения, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение

Annotation. Based on the methodology of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence, the article deals issues related to the development of the legal framework governing paid medical services in the Russian Empire and modern Russia.

Keywords: legal support, paid medical services, private health care system, chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence.

Социально-экономическая ситуация в России за последние десятилетия претерпела серьезные изменения, которые не могли не отразиться на системе здравоохранения. Появились предпосылки для развития частной медицины, что нашло поддержку со стороны государства. За последнее десятилетие наблюдается значительный рост доли медицинских услуг, оказываемых на платной основе. В советский период отечественной истории здравоохранение было сферой деятельности, которая наиболее строго регу-

лировалась государством, финансирование осуществлялось за счет государственных доходов, в рамках государственных планов социально-экономического развития. Практически все медицинские работники находились на службе у государства, которое обеспечивало снабжение медицинских учреждений.

Широко распространенная частная (вольная) практика, охватывающая хронологический период существования Российской империи, в советский период трактовалась властями как пережиток капиталистической системы, противоречащий основным принципам правильной организации здравоохранения.

В связи с этим советский период отечественной истории предстает перед нами как хроноразрыв, т.е. временной разрыв, характеризующий специфику линейного существования платных медицинских услуг [10:15, 14:23].

Таким образом, представляется актуальным проведение хронодискретного моногеографического сравнительно-правового исследования в рамках правового регулирования платных медицинских услуг в Российской империи и Российской Федерации. На наш взгляд, такое исследование имеет как теоретический, так и практический интерес. Первый обусловлен недостаточной разработанностью указанной тематики в историко-правовой литературе. Второй позволит на основе обобщения исторического опыта выявить существующие недостатки в правовом регулировании в сфере охраны здоровья граждан и сформулировать практические рекомендации по совершенствованию законодательства Российской Федерации в указанной области.

История российской медицины насчитывает более одиннадцати веков, однако вопрос о начале медицинского дела в России остается открытым. Анализ дошедших до нас источников свидетельствует о том, что в X–XVII вв. в Российском государстве существовало три принципиально разных направления медицинской деятельности: народная, монастырская и светская.

Народная медицина была тесным образом связана с языческими традициями и базировалась на обрядах и традициях. В Изборнике Святослава 1073 г. сказано: «Егда бо ти детищь болить, то ты чародеиць иштеши» [9:16]. Христианская церковь, ведя ожесточенную борьбу с народными целителями, очищая искусство врачевания от ритуалов и приемов ведовства, осуществляла надзор за лечцами, содержала богодельни и больницы, принимала людей неимущих. Такие принципы работы благотворительных и медицинских учреждений, установленные уставом, действовали вплоть до XVIII в. Были в древнерусском обществе и образованные иностранные светские врачи. Оказанная ими медицинская услуга всегда оплачивалась, при чем,

сумма оплаты была достаточно большой, что было зафиксировано со ссылкой на летописные источники известным историком медицины М.Б. Мирским [22:28].

В период существования Московского государства XVI-XVII вв. основные законодательные акты такие как, Судебник Ивана III 1497 г., и составленный на его основе в 1550 г. Судебник Ивана IV, Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года не регулировали платные медицинские услуги.

Создание Воинского (1716 г.) и Морского уставов (1720 г.), Указ об учреждении аптек (1721 г.) послужило отправной точкой в формировании государственного характера медицины. Прослеживается попытка не только законодательно установить правила оказания безвозмездных медицинских услуг для военнослужащих, но также обозначить и рамки услуг платных. В пункте 5 главы 33 Воинского устава говорится, что венерические заболевания, а также увечья от произвольных драк лечатся платно в зависимости от обстоятельств дела и ранга офицера [29:246]. Таким образом, законодательство лишь упоминает определенные обстоятельства, при которых медицинская помощь оказывалась за плату, речь не идет о регулировании платных медицинских услуг.

Указ об учреждении в городах аптек 1721 г. содержал ряд нормативных актов, регулирующих оказание помощи гражданскому населению. По Указу в городах необходимо было создать госпитали для лечения бедных людей [24:412]. Деятельность частнопрактикующих врачей в отношении платы за медицинские услуги, категорий больных в зависимости от сословия и уровня материального достатка указом не регламентировалась. Он определял условия ведения медицинской деятельности и критерии подготовки врачебного персонала.

Первым указом, регламентировавший платные медицинские услуги в Российской империи, стал Сенатский указ 1754 г. «Об учреждении школы в Санкт-Петербурге и Москве для обучения повивальному искусству; о снабжении в сем искусстве бабками под именем присяжных». «Присяжные бабки» за помощь в родовспоможении в зависимости от квалификации получали годовое жалование от 150 до 300 руб. в год. Сами роженицы производили оплату за услуги в Медицинскую канцелярию. Плата являлась необходимым условием оказания медицинской помощи и была обязательной для всех категорий населения: «какое чинить награждение бабкам за труд их в освобождении роженицы, при том приложено расписание и чтоб все и каждой заплатить имел без отговорок». Размер денежного вознаграждения определялся по рангу женщины или ее супруга. Указ сочетает в себе императивные нормы права, устанавливающие

юридические обязанности субъекта и диспозитивные, позволяющие выбор вариантов правовых отношений [25:56].

Сложная совокупность внутренних и внешних политических и экономических процессов начала XX века привела к событиям Февральской революции 1917 г., которые коренным образом изменили российскую правовую систему, затронув медицинское законодательство.

После Октябрьской революции 1917 г. была проведена реорганизация медицинского дела. В 1919 г. советская власть поставила вопрос о полном уничтожении платных услуг в сфере здравоохранения. Однако в период НЭПа частные клиники и аптечная сеть все еще существовали. Декретом Народных Комиссаров от 14 декабря 1921 г. бесплатное обеспечение лекарствами и перевязочными материалами сохранилось только по рецептам врачей советских больниц и амбулаторий, а при обращении к частнопрактикующим врачам обеспечение лекарствами производилось только за плату. Лишь постепенно происходил перевод части аптек на хозрасчет под руководство фармацевтических подотделов [26:167]. Таким образом, как справедливо отметил А. А. Демичев, период НЭПа, весьма неоднозначно может быть рассмотрен с точки зрения ХМСП и представляет интерес, как с позиции хроноразрыва, так и отправной точки хронодискретного исследования [12:15, 14:63].

В период существования СССР законодательно право граждан на платные медицинские услуги обозначено не было. Советский период был промежутком времени, где здравоохранение было сферой деятельности, которая финансировалась за счет государственных доходов. Впервые в Конституции СССР 1936 г. статья 120 закрепила право граждан на материальное обеспечение в случае болезни и потери трудоспособности. Широкое развитие социального страхования рабочих и служащих за счет государства гарантировало доступ трудящихся к бесплатной медицинской помощи. В соответствии с постановлением СНК СССР от 23 марта 1937 г. бюджет государственного социального страхования освобождался от расходов на медицинское обслуживание. Финансирование здравоохранения было возложено на государство.

После длительного перерыва платные медицинские услуги вновь получили законодательное оформление с принятием Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны граждан в Российской Федерации» (далее - Основы). В настоящем законе впервые дается четкое определение медицинским услугам (ст. 2 Основ).

Следует отметить, что до принятия данного закона существовали нормативные правовые акты, которые отражали некоторые вопросы порядка оказания платных медицинских услуг, но не в полной мере. Например, Гражданский кодекс Российской Федерации, в котором однозначно трактуется меди-

цинская деятельность как оказание услуг (ст. 779 ГК РФ); Федеральный закон «О защите прав потребителя» закрепляет право граждан на защиту своих интересов; Постановлением Правительства РФ от 13 января 1996 г. № 27 утверждены Правила предоставления платных медицинских услуг медицинскими учреждениями. Таким образом, до принятия Основ специального правового регулирования платных медицинских услуг не существовало.

Рынок платных медицинских услуг в период с 1990 г. формировался путем легализации теневых платежей медицинским работникам. Сегодня статья 84 Основ устанавливает право граждан на получение платных медицинских услуг, предоставляемых по их желанию при оказании медицинской помощи.

Таким образом, обосновав границы и содержание временного разрыва, нам предоставляет возможность использовать при изучении особенностей развития законодательства о платных медицинских услугах методологию хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [11:24]. При этом необходимо учитывать принцип сопоставимости. В настоящее время с позиции данной методологии изучаются не только различные отечественные институты (мировой суд [17, 19, 20], суд присяжных [4, 18], адвокатура [33], прокуратура [23], также институт несостоятельности (банкротства) [2] и др.), но и явления [7, 13, 27], идеи [16, 32] и концепции [15].

Сравнение правового регулирования оказания платных медицинских услуг в Российской империи и Российской Федерации позволит выявить черты сходства и различия.

Отличительной особенностью развития медицинского законодательства периода XVIII-XIX вв. является то, что законодательное обеспечение здравоохранения на государственном уровне было направлено прежде всего на поддержку малообеспеченных, социально незащищенных слоев населения.

Незавидное положение городского здравоохранения привело к тому, что в 1767 г. Екатерина II учредила Законодательную комиссию, задачей которой было реформирование больничного дела. В результате многолетней деятельности комиссии в 1775 г. для помощи бедным больным и другим нуждающимся была создана новая система в виде Приказов общественного призрения – орган, должный осуществлять социальную поддержку неимущему городскому населению. В указе в главе XXV «О приказе общественного призрения и его должности» в разделе А «Как поступать в приеме и содержании больных» в пункте 9 определены категории пациентов, получающие бесплатную и платную медицинскую помощь. «Безденежно» ей пользовались малоимущие граждане «всякого звания». Остальные категории пациентов, именованные, как «прочие» и «господские служители» обслуживались за «умеренную» плату [5:172-174].

Первая половина XIX в. ознаменовала собой качественно новый этап формирования правовой регламентации в сфере здравоохранения. Врачебный Устав XIX века может считаться примером первого и до настоящего времени единственного кодифицированного медико-правового документа, предоставляющего исторический пример правовых решений в области организации оказания медицинской помощи социально незащищенным и малоимущим слоям населения. Так, были закреплены следующие нормы о вознаграждении за врачебный труд: «запрещается врачам, получающим от правительства жалованье, требовать платы за труды свои от неимущих больных, находящихся в порученных надзору их части города, уезде или ведомстве или же от других платы, свыше определенной законом (ст. 269 Устава Врачебного, издания 1905 г.). В случае неисполнения сего врач подвергается в первый раз строгому выговору, во второй — лишению мест своих» (ст. 876 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, издания 1885 г.).

Примером также может служить Устав частной лечебницы, учрежденной врачом З.М. Цейтлиным в г. Ростове-на-Дону, где было прописано, что неимущие больные освобождались от оплаты, как за врачебный совет, так и за медицинскую помощь, что отличает от порядка предоставления современных медицинских услуг в частных клиниках сегодня [31:2].

Также, следует указать на наличие такой социальной программы, направленной на оказание медицинской помощи малообеспеченным слоям российского населения, как медицина приказов общественного призрения, наметившейся наиболее отчетливо во второй половине XIX в. Наиболее полно упорядочивал деятельность приказов общественного призрения Устав общественного призрения 1857 и 1892 гг., содержащий перечень лиц, которые могли лечиться в больницах приказов общественного призрения бесплатно.

Общественная и частная благотворительность сыграла чрезвычайно важную роль в социальной жизни нашей страны. Со второй половины XIX века был организован ряд благотворительных обществ, работа которых заключалась в оказании помощи нуждающимся. Одно из крупнейших обществ было организованно в 1882 г. «Общество попечения о бедных и больных детях», так называемый Синий крест [6:335-351].

Одним из самых ярких событий второй половины XIX в. в России стало развитие медицинского сообщества. Врачи разделяли идею сближения интеллигенции с народом. В пореформенной России активная часть сообщества была вовлечена в общее течение революционного движения. В 1904 г. IX Пироговский съезд высказал глубокое убеждение, что успешная борьба с «народными болезнями» «возможна только на почве социальных реформ» [28:49]. Однако, активное участие «пироговцев» в революционном движении привело к их массовым репрессиям со стороны правительства. События

1905 г. привели к имущественной и социальной дифференциации врачей и, как следствие, к политическому расколу в медицинском обществе.

Вместе с тем следует отметить, что дореволюционная медицинская организация имела в некоторой степени характер несправедливости: «медицина получше – для богатых, похуже – для бедных».

Относительно порядка установления цен на медицинские услуги, то нормативная база государственных Указов XVIII в. не содержала точных предписаний о размере вознаграждения за медицинские услуги. Впервые указание на конкретную сумму оплаты работы врача появляется в «Уставе всем ведомства Государственной Медицинской Коллегии Докторам, Лекарям и повивальным бабкам» 1789 г. Государство обеспечивает правовую базу тарификации медицинских услуг согласно материальных возможностей пациента, приема на базе клиники или выезда на дом, места выезда относительно городской черты. Размер оплаты в Уставе прописан для малоимущих больных, желающих получить помощь не в общем для людей своего социально-экономического статуса порядке, а в пределах полномочий вольнопрактикующего врача. Частной практикой могли заниматься врачи, находящиеся на государственной службе и свободные специалисты, в основном иностранцы. Для материально обеспеченных больных тарифы на медицинские услуги не были утверждены, однако докторам от желающих изъявить свою благодарность за оказанную им в болезни услугу не запрещается принимать вознаграждение, превосходящее указанной в Уставе платы. В отношении родовспоможения повивальные бабки, в отличие от службы в государственных больницах, имели право отказать женщине в частном приеме, если находили сумму вознаграждения недостаточной [30].

В отличие от Российской империи, законодательство современной России о платных медицинских услугах не регламентирует порядок определения цен в соответствии с материальным достатком российских граждан.

Следует отметить, что максимальный размер платы за медицинские услуги для малоимущих больных в первой четверти XIX века устанавливался Физикатом – Петербургской врачебной управой и Медицинской конторой в Москве, входившими в состав Медицинской коллегии. Для состоятельных пациентов врачебные гонорары не фиксировались и не ограничивались [6:27].

В то же время Уставы частных лечебниц не содержали указаний о размере платы за прием больных. Так, в Уставе частной лечебницы, учрежденной врачом З.М. Цейтлиным в г. Ростове-на-Дону, плата за лечение и содержание стационарных больных определялось по взаимному соглашению учредителя с больными, при этом «плата за совет приходящим больным должна быть устанавливаема выработанной учредителем и утвержден-

ной местным Врачебным отделением таксой, которая обязательно вывешивается в приемной комнате на видном месте» [31:3].

Также, в современной России постановлением Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006 утверждены Правила предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, согласно которым частные клиники самостоятельно устанавливают цены на платные медицинские услуги, руководствуясь при этом рыночными механизмами. В бюджетных и казенных государственных учреждениях порядок ценообразования устанавливается органами, осуществляющими функции и полномочия учредителей, при этом самостоятельно определяются цены исходя из суммы затрат на оказание организацией медицинских услуг и содержание имущества учреждения по основным видам деятельности. Таким образом, на сегодняшний день не существует единого механизма ценообразования платных медицинских услуг для государственных медицинских организаций по закону. Безусловно, медицинская помощь не бывает бесплатной, вопрос лишь в том кто за нее платит.

В Российской Федерации формально бесплатный механизм оказания услуг даже в сфере государственного здравоохранения таковым не является, поскольку он может финансироваться третьей стороной: бюджетом, страховой медицинской организацией, фондом медицинского страхования (статья 82 Основ).

Источники финансирования общественного здравоохранения в Российской империи конца XIX - начала XX вв. являлись средства земств, общественных установлений, Правительства, благотворительных организаций и частных лиц. Так, например в 1900-1901 гг. несостоятельному городскому населению Смоленска приходилось обращаться за медицинской помощью в губернскую земскую больницу. Также им оказывали амбулаторную помощь: общество врачей – бесплатно («кто и сколько может пожертвовать в кружку»), благотворительное общество с оплатой 5-10 коп. и Красный крест – с оплатой лекарств по закупочной стоимости [26:21-22].

Гарантия бесплатного медицинского обслуживания для всех граждан должна быть признана наиболее уязвимой [1:19]. Следует отметить, что основной Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан РФ» весьма противоречив. Нормы, закрепленные в нем, фактически открывают дорогу к более широкому распространению платных услуг [3].

Фактор, способствующий распространению платных медицинских услуг в Российской Федерации и Российской империи, общий – недостаточное финансирование государством сферы здравоохранения. В Российской империи XIX в. главный недостаток организации всего медицинского

дела – ведомственная разобщенность. Только в Министерстве внутренних дел вопросами медицины ведали восемь отдельных учреждений. Между тем комиссия по реорганизации врачебно-санитарной части, образованная в 1912 г. под председательством академика Г.Е. Рейна, признала необходимость создания самостоятельного департамента здравоохранения с самостоятельным финансированием. Однако мелкая административная опека оттолкнула медицинское сообщество от проекта, в результате чего положительные аспекты деятельности комиссии не были оценены по достоинству [8:11-23].

В настоящее время с развитием дорогостоящих высокотехнологичных технологий в области медицины становится очевидным, что государство не может обеспечить бесплатность всем нуждающимся абсолютно всех видов медицинской помощи.

Необходимо признать, что деятельность частных клиник в Российской империи характеризовалась тогда и характеризуется в Российской Федерации сегодня более высоким качеством предоставляемых услуг по сравнению с государственными учреждениями. Сегодня на российском рынке медицинских услуг существует достаточно большое количество компаний, которые опережают в своем оснащении многие отечественные клиники. Наблюдается падение спроса на услуги бюджетных организаций здравоохранения. По данным ряда консалтинговых компаний в последнее десятилетие наблюдается снижение доли рынка государственных медицинских услуг и увеличение доли рынка частной медицины [21].

В заключение, проводя историко-правовые параллели между регулированием медицинской деятельности в Российской империи и Российской Федерации, следует отметить, что принятые за последние годы основополагающие законы, регулирующие данную деятельность, с одной стороны, открывают путь к совершенствованию фундаментальной правовой базы здравоохранения, с другой стороны, содержат много пробелов, требуют последовательной работы над целым рядом подзаконных актов. В настоящее время Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны граждан в Российской Федерации» ввел понятийный аппарат, отсутствующий в предыдущих законах.

Правовое регулирование отношений, возникающих при оказании платных медицинских услуг, является комплексным и лежит в разных отраслях права. Несмотря на кажущуюся исчерпывающей законодательную базу, регулирующую все сферы деятельности в медицине, все еще существует множество проблем в практической реализации гарантированных прав на оказание качественных медицинских услуг.

Таким образом, необходимость дальнейшего развития и совершенствования нормативно-правовой базы в этой сфере обусловлена высокой значимостью состояния здоровья для всего общества и каждого его гражданина.

Библиографический список

1. Акопов, В.И. Медицинское право: современное здравоохранение и право граждан на охрану здоровья: учебно-практическое пособие для практикующих юристов и врачей / В. И. Акопов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. – 378 с.
2. Балалаева, Ю.С. Институт несостоятельности (банкротства) в контекстем ХМСП-методологии // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 245-253.
3. Боговская, Е.А., Сергеев, Ю.Д. Модернизация законодательства: проект Закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" // Медицинское право. – 2011. – № 4 (38). – С. 3-10. 4
4. Большакова, В.М. Суд присяжных: хронодискретный российский институт // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 3. – С. 11-14.
5. Благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни имп. Екатерины Вторыя. учреждения для управления губерний Всероссийския империи». – М., 1775. – 215 с.
6. Будко, А.А. История медицины Санкт-Петербурга XIX – начала XX в. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 400 с.
7. Воробьев, А.В. Применение методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения в исследовании социально-политических протестных явлений // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 204-215.
8. Высочайше учрежденная междуведомственная комиссия по пересмотру врачебно-санитарнаго законодательства. - Санкт-Петербург. Т. 10. – 1916. – 1057 с.
9. Герман, Ф. Л. Суеверие в медицине / Д-р Ф.Л. Герман. - Харьков: П.А. Брейтигам, 1895. - 40 с.
10. Демичев, А.А. Теоретико-методологические принципы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Хронодискретное моногеографическое сравнительноеправоведение:

Сб. научн. тр. / Под ред. А.А. Демичева. – Вып. 1. – Н. Новгород: Изд-во «КиТиздат»; НФ МГЭИ, 2009. – С. 7-16.

11. Демичев А.А. Принципы и перспективы развития научного направления «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России – 2016. – № 1 (33). – С. 23-28.

12. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-22.

13. Демичев, А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 2. – С. 22-26.

14. Демичев, А.А. Период нэпа в российской истории через призму хронодискретного подхода // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. - № 3 (43). – С. 62-64.

15. Демичев, К.А. Концепция в сфере частного права как объект изучения научной школы ХМСП // Вестник Нижегородского института управления. – 2018. – № 3. – С. 38-41.

16. Демичев, К.А. Сикхская государственность как идейный конструкт в условиях хроноразрыва // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 25-29.

17. Илюхина, В.А. Вопросы организации мирового суда в России по судебным уставам 1864 г. и современному законодательству: опыт хронодискретного моногеографического сравнительно-правового анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 61-78.

18. Илюхин, А.В. Процесс становления суда присяжных в России с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 95-107.

19. Илюхина, В.А. Требования к мировым судьям в России: хронодискретный анализ // Реформирование судебной системы в России: история

и современность: сборник научных трудов, посвященный 80-летию Нижегородского областного суда. В двух частях. Часть II / под ред. Бондара А.В., Ершова В.В., Журавлѐвой Ю.В., Ярцева Р.В. – Н. Новгород: ПФ ФГБОУВО «РГУП», Издательство «Автор», 2018. – С. 51-57.

20. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Льготы мировым судьям в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 3. – С. 3-7.

21. Минеев, А.Н. Исследования рынка платных медицинских услуг и имиджа медицинской организации // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2017. – № 6 (100).

22. Мирский, М.Б. Медицина России X-XX веков: очерки истории / М. Б. Мирский. – М.: РОССПЭН, 2005. – 631 с.

23. Никонов, В.А. Российская прокуратура во второй половине XIX-начале XX века и конце XX-начале XXI века (сравнительно-правовой анализ): монография / под ред. А.А. Демичева. – Н. Новгород: Нижегородский филиал Московского гуманитарно-экономического института, 2006. – 156 с.

24. Об учреждении в городах аптек под смотрением Медицинской Коллегии, о вспоможении приискивающим медикаменты в Губерниях, и о бытии под надзором помянутой Коллегии госпиталям // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. VI. 1720-1722, № 3811. – С. 412-413.

25. Об учреждении школ в Санкт-Петербурге и в Москве для обучения повивальному искусству; о снабжении столицы и городов испытанными в сем искусстве бабками под именем присяжных // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. — СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. XIV. 1754-1757, № 10.214. – С. 55-57.

26. 15 лет социалистического здравоохранения. 1918-1933 / Отд. здравоохранения, Ин-т социалистического здравоохранения и гигиены Западной обл.; [отв. ред. Р. Е. Абрамович]. – Смоленск: Западное обл. гос. изд-во, 1933. – 211 с.

27. Руденок, К.В. Терроризм в России: ХМСП исследование // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 160-174.

28. Смирнова, Е.М. Медики в годы первой русской революции // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 9. – С. 48-52.

29. Устав воинский // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. V. 1713-1719, № 3006. – С. 203-453.

30. Устав повивальным бабкам присяжных // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. — СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – Т. XXIII. 1789-31 октября 1796, № 16.804. – С. 76—83.

31. Устав Частной лечебницы, учрежденной врачом З.М. Цейтлиным в г. Ростове н/Д: [Утв. 23 окт. 1912 г.]. – Ростов-на-Дону, [1913]. – 7 с.

32. Хужин, А.М. Вина в гражданском праве: ХМСП-исследование // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 4 (36). – С. 45-50.

33. Черепанов, С.И. Корпоративное устройство органов адвокатуры в дореволюционной и современной России в контексте хронодискретного анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 128-143.

Дорош Илья Николаевич[1]
Dorosh Ilya Nikolayevich

студент 333 учебной группы, Нижегородский институт управления – филиала РАНХиГС
Student of 333 study groups of the Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPA

Динамика развития института права собственности на землю в России в контексте хронодискретного анализа

Dynamics of development of the institution ownership of land in the Russian in the context of chronodiscrete analysis

Аннотация В статье с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения автор анализирует процесс развития института права собственности на землю в Российской Империи, СССР и Российской Федерации.

Ключевые слова: собственность, право собственности на землю, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение, хронодискретный институт.

Annotation. In the article from the standpoint of the methodology of chronodiscrete monogeographical comparative jurisprudence, the autor analyzes the process development of institution ownership of land in the Russian Empire, the USSR and the Russian Federation.

Keywords: own, ownership of land, chronodiscrete monogeographical comparative jurisprudence, chronodiscrete institute.

Земельные участки выступают недвижимым имуществом, объектом права собственности и иных вещных прав. «Земля, — как указывает Н.А. Сыродоев, — характеризуется такими исключительными свойствами, как ограниченность, невоссоздаваемость, непотребляемость, неисчерпаемость производительной силы» [3].

Учитывая существование значительного количества научных подходов к осмыслению определения объема вещных прав на землю на различ-

[1] Научный руководитель: Демичев Кирилл Андреевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором аспирантуры Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС.

ных этапах развития российского государства, а также их непосредственное влияние на качество правового регулирования земельных отношений в России, изучение указанной темы представляется весьма актуальным.

Исторически к недвижимости относилась земля. Основным признаком иной недвижимости считалась неразрывная связь имущества с конкретным земельным участком, на котором это имущество расположено. Разрушение или перенос имущества на другой земельный участок означает, что «юридически происходит разрушение недвижимости на одном земельном участке и возникновение ее на другом» [2:223].

Земельный участок является особым объектом экономического оборота и правовых отношений в силу своих природных качеств, свойств, функций и роли в жизни общества. В процессе исторического развития претерпевали изменения системы, виды и формы землепользования, соответственно изменялись и вещные права на земельные участки.

В настоящее время в современной юридической науке все больше начинает использоваться хронодискретный моногеографический сравнительный анализ различных российских институтов [5, 7]. Одним из таких является институт права собственности на землю. Мною будут выделены и рассмотрены с помощью хронодискретного анализа несколько этапов в его развитии. Во-первых, XIX - начало XX века, как наиболее знаковые в развитии и становлении дореволюционного отечественного законодательства. Во-вторых, период НЭПа [6]. В-третьих, отношения собственности на временно оккупированных территориях РСФСР, УССР и БССР во время Великой Отечественной Войны. И в-четвертых, трансформация законодательства о собственности на землю в годы «перестройки» и его развитие в постсоветский период.

В начале XIX века в России была начата серьезная работа по систематизации законодательства, прежде всего в области гражданского. К примеру, был разработан проект Гражданского уложения, он включал 3 части («Об имуществах», «О договорах», «О праве личном»).

В середине XIX века в законодательстве было найдено отражение некоторых форм собственности. Например, определенные нормы о землях промышленности содержал Устав промышленный 1832 года [3:38], он регулировал правовое положение мануфактур, заводов, фабрик. Статья 5 Устава различала государственные и частные промышленные заведения. Последние могли подразделяться на находящиеся в посессионном владении и в собственности. Сделки с землей и право собственности на землю были урегулированы нормами гражданского законодательства, кроме земельных отношений в крестьянских земельных обществах.

Определяющим периодом на пути перехода к новой системе землевладения и землепользовния стали 60-е годы XIX века. В течение одного десятилетия были законодательно закреплены 3 формы собственности на землю: войсковая, частная и общинная [4:174].

Во второй половине XIX века был кардинально изменен статус «право собственности на землю». С отменой крепостного права крестьянская земельная община стала признаваться субъектом земельных правоотношений, также увеличилось число собственников-крестьян, широкое распространение получила аренда земли [8].

В начале XX в. Россия, несмотря на бурный рост промышленности, по преимуществу оставалась аграрной страной. Известно, что накануне Первой мировой войны национальный доход от сельского хозяйства вдвое превышал доход от промышленности – 4, 6 млрд руб. против 2,3 млрд руб [7; 9:224].

Подъем революционного движения в начале XX в. заставил государственную власть предпринять ряд мер, направленных на расширение возможностей для крестьян стать собственниками земли, поскольку реализация крестьянской реформы с точки зрения расширения количества земельных собственников происходила с большими трудностями, и те результаты, которые имели место в 1860-70-х гг., в начале XX в. уже не могли удовлетворить общество – слишком много уже прошло времени с 1861 г., а ситуация на рубеже X1X-XX вв. практически не изменялась в лучшую сторону. Тогда и был разработан проект аграрной реформы (1906 г.), получившей название столыпинской, поскольку именно Столыпин являлся ее инициатором и он же руководил (до своей гибели) ее реализацией [11: 97]. Основные положения реформы были определены в Указе от 9 ноября 1906 г., а также в ряде других актов по более конкретных вопросам землевладения и землепользования. Суть реформы заключалась в том, что крестьянская семья получала право свободного выхода из сельского общества с получением в собственность выделенного надела, при этом такой крестьянин имел право пользоваться находившимися в собственности сельского общества угодьями, которые не подлежали разделу. Дополнительный стимул выйти из общины имели зажиточные крестьяне, поскольку он сохранял в свое собственности те земли, которыми фактически постоянно владел (если в течение последних 24 лет эти земли не подлежали переделу).

В итоге в результате всех преобразований в Российской империи были сформированы следующие виды земельной собственности: государственные земли («не принадлежащие никому в особенности»); частновладельческие земли; посессионные земли; общественные земли; монастырские земли; майоратные земли (на основе потомственного владения). Дан-

ное разнообразие форм собственности позволило юридической науке выделить новую отрасль права – земельное право, которое прочно заняло свое место в российской правовой системе.

С приходом к власти Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным начинается период хроноразрыва. С укреплением власти большевиков само понятие частной собственности уходит в небытие и на ее место приходит собственность коллективная.

Говоря об обосновании ленинской идеи о национализации земли, навеянной учением Маркса, которая была обоснована Лениным в конце XIX – начале XX вв., и в итоге получила поддержку российской социал-демократической партии (большевиков), а также значительной части крестьянства, необходимо отметить высокий темп ее материализации. Сначала это было сделано в Декрете «О земле», разработанном эсерами, затем в ряде других нормативно-правовых актах. После обретения монополии на политическую власть земельные нормативно-правовые акты начали отражать только большевистскую позицию по земельному вопросу – земля была объявлена находящейся в государственном фонде, распоряжаться которым имели право только местные органы советской власти. Был запрещен наемный труд, особо был выделен приоритет форм землепользования, предусматривающих коллективную обработку земли. Данные принципиальные положения использовались вплоть до распада СССР.

В дальнейшем советское земельное законодательство получило развитие в сторону либерализации, данный факт стал следствием протестных выступлений крестьян против навязывания коллективных способов ведения хозяйствования, как противоречащим устоявшимся традициям в сфере крестьянского хозяйства, где в приоритете было общинное землепользование, сочетаемое с единоличным хозяйствованием. Данный подход был вписан объявленную большевиками НЭП и был отражен в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. В нем, несмотря на провозглашенный запрет частной собственности на землю и отнесение всей земли к собственности государства, крестьянам был предоставлен выбор форм землепользования. Однако, при этом акцент был сделан на организацию земельных обществ, в рамках которых осуществлялось самоуправление по многим вопросам землепользования.

Соответственно крестьяне могли вести как коллективные, так и единоличные хозяйства. После сворачивания НЭП признанной элементом переходного процесса советского государства, в деревне началась принудительная коллективизации сельского хозяйства.

Во время ВОВ подходы к регулированию имущественных отношений в разных оккупированных немцами регионах существенно отличалось. Если

в Прибалтике на протяжении 1942-1943 гг. около 2 млн. крестьян опять стали собственниками земли и восстановили свое единоличное хозяйство, то в оккупированных районах России изменения чаще всего ограничивались увеличением индивидуальных крестьянских земельных наделов при сохранении колхозных структур; в Белоруссии, которая играла второстепенную роль в производстве и поставках сельскохозяйственной продукции для Германии, колхозы были ликвидированы и возобновлена частная собственность на землю; на Украине же немцы воздержались даже от наименьших попыток деколлективизации, опасаясь какими-либо резкими изменениями дезорганизовать сельскохозяйственное производство, в продукции которого Германия так остро нуждалась.

12 февраля 1942 г. А. Розенбергом было подписано, а 26 февраля 1942 г. немецкой администрацией был обнародован аграрный закон, громко названный «новым аграрным порядком», которым отменялось все советское законодательство в этой сфере. Закон аннулировал «Примерный устав сельскохозяйственной артели» и устанавливал три формы землепользования: так называемые «общественные хозяйства», «земледельческие товарищества» и индивидуальные хозяйства [12: 35].

В плане реализации этих, в соответствии с новым законом, колхозы превращались в «общественные хозяйства» в составе и в границах бывших колхозов, которые провозглашались незыблемыми и действовали по указаниям оккупационных властей; в них вводилась обязательная трудовая повинность. Вместо прежних названий колхозов большинству хозяйств были присвоены порядковые номера. Формально сохранялся и порядок оплаты по трудодням [13: 36]. Во многих случаях председатели колхозов, правления и их члены, бригадиры, бухгалтеры, счетоводы были оставлены немцами на своих прежних местах [11: 42].

В законе о «земельной реформе» указывалось, что сохранение «общественных хозяйств» является мероприятием временным, связанным исключительно с условиями войны. В изложении авторов закона, «общественное хозяйство» выступало низшей формой землевладения; в будущем оно должно было эволюционировать в направлении к высшей форме - индивидуальному частному землевладению, путь к которому пролегал через промежуточную ступень в виде «земледельческого товарищества».

В разработанном немецкой администрацией уставе «земледельческого товарищества» специально выделялось, что эта форма выступает переходной к единоличному пользованию и владению землей. В соответствии с уставом земельные угодья в «земледельческом товариществе» распределялись между отдельными хозяйствами по установленным нормам; чаще всего такие наделы нарезались на бывших колхозных полях в виде полос. Для

ведения сельскохозяйственных работ хозяйства объединялись в так называемые «десятидворки», в состав которых иногда могло входить и больше чем десять дворов. В эти объединения включались лишь те хозяйства, которые имели не менее чем 2-3 трудоспособных; дворам же, в которых не было трудоспособных или же их было меньше установленной оккупантами нормы, земля отводилась в отдельном порядке.

Третья форма землепользования, определенная «аграрным законом» А. Розенберга, - индивидуальное землевладение - не получила широкого распространения на оккупированных территориях. Вводилось оно, главным образом, в зонах наиболее активного партизанского движения и применялось как вознаграждение за лояльность к оккупационной власти, в частности, за выдачу партизан [15: 41]. «Неблагонадежным элементам» немецкие власти земли не давали, а у «нелояльных элементов» отбирали и то, что у них было.

Говоря о непреодолимом движении истории развития советского государства к его распаду все более активно и все более открыто стали обсуждаться проблемы развития страны. Однако статус земельной собственности был незыблем. На завершающем этапе перестройки ситуация резко изменилась. В сфере земельно-правовых отношений были привнесены определенные нововведения путем предоставления земельных участков в аренду в рамках семейного подряда. Со временем, когда дискуссии были перемещены на площадки парламентов РСФСР и СССР, в первой был принят закон о введении частной собственности на землю.

Говоря о периоде перестройки, в сфере земельно-правовых отношений законодательные акты Советского Союза носили довольно прогрессивный характер. Однако идеологические ограничения коммунистической доктрины помешали дальнейшему развитию отечественного законодательства. Оно было ограничено закреплением норм об аренде земли, а также положением о том, что земля может находиться в пожизненном наследуемом владении.

И главный тезис оставался прежним - земля - это общенародное достояние, она не может быть предметом купли-продажи. Данный такой подход вошел в серьезное противоречие с концепцией правящей элиты РСФСР которая полагала, что страна должна энергично двигаться по пути рыночных отношений.

Начиная с 1991 г. в России наблюдается стремительное развитие земельно-правовых отношений – в соответствии с реализуемой либеральной моделью экономического развития. Это выражается в том, что в издаваемых нормативно-правовых актах земля все более и более приближается к разновидности имущества в гражданско-правовом смысле и, соответствен-

но, для юридических и физических лиц последовательно расширяются их права на приобретение земельных участков в собственность и распоряжение ими, помимо владения и пользования, которые были доступны ранее.

Еще одним необходимым направлением развития земельного законодательства нового государства стала организационно-правовая реорганизация колхозов и совхозов, в которых основные решения принимались трудовыми коллективами. Им предстояло выбрать одну из следующих организационно-правовых форм хозяйственной деятельности:

- товарищества;
- акционерные общества;
- крестьянские (фермерские) хозяйства;
- сельскохозяйственные производственные кооперативы и их объединения с одновременным закреплением имущественных паев и земельных долей за работниками колхозов и совхозов.

Общество положительно приняло новую доктрину земельно-правовых отношений, в рамках которой земля получила статус частной собственности, вернувшись к нему после нескольких десятилетий господства государственной собственности на землю. Эта и другие характеристики земли как экономико-правовой категории нашли отражение в новом, уже постсоветском гражданском и земельном законодательстве [4: 42].

По итогу окончанием хроноразрыва стало восстановление института частной собственности в России в 1990 г. и дальнейшее ее закрепление как одной из форм собственности в Конституции 1993 г. В соответствии с этим мы можем сделать вывод о том, что право собственности на землю является хронодискретным институтом. Изучив нормативную базу в рассматриваемый период, можно сделать следующие выводы: изначально земля выступала в большей степени средством производства, объектом экономических отношений, но постепенно отношение к земле меняется, приоритетным становится рациональное ее использование и бережное отношение к земле, как к природному ресурсу. Что касается права собственности, то с 1917. по 1991 гг. – земля, как и другие природные ресурсы, принадлежала исключительно государству и могла предоставляться частным лицам в пользование. Регистрация права пользования землей появляется с принятием Земельного кодекса РСФСР 1922 г., регистрация права собственности на землю появляется с принятием Земельного кодекса РСФСР 1991 г., с провозглашением многообразия форм собственности и отмены государственной монополии на землю. Институт ограничений прав, в той или иной форме, появляется на протяжении всего рассматриваемого периода, но основное свое развитие и закрепление получил с принятием Земельного кодекса РФ 2001 г.

Библиографический список

1. Устав промышленный 1832 года // Свод законов Российской империи. – СПб. – 1857. – Т. 12. – Ч. 2.
2. Арутюнян, Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1970. – 456 с.
3. Боголюбов, С.А. Земельное законодательство и Концепция развития гражданского законодательства // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 38-47.
4. Горохов, Д.Б. Правовое регулирование сделок с земельными участками: дис. канд. юрид. наук. – М. – 1998. – 199 с.
5. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.
6. Демичев А.А. Период НЭПа в российской истории через призму хронодискретного подхода // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. - № 3 (43). – С. 62-64.
7. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 22-30.
8. Дубровский, С.М. Очерки русской революции: сельское хозяйство / С.М. Дубровский.–1-е. изд. – М., 1923 – 412 с..
9. История крестьянства СССР. История советского крестьянства: в 5 т. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938-1945. – М.: Наука, 1987. – 447 с.
10. Лященко, П.И. История русского народного хозяйства: Науч.-полит. секцией Гос. ученого совета допущено в качестве учебного пособия для вузов / П.И. Лященко. - М.; Л.: Госиздат, 1927. – 518 с.
11. Линьков, Г. Война в тылу врага. - М.: Соцэкгиз, 1956. – 599 с.
12. Сыродоев, Н.А. О соотношении земельного и гражданского законодательства // Государство и право. – 2001. – № 4. – С. 35-40.
13. Русское гражданское право / Синайский В.И.; Редкол.: Долгов А.Г., Ем В.С. - М.: Статут, 2002. - 638 с.

14. Суворов, В.И. Государственно-правовое регулирование земельных реформ в России: проблемы теории и практики. Дис. канд. юрид. наук. – М., 1996. – 166 с.

15. Синицына, Н.И., Томин, В.Р. Провал аграрной политики гитлеровцев на оккупированной территории // Вопросы истории. – 1965. – № 6. – С. 32-44.

Балалаева Юлия Сергеевна[1]
Balalaeva Yulia Sergeevna

курсант 403 учебной группы,
Нижегородская академия МВД России
Cadet of 403 study group
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Институт несостоятельности (банкротства) в период хронодискретной паузы

Institute of Insolvency (Bankruptcy) during the time gap

Аннотация. В настоящей статье автор ставит целью выявление особенностей функционирования института несостоятельности (банкротства) в советский период времени. Автор приходит к выводу, что главной особенностью, из которой вытекают все остальные, является отказ советского законодателя от конкурсного производства, которое было свойственно дореволюционному институту.

Ключевые слова: институт несостоятельности (банкротства), хронодискретная пауза, новая экономическая политика, конкурсное право, конкурсный процесс, должник, конкурсные кредиторы, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

Annotation. In this article, the author sets a goal to find out the peculiarities of Institute of Insolvency (Bankruptcy) during the soviet period. The author comes to the conclusion that the main peculiarity is the refusal of the Soviet legislator from bankruptcy proceedings, which was characteristic of the pre-revolutionary institute.

Keywords: institute of insolvency (bankruptcy), time gap, new economic policy, bankruptcy law, bankruptcy proceedings, debtor, bankruptcy creditors, chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence.

Одним из интереснейших с точки зрения своего исторического развития частноправовых институтов является институт несостоятельности (банкротства), который представляет собой совокупность правовых норм,

[1] Научный руководитель: Демичев Алексей Андреевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС; профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России.

регулирующих общественные отношения, связанные с несостоятельностью (банкротством) юридических и физических лиц, а также с ее (его) предупреждением. Отличительной особенностью данных правоотношений является их субъектный состав. Так, с подачей в арбитражный суд заявления о признании несостоятельности, мы можем говорить о должнике, с открытием производства по такому делу – об арбитражном управляющем, с открытием конкурса – о конкурсном управляющем. Условия и порядок признания должника несостоятельным закреплены в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Итак, в чем же состоит научный интерес при рассмотрении исторического пути института несостоятельности? Ответ довольно прост: в том, что в нашей стране он функционировал не всегда, поэтому может исследоваться в рамках активно развивающегося в юриспруденции нового научного направления – хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения (ХМСП). Понятие и ключевые принципы научной школы были сформулированы профессором А.А. Демичевым [4: 9]. ХМСП-исследование применяется к государственно-правовым институтам, в функционировании которых имеется временной разрыв [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 16]. Полагаем, что восстановление ранее существовавшего института говорит о назревшей потребности общества и государства в нем, а сравнительный анализ двух периодов существования конкретного института позволяет выработать рекомендации по его совершенствованию.

Ранее мы уже говорили о том, что институт несостоятельности можно рассматривать в рамках ХМСП [1: 245]. Зародившись еще эпоху Древнерусского государства, он просуществовал вплоть до коренных изменений, которые принесла Октябрьская революция 1917 года. Постепенная «реанимация» института начинается в 90-е годы XX века, после распада Советского государства.

Советский опыт правового регулирования данных отношений является «извращением» дореволюционных традиций. Ведь в советский период нормы о банкротстве были применимы лишь к юридическим лицам, тогда как в дореволюционной России институт банкротства функционировал для физических лиц и защищал, прежде всего, интересы должника и кредиторов. Советский же законодатель, вводя ранее упраздненный институт банкротства снова в действие, пытался коренным образом «перекроить» его, так как он должен был существовать для обеспечения, прежде всего, общехозяйственных интересов.

Именно поэтому советский период является хронодискретной паузой в историческом развитии института несостоятельности. На него нам бы и хотелось обратить внимание в настоящей статье. Однако для нас интерес

представляет не весь период существования советского государства, а лишь период новой экономической политики, когда происходило стремительное развитие товарооборота, укреплялись и преумножались предприятия ключевых отраслей промышленности. Именно особенности экономики страны в данный период обусловили необходимость возрождения норм о банкротстве. Анализируя период НЭПа через призму хронодискретного подхода, профессор А.А. Демичев говорит о том, что он представляет собой хронодискретную паузу в развитии советских государственно-правовых институтов [3: 62]. Действительно, политический курс, заданный молодым советским правительством, изменился в данный период, что обусловило необходимость в правовом регулировании отношений несостоятельности, то есть в функционировании института банкротства, ранее упраздненного. Однако, еще раз подчеркнем, что он не был тождественен дореволюционному институту.

Опираясь на положения действующих тогда законов (ст. 307-310, ст. 110 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., ст. 266 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 г.) высшая судебная инстанция советского государства реализовывала свою «принципиальную линию» по вопросам несостоятельности. Сущность данной линии заключалась, прежде всего, в безоговорочном отрицании дореволюционных традиций, свойственных институту несостоятельности, а именно в отказе от прежнего конкурсного производства и практики конкурсного управления. Классическое конкурсное право, в становлении которого огромную роль сыграл величайший дореволюционный правовед Г.Ф. Шершеневич [17: 250] и которое составляло ядро отношений несостоятельности, категорически не принималось советской властью. А. Розенберг отмечал, что конкурсное производство «негодно по существу и еще в дореволюционное время представляло из себя настоящую язву тогдашней судебной практики» [14: 197].

Чем же оно было «негодно»? Первая причина – в неограниченных, по мнению идеологов советского права, властных полномочиях конкурсных кредиторов. Мысль о несовместимости их интересов и интересов советского общества была выдвинута Н. Бончковским. Он описывает дореволюционное производство по делам о несостоятельности следующим образом: «вся власть была сосредоточена в руках кучки кредиторов без внимания к интересам должника и, что особенно важно, без малейшего учета общественно-экономических интересов развития производительных сил страны» [2: 1028].

Анализируя нормы «Устава судопроизводства торгового» («Устава о торговой несостоятельности») от 23 июня 1832 г., мы можем привести несколько примеров, подтверждающих мысль Н. Бончковского. Так, в ст. 395

говорится о возможности учреждения по обширным коммерческим и фабричным делам о несостоятельности администрации (управления). Однако законодатель того периода наделяет правом выступить с такой просьбой лишь конкурсных кредиторов, а не должника (ст. 396): «Просьбы об учреждении администраций могут исходить только от кредиторов, а отнюдь не от самого должника». Кроме того, без конкурсных кредиторов не обходились в ситуациях, когда между администраторами возникали какие – либо конфликты по вопросам управления имуществом должника. Ст. 401 гласит, что «в случаях, могущих возникнуть между администраторами недоразумений, они обязываются испрашивать разрешений от наличных кредиторов или от суда». И, наконец, еще один пример, касающийся непосредственно должника. Известно, что одной из отличительных черт дореволюционного законодательства о банкротстве являлась связь денежных и имущественных взысканий с личностью должника, а именно, с его свободой. По общему правилу должник, объявленный несостоятельным, в тот же день подлежал взятию под стражу. В исключительных случаях по единогласному решению кредиторов должник мог быть оставлен на свободе.

Второй причиной неприемлемости норм дореволюционного конкурсного права, можно считать невозможность осуществления качественного контроля над производством по делу, следствием чего являлись «чрезвычайная медлительность процесса, различные злоупотребления, закулисные махинации ловких дельцов, взяточничество, личное обогащение за счет других и т.д.» [14: 197]. Данные негативные последствия были связаны с деятельностью ликвидационных комиссий, которые состояли, главным образом, из кредиторов и отстаивали интересы последних. Поэтому советский законодатель вовсе отказался от учреждения по делу о банкротстве ликвидационных комиссий, допуская лишь в исключительных случаях назначение судом ликвидаторов из числа лиц, не являющихся кредиторами. Причем ликвидаторы должны были отчитываться перед судом обо всех производимых действиях. Анализируя данные изменения, мы можем отметить, что важнейшим достоинством отказа от ликвидационных комиссий была защита интересов должника, а также общехозяйственного результата. Ведь все вырученные от продажи имущества несостоятельного денежные средства теперь аккумулировались не у ликвидационных комиссий и даже не у ликвидаторов, а у суда.

И, наконец, заключительную причину неприемлемости норм дореволюционного права советский законодатель видел в существовании в конкурсном производстве такого понятия, как «категория» («разряд») требования (претензии). Распределение требований по категориям было важно, прежде всего, для определения последовательности их удовлетворения.

Например, Устав о банкротах 1800 года (часть 1, параграф 129) называет следующие категории: церковные долги; долги за службу и работу приказчикам и рабочим; остальные долги. Нужно сказать, что советский законодатель, отрицая само существование таких категорий (разрядов), ничего нового здесь не предлагает. Он использует лишь иное понятие, а именно «очередность» требования. Так, если имеются требования по зарплате и алиментам, то они будут удовлетворяться в первую очередь, в последнюю же очередь всегда будут удовлетворены требования «частных предпринимателей, лиц и учреждений». А. Розенберг объясняет такую очередность «интересами трудящихся и пролетарского государства», частные же интересы кредиторов, занимающие привилегированное положение при «дореволюционных порядках», уходят на второй план [14: 199]. Таким образом, относительно ранжирования требований к должнику советский закон в определенной части преемственен дореволюционным нормам о несостоятельности.

Рассмотренные причины, на наш взгляд, характеризуют лишь некоторые особенности функционирования института несостоятельности (банкротства) в советский период времени, а именно период НЭПа. Напомним, что все эти особенности, с точки зрения советского законодателя выражали негативные проявления конкурсного процесса дореволюционного периода. Именно поэтому мы не можем говорить о функционировании классического института несостоятельности (банкротства) в данный период. Именно поэтому данный период является периодом хроноразрыва или хронодискретной паузой.

Помимо выявленных нами особенностей, в юридической литературе встречаются и другие. Так, Ю.Н Фольгерова [15: 79] выделяет следующие ключевые характеристики отношений несостоятельности советского периода:

1) они существовали исключительно в период НЭПа;

2) они преемственны дореволюционному законодательству о банкротстве. С нашей точки зрения, вопрос о преемственности довольно спорный. С одной стороны, советский законодатель пытался полностью отказаться от дореволюционного опыта правового регулирования отношений несостоятельности, но с другой – мы видим, что некоторые изменения говорят о его заимствовании. Кроме того, об этом говорит законопроектная работа, в результатах которой можно обнаружить преемственные связи;

3) их дифференциация на отношения, субъектами которых выступали:

– частные юридические и физические лица;

– государственные предприятия и смешанные акционерные общества;

– кооперативные организации;

4) дела о несостоятельности рассматривались в порядке особого исполнительного производства, что делало институт банкротства институтом процессуального права.

Приведенные Ю.Н. Фольгеровой характеристики, безусловно, необходимо учитывать при анализе советского периода функционирования рассматриваемого нами правового института. Мы же в нашей статье ставили целью выявить те особенности института несостоятельности, которые вытекают из несовершенства (по мнению советского законодателя) дореволюционного конкурсного производства. Так как его неприемлемость, по нашему мнению, стала «толчком» к разработке новых правовых норм, регулирующих отношения несостоятельности в советском государстве.

Библиографический список

1. Балалаева, Ю.С. Институт несостоятельности (банкротства) в контексте ХМСП – методологии // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 245-252.

2. Бончковский, Н. Способы разрешения несостоятельности и наше право // Еженедельник советской юстиции. – 1924. № 48. – С. 1028-1030.

3. Демичев А.А. Период нэпа в российской истории через призму хронодискретного подхода // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. - № 3 (43). – С. 62-64.

4. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

5. Демичев, А.А. Российский суд присяжных: история и современность: Учебное пособие. – Н. Новгород: НГПУ, 2000. – 104 с.

6. Демичев, А.А. Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Демичев Алексей Андреевич; Нижегородская академия МВД России. – Н. Новгород, 2003. – 55 с.

7. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического

сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 22-30.

8. Демичев, К.А. Сикхская государственность как идейный конструкт в условиях хроноразрыва // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 25-29.

9. Илюхин, А.В. Процесс становления суда присяжных в России с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 95-107.

10. Илюхина, В.А. Вопросы организации мирового суда в России по Судебным уставам 1864 г. и современному законодательству: опыт хронодискретного моногеографического сравнительно-правового анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 61-77.

11. Илюхина, В.А. Требования к мировым судьям в России: хронодискретный анализ // Реформирование судебной системы в России: история и современность: сборник научных трудов, посвященный 80-летию Нижегородского областного суда. В двух частях. Часть II / под ред. Бондара А.В., Ершова В.В., Журавлѐвой Ю.В., Ярцева Р.В. – Н. Новгород: ПФ ФГБОУВО «РГУП», Издательство «Автор», 2018. – С. 51-57.

12. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Льготы мировым судьям в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 3. – С. 3-7.

13. Леонов, А.П. Материальное обеспечение депутатов Государственной Думы: история и современность // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 145-159.

14. Розенберг, А. Несколько слов о несостоятельности // Еженедельник советской юстиции. - 1926. № 7. – С. 197-199.

15. Фольгерова, Ю.Н. Несостоятельность (банкротство) в советском праве: теория и практика / Ю.Н. Фольгерова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. - №4 (1). – С. 79-82.

16. Черепанов, С.И. Корпоративное устройство органов адвокатуры в дореволюционной и современной России в контексте хронодискретного анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 128-142.

17. Шершеневич, Г.Ф. Конкурсный процесс / Г.Ф. Шершневич. – М.: Статут, 2000. – С. 250-255.

Золотова Ольга Игоревна
Zolotova Olga Igorevna

Старший преподаватель, кафедра конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
Senior lecturer, Department of constitutional and administrative law of Kursk state University

Развитие института представителя в гражданском процессе (вторая половина XIX – конец XX вв.)
The development of representative institution in a civil proceeding (second half of XIX – end XX)

Аннотация. Статья посвящена исследованию развития института представителя в гражданском процессе. Автор предлагает периодизацию истории развития данного института во второй половине XIX – конец XX вв.

Ключевые слова: Гражданский процесс, представитель в гражданском процессе, адвокатура, история гражданского судопроизводства.

Annotation. This article is about of the development of the institution of representative in the civil process. The author proposes a periodization of the history of the development of this Institute in the second half of the XIX-the end of the XX centuries.

Keywords: Civil process, barrister, history of civil procedure.

Рассмотрение института представителя в гражданском процессе с позиции хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения, на наш взгляд, важно для формирования правильного и всестороннего понимания и оценки этого института как части системы отправления правосудия по гражданским делам.

Непосредственно данный институт в контексте ХМСП не рассматривался. Однако имеется ряд исследований, посвященных адвокатуре, в которых поднимались вопросы участия адвоката в гражданском процессе[1,2,3, 6,7].

Непосредственно становление института представителя по гражданским делам связано с Судебной реформой 1864 года, именно с этого времени можно исследовать его как самостоятельный институт. Согласно Уставу гражданского судопроизводства 1864 года (далее – УГС) тяжущиеся могли вести дела в суде как самостоятельно, так и через поверенных. Несмотря на то, что поверенные были представлены двумя группами: присяжными и

частными, – законодатель отдавал предпочтение присяжным поверенным. Частные поверенные допускались для ведения дел в мировых судах, а в окружных судах только, если присяжных поверенных было недостаточно в данной местности.

На первый взгляд, такой подход законодателя кажется несколько не верным, т.к. он ограничивает стороны в выборе своих представителей, препятствует формированию конкурентной среды профессиональных юристов по гражданским делам, в целом формированию профессионального сообщества. Однако, если рассмотреть позицию законодателя с точки зрения формирования состязательной модели гражданского судопроизводства, то мысль его становится более понятной.

Суд в этой модели выступает независимым арбитром в процессе. Государство оказывается максимально исключенным из судебного процесса. В условиях, когда в течение долгого времени существовала иная модель гражданского судопроизводства, такая резкая смена вектора требовала создания некоторого контрольного механизма со стороны государства, обеспечения опосредованного контроля над судебным процессом по гражданским делам. Кроме того, чрезмерная свобода в выборе представителей при формировании состязательной модели могла привести к тому, что ими могли стать лица, не обладающие необходимыми навыками, которые не только не помогли бы достичь скорого и правого суда, но и принесли бы вред суду как социальному институту. Установив ограничения по ведению гражданских дел в суде только для присяжных поверенных, законодатель создал своеобразную подушку безопасности для состязательной модели гражданского судопроизводства и судебной системы в целом.

Законодатель стремился подробно регламентировать требования для присяжных поверенных. Данный институт регулировался общими правилами, закрепленными в Уставе судебных установлений (далее – УСУ), а также специальными нормами УГС.

Ст. 355 УСУ устанавливала перечень критериев для лиц, претендующих на присяжных поверенных. Ими не могли быть: 1) лица не достигшие двадцатипятилетнего возраста; 2) иностранцы; 3) объявленные несостоятельными должниками; 4) состоящие на службе от правительства или по выборам, за исключением лиц, занимающих почетные или общественные должности без жалования; 5) подвергшиеся по судебным приговорам лишению или ограничению прав состояния, а также священнослужители, лишенные духовного сана по приговорам духовного суда; 6) состоящие под следствием за преступления и проступки, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния и те, которые, быв под судом за такие преступления или проступки, не оправданы судебными приговорами; 7) исключен-

ные из службы по суду, или из духовного ведомства за пороки, или же из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат; 8) те, кому по суду воспрещено хождение по чужим делам, а также исключенные из числа присяжных поверенных.

Ст. 354 УСУ определяла квалификационные требования для присяжных поверенных. Это могли быть «лица, имевшие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук или о выдержании экзамена в сих науках, если они сверх того прослужили не менее пяти лет по судебному ведомству в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел или также не менее пяти лет состояли кандидатами на должности по судебному ведомству, или занимались судебной практикой под руководством присяжных поверенных в качестве помощников».

Для поступления в число присяжных поверенных были предписаны строгие условия относительно юридического образования и судебной практики. Определение в присяжные поверенные поставлено в зависимость от усмотрения советов присяжных поверенных, а где их нет, от судебных палат. Таким образом, государство берет на себя некоторую ответственность в «способностях и благонадежности» каждого присяжного поверенного [5, С.118]. Вследствие чего, для тяжущихся облегчен и упрощен сам способ определения присяжного поверенного.

Ст. 246 УГС дополнила требования для поверенных. Ими не могли быть: 1) неграмотные; 2) не достигшие совершеннолетия; 3) монашествующие, кроме дел, где они ходатайствуют за свои монастыри и обители, или по поручению монастырского начальства; 4) священнослужители белого духовенства, кроме дел, в которых они ходатайствуют за духовное ведомство или за жен и детей своих, а также за питомцев, находящихся у них на попечении; 5) признанные несостоятельными, до определенного свойства их несостоятельности; 6) ученики, воспитанники, студенты и слушатели, продолжающие учебный или академический курс, пока не окончат его, за исключением дел, в которых они взяли на себя ходатайство вместо своих родителей или братьев и сестер; 7) состоящие под опекой; 8) члены судебных установлений и чины прокурорского надзора, кроме тех дел, в которых они ходатайствуют вместо своих детей, родителей, сестер или жены, если дела производятся не в том суде, в котором они состоят, и не в подведомственных ему местах; 9) отлученные от церкви по приговору духовного суда; 10) лишенные всех прав состояния или всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, равно освобожденные от этих наказаний силой Всемилостивейшего манифеста; 11) лица, которые были преданы суду по обвинению в преступлениях, влекущих за собой потерю

всех прав состояния или всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и имуществ, не оправданы судебным приговором; 12) исключенные из службы по суду или из духовного ведомства за пороки, или из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат; 13) все те, которым ходатайство по делам воспрещено судебным приговором.

В первое время после проведения Судебной реформы было невозможно обеспечить все суды достаточным количеством присяжных поверенных, поэтому законодатель на этот переходный период предусмотрел возможность ведения дел в суде через поверенного, не относящегося к числу присяжных поверенных. Полномочие лицу, не состоящему в числе присяжных поверенных, удостоверялось не иначе, как доверенностью, засвидетельствованным в установленном порядке. В местностях, где введено в действие нотариальное положение, доверенность должна быть засвидетельствована у нотариуса, – там, где нотариусов нет, у мирового судьи. При этом недостаточно засвидетельствования подписи, а требуется засвидетельствование явки доверенности. При засвидетельствовании явки доверенностей нотариус должен был удостоверить, что лицо, выдающее другому лицу доверенность, есть действительно то самое, каким себя именует, что оно имеет законную правоспособность и что доверенность этим именно лицом подписана. Доверенность должна была быть написана на установленной гербовой бумаге, в противном случае прошение оставалось без движения.

Ст. 248 УГС допускала следующие способы удостоверения полномочий присяжных поверенных: 1) доверенностью, засвидетельствованной в установленном порядке; 2) доверенностью, в которой подпись доверителя засвидетельствована мировым или городским судьей, земским начальником, нотариусом, полицией или волостным начальником; 3) словесным объявлением доверителя и поверенного, записанным в журнал суда. Законодатель не совсем корректно сформулировал последний пункт. Полномочия присяжного поверенного удостоверялись занесением в протокол суда устного заявления.

Действие доверенности, выданной для ведения дел в общих судебных местах, не распространялось на ведение дел, производившихся в мировых учреждениях.

По гражданским делам присяжные поверенные могли принимать на себя хождение по делам во всех судебных местах округа судебной палаты, к которой они приписаны. Поверенный, который принял на себя хождение по делу, начавшемуся в округе, в котором он приписан, имел право по желанию тяжущегося продолжать ходатайство по нему во всех судах

до окончательного решения дела, даже, если это было и вне того округа, подчиняясь в таком случае совету поверенных того места, где производится дело.

УГС допускал исключение для частных поверенных в местностях, где было недостаточно присяжных поверенных. При этом полномочия их была ограничена выданным судом свидетельством. По сравнению с присяжными поверенными условия для деятельности частных поверенных были более чем ограниченными.

Частный поверенный мог осуществлять действия только в том суде, в котором это ему разрешено свидетельством. Все же действия, предпринятые им в другом суде, недействительны для его доверителя, независимо от того, предприняты ли они в ограждение или в нарушение его прав.

Институт поверенных является одним из важных для обеспечения гражданского судопроизводства. Особенное значение он приобретает при состязательной модели отправления правосудия по гражданским делам, поскольку в данном случае от активности сторон и их умения вести дело в суде зависит результат его разрешения. Законодатель предусмотрел подробную регламентацию данного института, как общими нормами, изложенными в УСУ, так и специальными, закрепленными в УГС. Большое внимание было уделено требованиям для лиц, могущих представлять интересы сторон в суде. В действительности, после завершения переходного периода поверенными по гражданским делам могли выступать только присяжные поверенные, за профессионализм которых посредством установления жестких квалификационных требований государство брало ответственность.

Создание условий для представления интересов сторон через поверенных позитивно сказывается на процессе: способствует его быстроте, полноте, обеспечивает реализацию принципов диспозитивности, состязательности, органичному сочетанию устного и письменного начал. Но негативно влияет на реализацию принципа всесословного суда, доступности правосудия для широких масс населения. Принимая во внимание, что услуги поверенного подлежали оплате, а также уровень финансовой обеспеченности населения страны в рассматриваемый период, судебная защита реально могла быть обеспечена только для состоятельных групп общества. Сторона, участвующая в состязательном процессе, не обратившаяся за помощью к поверенному, заведомо оказывается в невыгодных условиях. Суд как независимый профессиональный арбитр не мог вмешиваться в процесс в интересах какой-либо стороны процесса, поэтому исход дела в таких условиях был легко прогнозируем.

Законодатель хорошо разработал нормативную базу для функционирования института профессиональных поверенных, которая органично вписывалась в разработанную им же состязательную модель гражданского судопроизводства. В целом, институт представителей в гражданском процессе сохранился в данном виде до начала XX века.

Социальные изменения, вызванные революционным движением начала XX века не могли не затронуть гражданское судопроизводство и институт представителей. Декрет о суде №1 внес одно из самых значимых изменений, которое уже более ста лет определяет этот институт гражданского процесса. Согласно данного акта, представителями по гражданским делам могли быть все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами. В ст. 49 Декрета о суде №1 устанавливалось, что в качестве представителей сторон в гражданском процессе допускались: 1) ближайшие родственники тяжущихся: родители, дети, супруги, братья и сестры и 2) консультанты и представители Советских учреждений по уполномочию руководящих органов.

Положения Декрета дополнила Инструкция Наркомюста от 23 июля 1918 г. Согласно данного акта в качестве правозаступников по гражданским делам допускались лица, состоящие в коллегии правозаступников, а также близкие родственники и представители учреждений, организаций и предприятий. Таким образом, законодатель фактически нивилировал первоначально установленную им в Декрете о суде №1 свободу представительства в гражданском процессе, представителями снова могли быть только профессиональные юристы.

Положение о народном суде 30 ноября 1918 г. устанавливало, что в качестве представителей могли выступать члены коллегий защитников, близкие родственники (родители, дети, супруги, братья и сестры) и юрисконсульты советских учреждений. На членов коллегии защитников возлагалась задача содействовать суду для наиболее полного освещения всех обстоятельств дела, касающихся интересов сторон. Таким образом, законодатель вернул институт представителя по гражданским делам в русло формируемой им следственной модели отправления правосудия по гражданским делам, хотя сохранил свойственный состязательной модели профессионализм данного института.

Следующей вехой в развитии института представителя по гражданским делам является принятие Гражданского процессуального кодекса 1923 года (далее – ГПК 1923 г.). Согласно данного акта, стороны могли вести дела в суде лично или через своих представителей. Представителями сторон могли быть: члены коллегии защитников; уполномоченные профессиональных союзов по делам своих членов; руководители и постоянные сотрудники

коллективов по делам своего коллектива; лица, допущенные судом, разбирающим дело, к представительству по данному делу. Не могли выступать представителями по гражданским делам: а) лица, не достигшие 18-ти лет; б) лица, ограниченные в личных и общественных правах по судебному приговору на все время ограничения; в) лица, состоящие под опекой; г) лица, исключенные из коллегии защитников; д) народные судьи, члены суда, следователи и прокуроры.

Важным нововведением данного акта является то, что законодатель допустил возможность представительства по гражданским делам не только профессиональных юристов. В процессе могли участвовать любые лица, которым стороны доверяли ведение дела в суде, если последний не видел препятствий к этому. Кроме того, законодатель допустил возможность оформления полномочий представителя не только посредством доверенности, надлежаще засвидетельствованной, но и устным заявлением, которое заносилось в протокол.

Представляется, что допущение к представительству по гражданским делам не только профессиональных юристов в данный период объяснялся двумя причинами. Во-первых, общественные реалии 1920-1930-хх гг. не позволяли сформировать новую плеяду квалифицированных юристов в необходимом для гражданского судопроизводства количестве, поскольку дореволюционные юридические кадры в большинстве своем не вписались в новую социальную систему[4, С. 74].

Во-вторых, законодатель в сфере отправления правосудия по гражданским делам формировал следственную модель, которой свойственна активная роль суда в процессе. Так, согласно ст. 5 ГПК 1923 г. на суд возлагалась обязанность стремиться к выяснению действительных фактов и взаимоотношений тяжущихся, не ограничиваясь представленными объяснениями и материалами, он должен посредством предложенных сторонам вопросов способствовать выяснению существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждению их доказательствами, оказывая обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов. Таким образом, юридическая подготовка представителя оказывалась не так важна, суд осуществлял не только функцию арбитра, но и государственного органа, обеспечивающего защиту прав участников гражданского оборота и сторон процесса. В целом, требования законодателя соответствовали социальным реалиям своего времени и вписывались в формируемую модель правосудия.

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 (далее – ГПК 1964 г.) не внес существенных изменений в подход к регулированию института представителя по гражданским делам. Законодатель при-

вел в соответствие нормативную основу с изменившимися социальными условиями. Он сохранил подход, позволяющий любому доверенному лицу представлять интересы стороны в процессе, не только профессиональным юристам, что не противоречило советской следственной модели гражданского судопроизводства.

Следующий важный этап в развитии института представителя по гражданским делам связан с социальными изменениями в России в конце 1980 – начале 1990х гг. Гражданское судопроизводство претерпело существенные трансформации. Прежде всего, законодатель изменил модель отправления правосудия, установив состязательную модель гражданского судопроизводства и минимизировав роль суда в процессе.

Окончательно изменения в гражданском судопроизводстве были закреплены в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации 2002 года (далее – ГПК РФ). Согласно ст. 49 ГПК РФ представителями в суде могли быть дееспособные лица, имеющие надлежащим образом оформленные полномочия на ведение дела. Полномочия оформлялись либо посредством доверенности, либо устным заявлением, которое заносилось в протокол. Законодатель сохранил принятый ранее советский подход к определению лиц, могущих выступать представителями в суде. Несмотря на изменение направления развития гражданского судопроизводства в векторе состязательности институт представителя сохранился в прежнем виде. Однозначно отрицательно такое противоречие формирующейся модели судопроизводства и ее института нельзя оценить. Переход к профессиональным юристам как представителям по гражданским делам требовал соответствующей социальной платформы, достаточно большой корпорации юристов, обеспечивающей работу суда, поэтому законодатель не торопился с приведением в соответствие данного института и модели гражданского судопроизводства.

Развитие института представителя по гражданским делам в период с второй половины XIX – конец XX вв. переживало несколько периодов. Первый – с Судебной реформы 1864 года до Декрета о суде №1 – характеризовался тем, что представителями могли быть квалифицированные юристы, присяжные поверенные. Второй – с Декрета о суде №1 до ГПК 1923 года – несмотря на начало формирования следственной модели отправления правосудия по гражданским делам, представителями по гражданским делам могли быть только члены коллегий защитников, то есть институт представителя по гражданским делам сохранял черты профессионализации. Третий – с ГПК 1923 года до начала 1990-х гг. – представителями по гражданским делам могли выступать не профессиональные юристы, а институт оказался органично вписан в советскую модель гражданского судопроизводства. Четвертый – с начала 1990-х гг. до ГПК РФ 2002 г. – несмотря на формиро-

вание состязательной модели гражданского судопроизводства, законодатель сохранял советский непрофессиональный подход к представителям по гражданским делам.

Кардинальные изменения данный институт постигли в 2019 году. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[] внес изменения в ст. 49 ГПК РФ. Согласно данным изменениям представителями в суде, кроме дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Таким образом, законодатель, спустя более ста пятидесяти лет, снова придал институту представителя по гражданским делам черты профессионализации, и устранил противоречие с моделью отправления правосудия.

Библиографический список

1. Большакова, В.М. Судебные хронодискретные российские институты (историографический аспект) // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения Сборник научных трудов Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС. – 2018. – С. 33-49.

2. Демичев, А.А. К вопросу о сравнимости судебной реформы 1864 г. и судебных преобразований конца XX – начала XXI в. в России // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 7-14

3. Ильина, Т.Н. Роль адвокатуры в оказании бесплатной юридической помощи населению в России в начале XX и XXI века: хронодискретный анализ // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения Сборник научных трудов Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС,. – 2018. – С. 215-222.

4. Ильина, Т.Н., Куксин, И.Н. Отечественная адвокатура на сломе эпох: к вопросу об организации советской адвокатуры в первые годы советской власти // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2017. – № 4. – С. 69-81.

5. Ильина, Т.Н. Частные поверенные как форма организации российской адвокатуры второй половины XIX - начала XX века // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2016. – № 15. – С. 115-128.

6. Трофимова, Н.Н. Сравнительная характеристика требований, предъявляемых к адвокатам в России (на основе законодательства второй половины XIX – начала XX вв. и начала XXI в.) // Хронодис-кретное моно-географическое сравнительное право-ведение: Сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 2. – Н.Новгород, 2010. – С. 139-142.

7. Черепанов, С.И. Адвокатура как хронодискретный российский институт (к вопросу о периодизации истории отечественной адвокатуры) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской ака-демии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 37-42.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ И ИНСТИТУТЫ В ОТРАЖЕНИИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ХМСП

Илюхин Андрей Владимирович
Ilyukhin Andrey Vladimirovich

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

Candidate of Sciences (law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law
Academy of Law and Management of the Federal Service for Execution of Sentences of Russia

Перспективные направления исследований по истории уголовно-исполнительной системы России через призму научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения

Promising areas of research on the history of the penal system of Russia through the prism of the scientific school of chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence

Аннотация: В статье с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения предпринимается попытка провести анализ перспективных направлений научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России. Обосновывается тот факт, что некоторые пенитенциарные институты Российской империи вполне могут получить второе рождение в современной России.

Ключевые слова: хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение, пенитенциарные институты Российской империи, уголовно-исполнительная система Российской Федерации.

Annotation. In the article, from the perspective of the methodology of chrono-discrete monogeographical jurisprudence, an attempt is made to analyze promising areas of scientific research on the history of the Russian penal system. The fact is substantiated that some penitentiary institutions of the Russian Empire may well have a rebirth in modern Russia.

Keywords: chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence, penitentiary institutions of the Russian Empire, the penal system of the Russian Federation.

Становление современной российской государственности сопровождается изменениями во всех сферах общественной жизни. По сути, наша страна становится на те же пути развития, на которых она находилась до октября 1917 г. Все это волей или неволей подогревает интерес к государственно-правовым институтам Российской империи. Более того, направление подобных исследований идет по линии сравнительно-правового анализа государственно-правовых институтов Российской империи и современных российских. Причем в качестве выводов предлагается в определенной степени использовать накопленный опыт вековой давности при развитии современной российской государственности. Конечно же, политико-правовые концепции не могут прямо переноситься в нашу действительность, но все разумное, проверенное временем, может и должно быть использовано.

Под влиянием подобных факторов в России сформировалась и стала активно развиваться научная школа хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [13, 20, 26]. Несмотря на небольшую историю, это научное направление объединило в своих рядах достаточно большое количество участников со всей страны. Основной темой исследования являются хронодискретные институты нашей страны до 1917 г. и в современной России [15, 16, 24, 25]. В этой связи исторический (или сравнительно-исторический) подход позволяет достаточно объективно оценить предшествующие исследования тех или иных социально-правовых институтов и избежать некоторых присущих им недостатков.

С позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения к настоящему моменту уже проведено немало исследований различных институтов, например, судебной реформы 1864 г., в целом [7], и отдельных институтов, в частности. Это и мировой суд [5, 9, 35, 42, 43, 47, 48], и прокуратура [6, 54], и адвокатура [4, 27, 57, 59, 60, 61], и судебные приставы [11], и даже высшие судебные инстанции [36]. Но, в первую очередь, объектом пристального внимания исследователей стал суд присяжных [12, 18, 19, 21, 28, 29, 32]. При этом необходимо сделать оговорку, что, несмотря на длительный хроноразрыв, суд присяжных дореволюционный и современный относится к сравнимым институтам судебных преобразований [14].

Кроме того, в теории хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения уделяется внимание не только институтам, но и концепциям [23]. Следует отметить, что, например, нами специально исследовалась эволюция идеи суда присяжных в России в дореволюционный период [30]. Отдельно изучалась эволюция идеи мирового суда в России [31, 34, 41, 44, 45, 46].

Помимо судебных и смежных институтов активно сравниваются и иные аспекты государственной и общественной деятельности. Так появились исследования, посвященные сравнительно-правовому анализу статуса Государственной Думы в России [51, 52, 53], становлению институтов гражданского общества [8, 17, 19] и др.

С позиции научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения определенный интерес у исследователей вызывает и сравнительно-правовой анализ различных частноправовых концепций и институтов [38, 58].

Более того, в последнее время научная школа хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения шагнула еще дальше. Стали сравниваться принципы и институты не только в отечественном временном континууме, но и проводиться анализ социально-правовых институтов стран постсоветского пространства, например, Российской Федерации и Республики Армения [1, 22, 37, 39, 40, 49].

В этой связи считаем уместным использовать опыт методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения и через призму этой научной школы отметить перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России.

В частности, учитывая политику гуманизации уголовно-исполнительной системы России, возрастает интерес к роли институтов гражданского общества (и в первую очередь традиционных конфессий) в механизме общественного контроля и ресоциализации осужденных в Российской Федерации через призму историко-правового анализа опыта Российской империи [10, 33, 50, 55].

С позиции не столько правового, сколько экономического анализа поднимается вопрос о реанимации ссылки как уголовного наказания с обязательным трудоустройством осужденных [2, 3, 56]. По мнению инициаторов этого шага, среди прочих преимуществ, «применение ссылки (как и других наказаний, не связанных с лишением свободы) снизит государственные расходы, выделенные на содержание осужденных к лишению свободы; крупные города (обычно в Европейской части России), где совершается большая часть преступлений и в которых лица остаются отбывать наказания, не связанные с лишением свободы, будут частично «разгружены» (как и уголовно-исполнительные инспекции этих населенных пунктов, не успевающие контролировать многочисленных осужденных); … с экономической, хозяйственной и иных точек зрения должны быть определены конкретные места (это могут быть как некрупные города с расположенными на их территориях предприятиями, так и небольшие поселения), в которых требуется рабочая сила для их скорейшего развития, или, наоборот, восста-

новления до нормального функционирования..; осужденный будет получать заработную плату, сопоставимую с доходами жителей соответствующего региона, из которой будут производиться удержания в пользу государства», а «высокая заработная плата ссыльных осужденных (в сравнении с лишенными свободы) с учетом надбавок за климатические условия также позволит быстрее погашать ущерб, причиненный преступлением» [56: 18].

Конечно, как отмечает С.В. Архипов «нормативно-правовые основы ссылки как вида уголовного наказания не могут быть прямо заимствованы в современность, однако они могут стать теми идеями, которые подтолкнут отечественное пенитенциарное законодательство и правоприменительную практику к новым стандартам исполнения уголовных наказаний», в связи с чем «возможно более широкое использование колоний-поселений» [2: 145].

Считаем, что эти и другие направления исследований по истории уголовно-исполнительной системы России через призму научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения вполне могут стать перспективными в ближайшем будущем.

Библиографический список

1. Demichev, A., Iliukhina, V. Positivist classification of the principles of administrative proceedings in Russia and Armenia – a comparative legal analysis // Kazan University Law Review. – 2019. – 4 (1). – P. 37-50.

2. Архипов, С.В. Колонизационное значение ссылки в XIX в (историко-правовое исследование): монография. – Рязань: Академия ФСИН России, 2015. – 147 с.

3. Архипов, С.В. Нормативно-правовое обеспечение исполнения уголовного наказания в виде ссылки по Уставу о ссыльных 1822 г. // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 2. – С. 109-112.

4. Большакова, В.М. Адвокатура как институт гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2017. – № 4. – С. 41-44.

5. Большакова, В.М. Мировой суд как институт гражданского общества в России: история и современность // Мировой судья. – 2017. – № 12. – С. 17-20.

6. Большакова, В.М. Прокуратура как хронодискретный российский институт // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 6А. – С. 12-18.

7. Большакова, В.М. Судебные хронодискретные российские институты (историографический аспект) // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой

всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 33-49.

8. Борисова, И.Д., Ошмарин, А.А. Метод хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения в проблеме становления и развития гражданского общества в России // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 191-203.

9. Волосатых, Е.А. Нормативная основа функционирования института мировых судей в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 4 (32). – С. 226-230.

10. Воробьев, С.М., Илюхин, А.В. Опыт взаимодействия территориальных органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний с религиозными организациями: на примере Удмуртской Республики // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26. – № 4. – С. 441-445.

11. Гольцман, Е.В. Требования, предъявляемые к судебным приставам в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 117-127.

12. Демичев, А.А. Институт присяжных заседателей в России: проблемы становления и развития: Монография. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003. – 320 с.

13. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

14. Демичев, А.А. К вопросу о сравнимости судебной реформы 1864 г. и судебных преобразований конца XX – начала XXI в. в России // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 7-14.

15. Демичев, А.А. О перспективах развития хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / Под ред. А.А.

Демичева. – Вып. 2. – Н. Новгород: Изд-во «КиТиздат»; НФ МГЭИ,, 2010. – С. 6-11.

16. Демичев, А.А. Проблемы изучения правовой преемственности в хронодискретных моногеографических исследованиях // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 160-165.

17. Демичев, А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 2. – С. 22-26.

18. Демичев, А.А. Российский суд присяжных: история и современность: Учебное пособие. – Н. Новгород: НГПУ, 2000. – 104 с.

19. Демичев, А.А. Суд присяжных как институт гражданского общества: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2011. – № 2. – С. 24–29.

20. Демичев, А.А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки // История государства и права. – 2010. – № 16. – С. 2-7.

21. Демичев, А.А., Илюхин, А.В. Идея суда присяжных в России: генезис, эволюция, законодательное воплощение (вторая половина XVIII – первая половина 60-х гг. XIX в.): монография. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 256 с.

22. Демичев, А.А., Илюхина, В.А. К вопросу о месте закрепления принципов права в нормативных правовых актах (сравнительный анализ российского и армянского опыта) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 2 (46). – С. 23-27.

23. Демичев, К.А. Идея и концепция как объект изучения хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 3. – С. 13-15.

24. Демичев, К.А. Методологические основы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения и перспективы ее развития в Нижегородском институте управления // Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России. Основные итоги научной работы в нижегородском институте управления в 2017 г. – Н. Новгород: НИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2018. – С. 48-52.

25. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 22-30.

26. Демичев, К.А. Проблемы и перспективы использования методологии ХМСП в востоковедных сравнительно-правовых исследованиях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 67-72.

27. Ильина, Т.Н. Роль адвокатуры в оказании бесплатной юридической помощи населению в России в начале XX и XXI века: хронодискретный анализ // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 215-222.

28. Илюхин, А.В. Ограничение компетенции присяжных заседателей по государственным преступлениям в Российской империи и Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 32-36.

29. Илюхин, А.В. Процесс становления суда присяжных в России с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 95-107.

30. Илюхин, А.В. Эволюция идеи суда присяжных в России во второй половине XVIII – первой половине 60-х гг. XIX вв. (историко-правовое исследование) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Илюхин Андрей Владимирович; Владимирский юридический институт ФСИН России. – Владимир, 2006. – 27 с.

31. Илюхин, А.В., Илюхина, В.А. Становление и развитие идеи института мировых судей в Российской империи и в современной России: сравнительно-правовой анализ // Российское законодательство в современных условиях. Материалы VIII ежегодной Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. П.Н. Кириченко. – Брянск: РИО БГУ, 2010. – С. 131-141.

32. Илюхин, А.В., Илюхина, В.А., Везенова, П.Р. Военный суд присяжных в России как объект хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 427. – С. 201-207.

33. Илюхин, А.В., Смоляров, М.В. Идеи «Наказа» Екатерины II и возможности их рецепции в развитии УИС России на современном этапе // Законодательное и организационное обеспечение реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: материалы научно-практической конференции, г. Рязань, 17 марта 2011 г. / отв. ред. В.Н. Чорный. – Рязань: Академия ФСИН России, 2011. – С. 95-101.

34. Илюхина, В.А. «Основные положения преобразования судебной части в России» 1862 г. об институте мировых судей // Вестник Владимирского юридического института. – 2009. – № 4 (13). – С. 181-184.

35. Илюхина, В.А. Вопросы организации мирового суда в России по Судебным уставам 1864 г. и современному законодательству: опыт хронодискретного моногеографического сравнительно-правового анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 61-77.

36. Илюхина, В.А. Правительствующий Сенат Российской империи и Верховный Суд Российской Федерации как высшая судебная инстанция (сравнительно-правовой анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 37-41.

37. Илюхина, В.А. Принцип законности как основа гражданского общества (на примере законодательства России и Армении) // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 7-10.

38. Илюхина, В.А. Принципы гражданского процессуального законодательства РСФСР (историко-правовой анализ ГПК РСФСР 1923 года и ГПК РСФСР 1964 года) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2019. – № 2. – С. 55-59.

39. Илюхина, В.А. Принципы гражданского процессуального права Республики Армения // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 3. – С. 57-60.

40. Илюхина, В.А. Принципы уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Армения // Уголовное судопроизводство. – 2018. – № 2. – С. 43-48.

41. Илюхина, В.А. Роль юридической общественности в создании института мировых судей в Российской империи (к вопросу об обсуждении «Основных положений преобразования судебной части в России» от 29 сентября 1862 г.) // Мировой судья. – 2016. – № 2. – С. 3-8.

42. Илюхина, В.А. Сравнительный анализ требований к кандидатам в мировые судьи в Российской империи и Российской Федерации // Мировой судья. – 2016. – № 5. – С. 3-7.

43. Илюхина, В.А. Становление института мировых судей в Российской империи и в современной России: опыт сравнительно-правового исследования // Мировой судья. – 2010. – № 4. – С. 7-11.

44. Илюхина, В.А. Эволюция законотворческого процесса в отношении мирового суда в Российской империи // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2019. – № 14. – С. 80-87.

45. Илюхина, В.А. Эволюция идеи мирового суда в отечественной историко-правовой мысли (вторая половина XVII – первая половина XIX века) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 33-38.

46. Илюхина, В.А. Эволюция идеи мирового суда в России во второй половине XVIII – первой половине 60-х гг. XIX вв. (историко-правовое исследование) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Илюхина Вера Алексановна; Владимирский юридический институт ФСИН России. – Владимир, 2012. – 26 с.

47. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Гарантии реализации прав и обязанностей мировых судей в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 7. – С. 16-21.

48. Илюхина, В.А., Волосатых, Е.А. Льготы мировым судьям в Российской империи и Российской Федерации (хронодискретный анализ) // Мировой судья. – 2019. – № 3. – С. 3-7.

49. Илюхина, В.А., Демичев, А.А. Принципы семейного права Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) // Семейное и жилищное право. – 2016. – № 4. – С. 7-11.

50. Илюхина, В.А., Илюхин, А.В. Институты гражданского общества в механизме ресоциализации заключенных в Российской империи (на примере Попечительного о тюрьмах общества) // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом: сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 475-485.

51. Леонов, А.П. Государственная Дума в России как хронодискретный институт // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 126-130.

52. Леонов, А.П. Материальное обеспечение депутатов Государственной Думы: история и современность // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 145-159.

53. Леонов, А.П. Сравнительно-правовое исследование условий приобретения правового статуса депутата Государственной думы Российской империи и Российской Федерации // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2017. – № 18. – С. 135-152.

54. Никонов, В.А. Российская прокуратура во второй половине XIX-начале XX века и конце XX – начале XXI века (сравнительно-правовой анализ): монография / под ред. А.А. Демичева. – Н. Новгород: Нижегородский филиал Московского гуманитарно-экономического института, 2006. – 156 с.

55. Скиба, А.П. Направления развития сотрудничества уголовно-исполнительной системы и традиционных конфессий при исполнении наказаний, связанных с изоляцией от общества // Вестник Югорского государственного университета. – 2018. – № 2(49). – С. 87-91.

56. Скиба, А.П., Родионов, А.В. О реанимации ссылки как уголовного наказания: правовые и экономические аспекты // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 4 (26). – С. 17-21.

57. Трофимова, Н.Н. Сравнительная характеристика требований, предъявляемых к адвокатам в России (на основе законодательства второй половины XIX – начала XX вв. и начала XXI в.) // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. /Под ред. А.А. Демичева. – Вып. 2. – Н. Новгород: Изд-во «КиТиздат»; НФ МГЭИ,, 2010. – С. 139-142.

58. Хужин, А.М. Гражданско-правовая ответственность: ХМСП-исследование // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 225-236.

59. Черепанов, С.И. Адвокатура как хронодискретный российский институт (к вопросу о периодизации истории отечественной адвокатуры) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 37-42.

60. Черепанов, С.И. К вопросу о понятии адвокатуры в Российской империи и Российской Федерации в контексте хронодискретного подхода // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2017. – № 4. – С. 116-127.

61. Черепанов, С.И. Корпоративное устройство органов адвокатуры в дореволюционной и современной России в контексте хронодискретного анализа // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 128-142.

Балалаева Марина Викторовна
Balalaeva Marina Viktorovna

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС

Candidate of Sciences (law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Support of National Security of the Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPA

Административная преюдиция в уголовном праве: ХМСП-исследование

Administrative prejudice in criminal law: HMP-study

Аннотация. В настоящей статье автор ставит целью выявление особенностей генезиса и развития института административной преюдиции в различные периоды существования российского государства, а также возможности осуществления его анализа в рамках ХМСП-подхода.

Ключевые слова: институт административной преюдиции, хронодискретная пауза, советский период времени, уголовная ответственность.

Annotation. In this article, the author aims to identify the features of the Genesis and development of the Institute of administrative prejudice in different periods of the existence of the Russian state, as well as the possibility of its analysis in the framework of the CMP-approach.

Keywords: institute of administrative prejudice, time gap, soviet period of time, criminal liability.

Научная школа хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения, сформулированная доктором юридических наук, профессором А.А. Демичевым в 2009 году [3: 15] включает в себя базовый научный принцип – хроноразрыв, представляющий собой временной перерыв, характеризующий специфику линейного существования отдельного государственно-правового института, какого-либо процесса, явления или идеи. Кроме того, по мнению К.А. Демичева, «специфика этих объектов исследования, в свою очередь, позволяет одновременно поставить вопрос о природе и особенных чертах хроноразрывов, а также о характере воздей-

ствия хроноразрыва на объект после его восстановления» [4: 23]. Ценность данного направления состоит в том, что оно отличается от традиционного метода сравнительного правоведения, позволяет исследователям сделать акцент как на едином географическом правовом пространстве, так и обозначить элементы хронологического разрыва в развитии различных правовых институтов, идей, процессов или явлений («хронос» – время и «дискретность» - разделение, отделение) [1: 246].

Институт административной преюдиции российскому уголовному законодательству был известен достаточно давно. Однако, на некоторое время, ввиду отсутствия общего подхода к конструированию норм с административной преюдиции в уголовном праве, о нем законодатель «забыл», и только в 2011 году в УК РФ была включена уголовно-правовая норма, предусматривавшая ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, совершенную неоднократно (ст. 151.1 УК РФ). Административная преюдиция как институт уголовного права заключается в том, что, если лицо за совершение первого административного правонарушения было подвергнуто административному наказанию и в течении одного года совершит вновь аналогичное деяние, он подлежит привлечению уже к уголовной ответственности, несмотря на размер причиненного им ущерба.

Как же регламентировался данный институт в разные периоды развития отечественного уголовного права, и чем был вызван его временной разрыв? Тот факт, что законодатель неоднократно обращал свое внимание на данный институт уголовного права является ярким свидетельством того, что он является практически востребованным в уголовном праве.

Термин «административная преюдиция» введен в теорию отечественного уголовного права лишь в начале 60-х годов XX века. Вместе с тем анализ правовых источников отечественного уголовного законодательства XI-XIX веков позволил обратить внимание на частые упоминания о наказуемости тождественных общественной опасных деяний, совершенных два или более раза [7: 27]. А.Г. Берзверхов полагает, что впервые усиление юридической ответственности за повторение тождественных преступлений можно увидеть в нормативных правовые актах, датированных XIX веком [2: 46]. Так, например, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года содержало законодательство различных отраслей права, в которых предусматривалось усиление юридической ответственности за совершение правонарушителем тождественных преступлений повторно (ст. 908 «Самовольная раздача хлеба из запасных магазинов или ям»). Усиление юридической ответственности заключалось в применении более жестких наказаний за совершение тождественного преступления повторно. Например, если за

совершение первого преступления правонарушителю назначалось уголовное наказание в виде штрафа, то за второе уже – арест.

На наш взгляд, вряд ли можно согласиться с данной точкой зрения, поскольку в этом случае, речь, скорее идет о неоднократности и повторности совершения преступления, а не о межотраслевом рецидиве, поскольку ответственность за совершение одних и тех же деяний наступает только по уголовному законодательству.

После Уложения 1845 года в истории развития института административной юрисдикции наступает хронодискретная пауза, и только послереволюционное законодательство включает уже административную преюдицию в ее современном виде. По нашему мнению, с точки зрения системности, время действия данного института можно разделить на несколько этапов. Так, первый этап использования исследуемой правовой категории в уголовном законодательстве можно отнести к 1921 году, когда только началось становление административной юрисдикции, как правового института уголовного права. Продолжался первый этап вплоть до принятия УК РСФСР 1922 года. Так, в 1921 году был принят декрет Совета Народных Комиссаров «О порядке наложения административных взысканий», где содержалось огромное количество материальных и процессуальных положений института административной юрисдикции. Безусловно, данный законодательный акт напрямую не устанавливал административную преюдицию, однако, в нем определялся перечень административных наказаний, лиц, их налагающих, процесс их обжалования. Таким образом, Декрет впервые на законодательном уровне выделял административно-правовые отношения в предмете отдельной отрасли, что, собственно, и создавало определенные предпосылки для административной преюдиции.

Необходимо также отметить, что уже в 1921 году административная преюдиция нашла свое отражение в декрете СНК РСФСР «Об ответственности за нарушения декрета о продаже виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин», а именно, в нем содержалось указание на то, что если правонарушитель совершит повторно административное правонарушение, выражающееся в нарушении установленных правил оптовой и розничной торговли вином, первый раз на него будет наложено административное наказание, которое устанавливалось декретом СКН РСФСР «О порядке наложения административных взысканий», а второй – ему грозило уже привлечение к уголовной ответственности. В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод о том, что институт административной преюдиции нашел свое непосредственное воплощение в законодательстве еще до того, как был принят первый Уголовный кодекс РСФСР, что обуславливалось складывающейся экономической ситуацией в стране.

Второй период использования в уголовном законодательстве России института административной преюдиции берет свое начало с принятия первого УК РСФСР в 1922 году, а завершился он с принятием УК РСФСР в 1926 году. Законодательные тенденции данного исторического периода ярко свидетельствуют о желании государства осуществлять всестороннюю защиту экономических отношений. Так, статья 79 УК РСФСР 1922 года устанавливала уголовную ответственность за злостное уклонение от уплаты налогов. Злостным признавалось такое уклонение, которое лицо совершало после применения к нему различных видов административных взысканий.

Прямое закрепление административной преюдиции в уголовном законодательстве состоялось в 1924 году, когда ВЦИК и СНК опубликовал Декрет, в котором статья 139-а УК РСФСР получила новую редакцию. Санкция данной статьи предусматривала уголовную ответственность за повторно совершенные изготовление, продажу, скупку, хранение с целью сбыта и пользование продуктами и изделиями, обложенными акцизными сборами.

С принятием УК РСФСР в 1926 году начинается третий период развития института административной преюдиции. Необходимо подчеркнуть, что именно в этот период в УК РСФСР стало вводиться большое количество уголовно-правовых норм с административной преюдицией. В качестве примера можно привести, например, статьи 85 и 61 УК РСФСР. Так, в статье 61 устанавливалась уголовная ответственность за неоднократный отказ лица от выполнения работ, которые имели общегосударственное значение. Статья 85 УК РСФСР предусматривала уголовную ответственность за повторное нарушение постановлений об охране леса. И в том, и в другом случае, к лицу за совершение первого деяния применялось административное наказание. На протяжении всего периода действий УК РСФСР 1926 года неоднократно в него вводились уголовно-правовые нормы, так или иначе содержащие административную преюдицию, что также являлось свидетельством проводимой в данный период уголовной политики государства.

Четвертый период исторического развития анализируемого института начинается с принятием УК РСФСР 1960 года. Длился данный период почти сорок лет, и характерными особенностями его было то, что, во-первых, в этот период в уголовное законодательство было введено большое количество уголовно-правовых норм, содержащих уголовную преюдицию; во-вторых, расширением сферы общественных отношений, защита которых осуществлялась с применением административной преюдиции; в-третьих, значительным усилением уголовной ответственности за повторное совершение некоторых противоправных деяний (например, за незаконную охоту и транспортные преступления). Принятие в 1984 году Кодекса об админи-

стративных правонарушениях также способствовало совершенствованию анализируемого института, поскольку он достаточно четко разграничивал понятия административного правонарушения и преступления, тем самым способствуя более четкому законодательному установлению административных и уголовных наказаний.

С принятием Конституции РФ в 1993 году институт административной преюдиции перестает существовать, входя в период хронодискретной паузы. Этому способствовало законодательно закрепленное положение в Конституции РФ о том, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же деяние, что явилось единственной причиной отказа законодателя от его использования в УК РФ, вступившего в силу с 1 января 1997 года. С данной позицией законодателя того периода согласиться весьма трудно по нескольким причинам. Во-первых, то, что лицо привлекается за совершение административного правонарушения к административной ответственности, а затем к уголовной «за то же самое деяние» представляется не совсем правильным, поскольку как степень общественной опасности содеянного, так и их юридическая сущность весьма различная. Во-вторых, административное и уголовное наказание в данном случае никак между собой не связаны. Кроме того, состояние административной наказанности, это не уголовно-правовая судимость. Необходимо также отметить, что, УК РФ 1996 года принимался в отсутствие гласности и творческой самостоятельности. В течение 13 лет, а именно с 1996 года до появления в УК РФ в 2009 году первого состава преступления с административной преюдицией (ст. 178 УК РФ), институт административной преюдиции рассматривался как пережиток советского прошлого, что позволяет его анализировать в рамках ХМСП-подхода.

Однако, тем не менее, институт административной преюдиции на некоторое время «исчезает» из уголовного законодательства, хотя по мнению, отдельных ученых аналог института административной преюдиции все же существовал в период хронодискретной паузы. Данная точка зрения основывается на том, что в УК РФ в момент его принятия в 1996 году уже содержались правовые нормы с признаком неоднократности совершения уголовно-наказуемых деяний, что можно рассматривать как «скрытый вид административной преюдиции», к тому же в КоАП РФ существуют «однократные» аналоги рассматриваемых норм [5: 65]. В юридической литературе существует и противоположная точка зрения, согласно которой, признак неоднократности вообще не требует установления административной преюдиции, а факт совершения лицом первого самостоятельного административного правонарушения должен быть в обязательном порядке зафиксирован в процессуальном документе, т.е. совершенному лицом административ-

ному правонарушению должна быть дана индивидуальная административно-правовая оценка [6: 186].

Пятый этап развития института административной преюдиции в уголовном законодательстве начинается в 2011 году с появлением в УК РФ соответствующих уголовно-правовых норм с административной преюдицией. С каждым годом их количество возрастает, что свидетельствует о существовании определенной тенденции в уголовном законодательстве. Конституционный суд РФ в своем Постановлении от 10.02.2017 № 2-п отмечает, что в целях надлежащей защиты конституционно значимых ценностей, законодатель может использовать «составы преступлений с административной преюдицией».

Таким образом, институт административной преюдиции в разные периоды действия уголовного законодательства формировался в зависимости от социально-экономического и политического устройства российского общества. Кроме того, нормы уголовного закона не содержали каких-либо единых критериев, позволяющих придать данному институту логическую последовательность, и зависели от развития иных отраслей права. В настоящее время законодатель при формулировании административной преюдиции в уголовно-правовых нормах весьма непоследователен, что выражается в отсутствии единообразного законодательного отражения. На наш взгляд, в дальнейшем представляется необходимым в рамках ХМСП-подхода осуществление анализа отдельных уголовно-правовых норм, содержащих административную преюдицию, что будет способствовать развитию данного института в уголовном законодательстве.

Библиографический список

1. Балалаева, Ю.С. Институт несостоятельности (банкротства) в контексте ХМСП-методологии // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: Сб. научн. тр. / Под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н.Новгород, 2018. – С. 245-252.

2. Безверхов, А.Г. Административная преюдициональность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2010. – № 2 (10). – С. 39-52.

3. Демичев, А.А. Теоретико-методологические принципы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / Под ред. А.А. Демичева. – Вып. 1. – Н. Новгород, 2009. – С. 7-16.

4. Демичев, К.А. Природа и особенности хроноразрыва в контексте методологических принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 22-30.

5. Иванчин, А.В. Конструирование составов преступлений с административной преюдицией: Pro et contra // Вестник Ярославского гос. Ун-та им. П.Г. Демидова. – 2012. – № 3. – С. 65-68.

6. Плешаков, А.М., Осипов, В.А., Мордовец, А.А. Неоднократность административного правонарушения как конструктивный признак состава преступления //Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 7. – С. 184-189.

7. Эргашева, З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. – 215 с.

Руденок Ксения Вячеславовна
Rudenok Kseniya Vyacheslavovna

заведующий кабинетом кафедры административного права и процесса Нижегородская академия МВД России
Chief of cabinet of Department of Administrative Law and Procedure Nizhny Novgorod,
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Сравнительно-правовой анализ типологии терроризма в Российской империи и Российской Федерации

Comparative legal analysis of the typology of terrorismin the Russian Empire and the Russian Federation

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ типологии терроризма в Российской империи и Российской Федерации, выявляются общие черты и различия в типах террористической деятельности.

Ключевые слова: типология терроризма, терроризм, Российская империя, Российская Федерация, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение, террористическая борьба.

Annotation. the article provides a comparative analysis of the typology of terrorism in the Russian Empire and the Russian Federation, identifies common features and differences in the types of terrorist activities.

Keywords: typology of terrorism, terrorism, Russian Empire, Russian Federation, chrono-discrete monogeographical comparative jurisprudence, terrorist struggle.

Терроризм на современном этапе является наиболее волнующей и серьезной проблемой мирового сообщества. Сложность, многообразие форм, различия в понимании и оценке опасности деятельности террористических организаций требуют незамедлительного решения на международном уровне. Активная террористическая деятельность блокирует нормальное функционирование общества и подвергает привычную жизнь людей негативным изменениям, способствующим распространению ненависти, нетерпимости и противостоянию между различными социальными группами.

В связи с высокой динамичностью развития общества появляются различные факторы, способствующие распространению терроризма. Для

решения существующих проблем необходимо изучить типологию терроризма, подходы к классификации которой многообразны и единого подхода до сих пор не существует.

Проблема существования терроризма на территории России не является новой. Терроризм, который зародился в Российской империи в 70-е гг. XIX в. перестал практически существовать в советский период как массовое явление. Единичные акты террористического характера не ставили перед государством комплексной задачи по противодействию терроризму. В виду того, что между терроризмом в Российской империи и терроризмом в Российской Федерации существует временной разрыв, данное явление можно изучать с использованием методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [3, 4, 7, 8], которая применяется в изучении различных институтов, идей, концепций [5, 6, 16] и явлений [2, 11, 14].

Анализируя научную литературу, можно выделить следующие подходы к типологии терроризма.

Например, политолог Д.В. Ольшанский выделяет следующие типы терроризма:

– *политический*, целью которого является давление на политическую власть страны, лидеров и проводимую ими политику, а также оказание давления на принятие тех или иных властных решений;

– *экономический*, целью которого является дискриминационная деятельность в экономической сфере и оказание влияния на экономическую ситуацию в стране через поддержку конкурентов, оказания влияния на социальные слои населения, а также достижение экономических выгод и увеличения финансирования террористической деятельности;

– *социальный* или *бытовой* терроризм, который получает развитие с усиливающейся криминогенной ситуацией в стране, социальной нестабильностью, общей неустроенностью и разгулом преступности внутри страны;

– *информационный*, целью которого является прямое воздействие на психику и сознание людей в целях формирования нужных мнений и суждений, определенным образом направляющих поведение людей [12, с. 33].

Кроме данной классификации, эксперты, изучающие феномен терроризма, выделяют шесть основных типов современного терроризма:

– *националистический терроризм*, целью которого является формирование для своей этнической группы отдельного государства;

– *религиозный терроризм*, целью которого является применение насилия во имя своей конфессии;

– *терроризм левых экстремистов*, целью которых является уничтожение капитализма и замещение его коммунистическим или социалистическим режимом;

– *терроризм с поддержкой государства*, целью которого является использование террористических групп для ведения вооруженных действий одними государствами против других;

– *терроризм правых экстремистов*, целью которых является борьба с демократическими правительствами для замены их фашистскими государствами через насильственные действия против иммигрантов, беженцев и продвижением расистских и антисемитских взглядов.

– *терроризм анархистов*, который был распространен с конца XIX в. по 1920- е годы XX в.

Рассматривая проблему терроризма в другом ключе, можно дать следующую классификацию типологии терроризма:

– *по субъекту* делится на: индивидуальный и организованный;

– *по цели* делится на: националистический, религиозный, революционный;

– *по территории* делится на международный и государственный [10: 7-10].

Также Л.В. Сердюк выделяет такой вид терроризма, как «бескорыстный» терроризм, под которым понимал «деятельность русских революционеров-террористов в начале XX в. При этом по мнению автора, очевиден положительный момент фанатической деятельности революционеров-террористов – он в их бескорыстии, в стремлении к социальной справедливости для всех людей государства» [15: 38].

Однако, на наш взгляд, определение «бескорыстного» терроризма вполне совпадает с определением «политический терроризм», понимаемый как «насильственные вооруженные акции, планируемые с достаточной периодичностью полулегальными или нелегальными группами, имеющие своей целью посредством нагнетания страха оказать давление на власть и добиться определенных результатов» [10: 175].

В целом, следует отметить, что типология терроризма на современном этапе отличается от типологии терроризма, существовавшего в Российской империи.

В Российской империи второй половины XIX − начала XX в. существующие специфические условия способствовали распространению террористической деятельности. «Российский революционный терроризм этого периода, - по мнению А.А. Бакаева, – вышел за привычные рамки политического убийства. Формами революционного насилия, подпадающими под широкую трактовку дефиниции «терроризм», стали экспроприации, вооруженные нападения, похищения, вымогательства и шантаж» [1: 3]. Сочетание данных элементов говорит о том, что в большей степени терроризм в Российской империи носил политический характер, в отличие от современного терроризма, который стал более сложным и многофункциональным.

В Российской империиполитический терроризм длительное время рассматривали как часть освободительного движения революционеров, в связи с чем оправдывали его. Революционеры стремились создать новый путь для империи, привести народ к справедливому миру и порядку. Революционеры были весьма религиозными людьми, высокоморальными. Однако понимание происходящего в действительности, приводило их на путь террора. Поддержка народа, их деятельности и стремлений, имела для представителей террористической борьбы решающее значение. При совершении террористического акта применение насилия оправдывалось исключительно поддержкой народа, при этом оценка правомерности совершенного деяния уже не требовалась. Именно так революционеры-террористы пытались найти нравственное или моральное оправдание, которое позволяло им освободиться от бремени закона для достижения поставленных целей в борьбе за лучшее будущее для всего народа [13: 142].

Современный терроризм же имеет совершенно иные корни. Он больше не ищет поддержки у народа, а целенаправленно действует против него, уничтожая мирное население, запугивая его и пытаясь влиять на государственную власть в своих собственных интересах, не считаясь с интересами мирных граждан.

Исчезли из деятельности террористов в современной России и высокоморальные и благородные цели, которые преследовали в своей деятельности террористы-революционеры в Российской империи. Террористическая деятельность стала осуществляться сугубо в личных интересах и их защиты отдельных ее представителей.

Террористические организации в современной России используют различные оболочки: политические, экономические, религиозные, интерпретируя идеи и постулаты в выгодном для своей преступной деятельности свете.

В начале 90-х гг. XXI в. в России терроризм имел политико-националистические корни, связанные со стремлением создать на территории Северного Кавказа собственное исламское государство. С 1994 на его территории началась борьба с незаконными террористическими вооруженными формированиями. К концу 2014 года по сообщениям Национального антитеррористического комитета практически все диверсионно-террористические группы и филиалы ИГИЛ и «Имарат Кавказ» на территории Дагестана были ликвидированы. Об окончательном разгроме террористического подполья на Северном Кавказе в декабре 2017 года официально заявил директор ФСБ Александр Бортников [9].

Однако сейчас в большей степени терроризм носит религиозный (исламский) характер. Исламские террористы прикрываются религиозными мотивами во имя совершения собственных корыстных интересов. Внедряе-

мая таким путем в массовое сознание террористическая идеология ведет к дискредитации ислама в глазах мировой общественности.

Так же с развитием технологий появился такой тип терроризма, как кибертерроризм. Ведя свою деятельность через сеть Интернет, террористические организации стремиться оказывать еще большее влияние на мировое сообщество.

Подводя итог данной статье, следует сделать вывод о том, что типология современного терроризма имеет мало общего с историческим предшественником периода Российской империи. Если раньше терроризм носил в большей степени политический характер и был уделом подпольных организаций, стремящихся заявить таким образом о своих намерениях участвовать в политических процессах в рамках того или иного государства, изменить к лучшему жизнь простого населения, то в начале XXI в. терроризм, обрел настолько обширный характер и различную типологию, что посчитал возможным бросить вызов всему мировому сообществу, реализовать свои далеко идущие планы, а также заявить о своих претензиях на переустройство мира с помощью идеологических основ, экономических интересов, а также благодаря поддержке от ряда государств, которым существование террористических организаций играет на руку в отстаивании своих интересов.

Библиографический список

1. Бакаев, А.А. Историография российского революционного терроризма конца XIX – начала XX веков: автореферат дис. … докт. ист. наук: 07.00.09 / Бакаев Анатолий Александрович. – Москва, 2005. – 44 с.

2. Большакова, В.М. Судебные преобразования в России второй половины XIX – начала XX в. и конца XX – начала XXI в. как хронодискретное явление // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 10А. – С. 127-134.

3. Демичев, А.А. К вопросу о предмете хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 9-21.

4. Демичев, А.А. Проблемы изучения правовой преемственности в хронодискретных моногеографических исследованиях // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 160-165.

5. Демичев, К.А. Идея и концепция как объект изучения хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – № 3. – С. 13-15.

6. Демичев, К.А. Концепция в сфере частного права как объект изучения научной школы ХМСП // Вестник Нижегородского института управления. – 2018. – № 3 (49). – С. 38-41.

7. Демичев, К.А. Развитие нижегородской научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Нижегородский край и развитие России: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов научно-практических конференций и круглых столов. 09 ноября 2018 г. – Нижний Новгород, 2018. С. 27-30.

8. Демичев, К.А. Хронодискретность в развитии государственности: восточный вариант // Актуальные вопросы современного развития России. Основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2016 г. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 332-335.

9. Ласнов А. Глава ФСБ объявил о ликвидации бандподполья на Северном Кавказе // Взгляд. ру. 19.12.2017.

10. Малиновская, Ю.В. К вопросу о типологии терроризма // Вестник Пятигорского лингвистического университета. – 2006. – № 1. – С. 175-178. (175).

11. Овчинникова, Г.В. Терроризм: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / Научный редактор Б.В. Волженкин. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ. – 1998. – 36 с.

12. Ольшанский, Д.В. Психология терроризма. – СПб.: Питер. – 2002. – 288 с.

13. Руденок, К.В. Идеология терроризма в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2018. – № 1. – С. 138-145.

14. Руденок, К.В. Терроризм в России: ХМСП исследование // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Первой всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2018. – С. 160-173.

15. Сердюк, Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование / под ред. С.П. Щербы. – М.: ООО Изд-во «Юрлитинформ». – 2002. – 384 с.

16. Хужин, А.М. Поведенческая концепция вины в частном праве: исторические предпосылки и современное понимание // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / под ред. А.А. Демичева. – Вып. 4. – М.: ООО «Ваш полиграфический партнер», 2012. – С. 180-189.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Аверьянова Мария Игоревна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и мждународного права Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС.

2. **Асанов Руслан Финусович** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоведения Нефтекамского филиала Башкирского-государственного университета (Уфа – Нефтекамск).

3. **Балалаева Марина Викторовна** - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС.

4. **Балалаева Юлия Сергеевна** – курсант 403 учебной группы Нижегородской академии МВД России.

5. **Большакова Валентина Михайловна** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституионного и административного права Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС.

6. **Власов Михаил Владимирович** – старший преподаватель кафедры гражданского и международного права НИУ – филиала РАНХиГС.

7. **Волосатых Евгений Андреевич** – кандидат юридических наук, заместитель председателя Второго кассационного суда общей юрисдикции (Москва).

8. **Воробьев Андрей Витальевич** – старший юрисконсульт правового отдела Нижегородской академии МВД России.

9. **Гуляева Татьяна Борисовна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и мждународного права Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС.

10. **Гольцман Елена Валериевна** – преподаватель кафедры управления Нижегородской академии МВД России.

11. **Демичев Алексей Андреевич** – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС; профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России.

12. **Демичев Кирилл Андреевич** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором аспирантуры Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС.

13. **Дорош Илья Николаевич** – студент 2 курса юридического факультета НИУ – филиала РАНХиГС.

14. **Зайцева Алеся Анатольевна** – консультант-юрист государственно-правового департамента Нижегородской области.

15. **Золотова Ольга Игоревна** – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Курского государственного университета.

16. **Илюхин Андрей Владимирович** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань).

17. **Илюхина Вера Алексановна** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань).

18. **Леонов Александр Петрович** – начальник отделения ООРИ Управления МВД России по г. Перми, адъюнкт Нижегородской академии МВД России.

19. **Лонская Светлана Владимировна** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

20. **Озманов Нодар Агитович** – генеральный директор ООО «Юридическая компания «ОзмановЪ» (Нижний Новгород).

21. **Полшкова Олеся Алексеевна** – студент 2 курса юридического факультета НИУ – филиала РАНХиГС.

22. **Пчелкин Александр Владимирович** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса НИУ ВШЭ.

23. **Ромадина Надежда Эдуардовна** – курсант 292 учебной группы Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань).

24. **Руденок Ксения Вячеславовна** – заведующий кабинетом кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

25. **Соболева Мария Владимировна** – старший преподаватель кафедры криминалистики процесса Нижегородской академии МВД России.

26. **Тимощук Алексей Станиславович** – доктор филисофских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний.

27. **Фабричная Людмила Игоревна** – студентка 3 курса лечебного факультета Приволжского исследовательского медицинского университета.

28. **Хужин Альфир Мисхатович** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры гражданского процессуального права Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия.

29. **Черепанов Сергей Иванович** – старший преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ХРОНОДИСКРЕТНОГО МОНОГЕОГРАФИЧЕСКОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Сборник научных трудов по материалам
Второй всероссийской научной конференции

Все представленные материалы издаются в авторской редакции

Техн. редактор и комп. верстка *С.Е. Речнова*

Подписано в печать 18.12.2019.
Формат 60×□84/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 17,51. Усл. печ. л. 16,27. Тираж 500 экз. Зак. 7159.

Нижегородский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
603950, Нижний Новгород-292, пр. Гагарина, 46
тел./факс: (831) 412-33-01